

ЧАСТЬ II

Быстро подчинив в начале 70 г. один за другим отказавшиеся добровольно сдаться прибрежные понтийские города (Амастриду, Гераклею, Синопу и другие), Лукулл вернулся к Мурене, все еще осаждавшему Амис. Дождавшись, когда защитники города были распущены для отдыха, римляне предприняли неожиданный штурм, в результате которого удалось захватить небольшую часть стены. Командовавший обороной города Каллимах, перед тем как бежать, поджег город. Желая сохранить город, Лукулл приказал солдатам гасить пожар, однако те с криком и гремя оружием стали требовать добычи. Военачальник уступил их требованиям, полагая, что таким образом сможет спасти город от огня, однако его расчет не оправдался. Легионеры в поисках добычи всюду шарили факелами, еще больше распалая пожар. Лишь разразившийся ливень спас город от полного уничтожения. Большая часть домов была восстановлена еще в присутствии Лукулла, который, призвав жителей города вернуться в Амис, выплатил им компенсацию по двести драхм на каждого и предоставил автономию¹.

К Тиграну II в Армению, куда, как было упомянуто выше, бежал Митридат, с требованием выдачи понтийского царя был послан Аппий Клавдий. Освободившись от военных забот и полагая, что война уже завершена, Лукулл принес победные жертвы. В течение оставшейся части 70 г. он занимался установлением римских порядков на завоеванных землях, а также восстановлением пострадавшей от войны, а до нее, возможно в большей мере, от римских ростовщиков, провинции Азия. Здесь он установил подать в размере четвертой части с плодов земли, и налоги с рабов и с домов, а также упорядочил ссудные операции². С правившим Боспорским царством сыном Митридата, Махаром, который прислал ему золотой венок, был заключен договор о дружбе.

Тем временем армянские проводники кружным, «как софизм», путем долго вели Аппия Клавдия к Тиграну. Разузнав от одного вольноотпущенника-сирийца короткую дорогу, посланник Лукулла отказался от услуг проводников и спустя несколько дней, переправившись через Евфрат, прибыл в Анитохию «при Дафне», где ему было велено дожидаться прибытия армянского царя, занятого покорением финикийских городов. Не теряя времени даром, Аппий Клавдий от имени Лукулла вступил в отдельные переговоры и заручился тайной поддержкой тяготившихся армянским господством некоторых правителей, которые отправляли к нему посланников³: «он поддержал дух царей и тетрархов, потерявших мужество»⁴.

¹ App. Mithr. 83; Plut. Luc. 19.

² App. Mithr. 83; Plut. Luc. 20.

³ Plut. Luc. 21.

⁴ Sall. Hist. IV. 56.

Прибыв в свою резиденцию, армянский царь наконец принял римского посланника. Последний, ничуть не смущаясь торжественной пышностью придворного церемониала, передал письменное послание своего полководца и без лишних слов прямо заявил, что пришел с тем, «чтобы или получить Митридата, который должен быть проведен в триумфальном шествии Лукулла, или объявить Тиграну войну»⁵. Ответ царя, уязвленного к тому же тем, что в письменном послании Лукулл именовал его просто «царем», а не «царем царей», гласил, что Митридата он не выдаст, а если римляне начнут войну, даст им отпор. Выполнившему свою миссию Аппию царь послал роскошные дары, когда же тот отказался – добавил новые. Не желая давать повода думать, будто он отвергает дары из вражды к Тиграну, Аппий выбрал одну чашу, а остальное – вернул обратно и поспешил к Лукуллу.

Митридат, с которым, после того как тот лишился своего великого царства, Тигран обращался презрительно и надменно и держал его, словно узника, в течение года и восьми месяцев⁶ вдали от себя, в болотистых и нездоровых местах, был срочно вызван к армянскому двору. На трехдневных переговорах, завершившихся заключением военного союза между Понтом и Арменией, причина бывшего до этого взаимного недоверия царей была устранена за счет их подчиненных: Тигран заявил, что присланный ранее к нему Митридатом с просьбой о помощи против римлян советник Метродор по собственной инициативе отговорил армянского царя от удовлетворения просьбы. Узнав об этом, Митридат немедленно приказал казнить своего советника⁷.

Получив доклад от Аппия Клодия о результатах миссии, Лукулл принял решение идти войной на Тиграна.

Солдаты Лукулла, и без того не отличавшиеся до этого послушанием, открыто стали выражать свое недовольство очередным походом, тем более что в Италии начался процесс наделения земельными наделами их коллег, служивших под началом Помпея и Красса. Особенную обиду по этому поводу, должно быть, испытывали солдаты двух бывших легионов Фимбрии, находившихся на службе с 86 г. Да и набранные Лукуллом в 74 г. солдаты также начинали проявлять признаки беспокойства: отправляясь в поход, они рассчитывали очень скоро вернуться домой с богатой добычей. Теперь же туманными оказались не только перспективы войны, но и вознаграждения за воинскую службу. Учитывая недовольство в собственных частях, на войну с Тиграном Лукулл сможет отправиться лишь в двумя легионами и конницей, состоявшей из фракийских и галатских всадников. Я.А. Манандян отмечает, что «трудно [...] допустить, чтобы с таким незначительными

⁵ Plut. Luc. 21.

⁶ Memn. 53.

⁷ Plut. Luc. 22.

силами Лукулл счел возможным предпринять крупный военный поход против Тиграна II, к которому – он это прекрасно знал – должен был присоединиться Митридат»⁸. Плутарх пишет, что «могло показаться, что какой-то дикий, враждебный здравому смыслу порыв гонит его в средоточие воинственных племен с их бесчисленной конницей, в необозримую страну, отовсюду окруженную глубокими реками и горами, на которых не тает снег»⁹. Напомним, что в 72 г. Лукулл предостерегал своих солдат от войны с Арменией: «Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном!»¹⁰.

В действительности же, Лукулл прекрасно осознавал, что его собственная роль в решающей победе 73-72 гг. над понтийским царем была формальной, которая без плененного либо убитого Митридата переставала быть почетной уже и внешне. Если он вернется в Рим без понтийского царя, то его, чуть ли не открыто, будут упрекать, что Помпей, место которого в войне с Понтом Лукулл занял путем интриг, не допустил бы, чтобы Митридат оставался на свободе. Поэтому, пока действует мандат сената, война для Лукулла могла закончиться либо с поимкой Митридата, либо с его [Лукулла] личным поражением. Иного достойного для себя выхода он не видел, хотя, если судить объективно, силами, которыми Лукулл располагал, вряд ли можно было одержать победу над Тиграном, который в течение последних 25 лет приобрел славу непобедимого полководца, покорившего многие страны Азии – часть Месопотамии, Сирию, Киликию и Каппадокию¹¹.

Когда в Риме стало известно о намерениях Лукулла начать новую войну, народные трибуны начали активную агитацию против него: «он-де бросается из одной войны в другую [с Тиграном], – хотя государство не имеет в том никакой надобности, – лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество»¹².

Прежде чем выступить в поход против Армении, Лукуллу сначала пришлось задержаться, снова направившись в Синопу, которую захватили киликийские пираты во главе с Селевком – тем самым, который спас Мит-

⁸ Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим. Ереван. 1943. с. 118.

⁹ Plut. Luc. 24.

¹⁰ Plut. Luc. 14.

¹¹ «Тиграну выпало на долю испытать различные превратности судьбы. Вначале он жил заложником у парфян; затем ему удалось получить от них дозволение вернуться на родину, причем парфяне взяли выкуп – 70 долин в Армении. Потом, усилив свое могущество, Тигран не только отнял у парфян эти области, но даже опустошил их собственную страну – области около Нина и Арбел. Далее, он покорил властителей Атропатены и Гордиеи и с их помощью остальную часть Месопотамии. Перейдя Евфрат, он силой овладел самой Сирией и Финикией» (Strabo XI. 14. 15).

¹² Plut. Luc. 24.

ридата во время бури. Город был взят после непродолжительной осады: пираты вместе с остатками понтийского гарнизона покинули город, предварительно разграбив и предав его огню¹³.

Между тем из Армении пришло известие, что Митридат и Тигран набирают 250 тысяч пехоты и около 50 тысяч всадников и намерены через Ликаонию и Киликию в ближайшее время вторгнуться в провинцию Азия, чтобы первыми открыть военные действия. Лукулл подивился армянскому царю: «если уж тот имел намерение напасть на римлян, почему он не заключил союз с Митридатом, когда понтиец был в расцвете могущества, почему не соединил свои войска с его ратью, когда та еще была полна мощи, зачем дал ему пасть и обессилеть, а теперь начинает войну при ничтожных надеждах на успех, обрекая себя на гибель вместе с теми, кто уже не может оправиться и подняться?»¹⁴.

Желая упредить неприятеля, Лукулл оставил в Понте Сорнатия с шеститысячным отрядом, а сам с двенадцатью тысячами пехоты и тремя тысячами конницы проделал большой путь и, переправившись через Евфрат и Тигр, вступил в Армению¹⁵.

Первый вестник, сообщивший Тиграну о приближении Лукулла, по приказу царя был обезглавлен, после чего уже никто не решался сообщать о передвижениях римлян. Лишь когда скрывать информацию не осталось никакой возможности, приближенный армянского царя Митробарзан осмелился доложить ему о приближении врагов к столице. В ответ Тигран немедленно выслал докладчика с тремя тысячами всадников против римлян с приказом растоптать врагов, а самого Лукулла привести живым.

В момент приближения армянских всадников римляне занимались установкой лагеря. Во главе с Секстилием Лукулл выслал им навстречу половину своей конницы и около двух тысяч пехотинцев, которые должны были преградить неприятелю дорогу, не вступая в сражение до тех пор, пока оставшиеся римские части не разместятся в лагере. Однако дерзким нападением Митробарзан принудил отряд римлян вступить в бой, в котором пал сам армянский военачальник и весь его отряд.

После этой неудачи Тигран оставил Тигранокерт и спешно отступил к Тавру, куда по его призыву стали стекаться со всей Армении и подвластных царю земель войска. Стремительно действуя на коммуникациях, римляне уничтожили несколько крупных отрядов, направлявшихся в Тавр. Лукулл решил осадить Тигранокерт – город, который Тигран заложил и богато выстроил в честь себя, рассчитывая, что царь не выдержит, но уступит гневу и вопреки собственному намерению придет, чтобы дать решительное

¹³ Plut. Luc. 23.

¹⁴ Plut. Luc. 24.

¹⁵ Plut. Luc. 24.

сражение. Римский полководец, «окружив Манкея [одного из армянских военачальников] в Тигранокерте, немедленно занял царский дворец, находившийся вне городских стен; самый же город и цитадель он окружил валом и рвом, заготовил машины и провел под стенами подкопы»¹⁶.

Для того чтобы вызволить из города царский гарем, Тигран отправил в Тигранокерт шеститысячный конный отряд¹⁷. Подойдя к городу, армянский отряд непрерывной стрельбой из луков заставил римлян запереться в лагере. За ночь царский гарем и наиболее дорогие и ценные вещи царя были вывезены из города. Ближе к утру римляне вместе с фракийской конницей организовали атаку на армянский отряд, который, понеся существенные потери, отступил, все же справившись с поручением Тиграна.

Митридат и находившийся при Тигране понтийский полководец Таксил советовали армянскому царю уклоняться от сражения, но при помощи конницы отрезать римлян от подвоза продовольствия. Однако собрав огромную армию (лучников и пращников у него было двадцать тысяч, всадников – пятьдесят пять тысяч, из которых семнадцать тысяч были закованы в броню, тяжелой пехоты полтораста тысяч, а также тридцать пять тысяч вспомогательных работников, которые, выстраиваясь позади бойцов, придавали войску еще более внушительный вид), Тигран решил, что навязчивые советы понтийцев являются проявлением зависти и желанием отговорить его от великого подвига, и направился обратно к своей столице.

Увидев со стен огромную рать Тиграна, осажденные предались ликованием, с угрозой указывая римлянам на армянское войско. На военном совете одни предлагали Лукуллу снять осаду и двинуться навстречу Тиграну, тогда как другие, наоборот, считали нежелательным снятие осады. Однако тот решил разделить свое войско: Мурена с шестью тысячами пехотинцев должен был остаться и продолжить осаду, а сам он с десятью тысячами тяжеловооруженных солдат, всей конницей и почти тысячей пращников и лучников – выступить против царя.

Когда Лукулл стал лагерем у западного берега реки, то на фоне широкой долины его войско показалось армянам еще более ничтожным. В расположенном на противоположной стороне реки армянском лагере окружение царя, глядя на римлян, изощрялось в насмешках: не было полководца или царька, который не обратился бы к Тиграну с просьбой поручить все дело ему одному, а самому сидеть в качестве зрителя. Сам же Тигран, увидав малочисленность римлян, с насмешкой произнес знаменитую фразу: «Если это послы, то их много, если же враги, то их чересчур мало»¹⁸.

¹⁶ Cass. Dio. 36. 1b.

¹⁷ Mem. 65; App. Mithr. 85.

¹⁸ App. Mithr. 85.

На рассвете следующего дня, 6 октября 69 г., Лукулл вывел своих людей в полном вооружении. Чуть ниже армянского лагеря река, отделявшая их от врагов, сворачивала на запад и образовывала удобную переправу, куда спешно направились римляне. Тигран, видя быстро удаляющееся наискосок в левом направлении римское войско, решил, что оно отступает, и со смехом обратился к понтийскому полководцу Таксилу: «Видишь, как бегут твои «неодолимые» римские пехотинцы?», на что тот ответил: «Хотелось бы мне, государь, чтобы ради твоей счастливой судьбы совершилось невозможное! Но ведь эти люди не надевают в дорогу свое самое лучшее платье, не начищают щитов и не обнажают шлемов, как теперь, когда они вынули доспехи из кожаных чехлов. Этот блеск показывает, что они намерены сражаться и уже сейчас идут на врага»¹⁹. В этот момент Лукулл уже выстраивал для переправы по центуриям все двадцать четыре когорты. Тигран с трудом поверил своим глазам: «Это они на нас?» дважды воскликнул он... Огромное армянское войско спешно начало строиться в боевые порядки: центр возглавил сам Тигран, левое крыло – адиабенский царь, правое, передние ряды которого заняла броненосная конница, – индийский.

Перед тем как начать переправу, военачальники попытались еще раз отговорить Лукулла от сражения, ссылаясь на то, что некогда в этот «черный» день в битве с кимврами погибло римское войско, предводительствуемое Цепионом. На это предостережение Лукулл ответил: «Что ж, я и этот день сделаю для римлян счастливым!» и, призвав солдат ободриться, переправился через реку.

Впереди римского войска на врага шел облаченный в чешуйчатый панцирь из железа и обшитую бахромой накидку сам Лукулл, который сразу обнажил свой меч, давая таким образом своим воинам понять, что простреливаемое из лука расстояние до двухсотпятидесятитысячного²⁰ войска противника нужно одолеть как можно быстрее. Логично предположить, что во главе пятнадцатитысячного²¹ римского войска Лукулл шел на встречу собственной гибели. Но... вдруг взор римского полководца привлекла плотно стоящая слева закованная в броню тяжелая армянская конница, на которую Тигран возлагал особые надежды. Всадники были выстроены под холмом с плоской и широкой вершиной, до которой римлянам нужно было всего лишь пробежать не такое уж трудное или крутое расстояние в семьсот метров. Имевшимся в его распоряжении фракийским и галатским всадникам Лукулл приказал сбоку ударить на неприятельскую

¹⁹ Plut. Luc. 28.

²⁰ Plut. Luc. 26. По Аппиану численность войска Тиграна, участвовавшего в сражении под Тигранокертом, составляла 250 тысяч пехоты и 50 тысяч конницы – App. Mithr. 85.; по Евторвию – 7,5 тысяч закованных в броню всадников и 100 тысяч пехоты – Eutrop. VI. 9. 1.; по Мемнону – 80 тысяч – Memn. 57.

²¹ Front. II. 1. 14; Plut. Luc. 28.

конницу и отбивать ее копья – единственное оружие, которым была вооружена броненосная конница. Сам полководец с оружием в руках и пешим во главе двух когорт устремился на вершину холма: солдаты его были преисполнены решимости, глядя на делящего с ними труды и опасности военачальника.

Взойдя на холм, Лукулл крикнул: «Победа наша, наша, соратники!» и повел солдат на вражескую конницу, наказав при этом не пускать больше в ход дротиков, но подходить к врагу вплотную и разить мечом в бедра и голени – единственные части тела, которые не закрывала броня. Однако легионеры так и не успели выполнить наказа своего военачальника... тяжелая армянская конница, уже ввязывавшаяся в схватку с римской, неожиданно увидав еще и стремительно двигавшуюся на них с вершины холма римскую пехоту, не дожидаясь ее приближения, с воплями обратилась в бегство. Отметим, что армянская конница сразу оказалась в безвыходной ситуации: вооруженные одним лишь копьем тяжелые неповоротливые всадники предназначались для таранного наступления на вражеские ряды – находясь же в этом сражении в статичном положении, они, с одной стороны, вынуждены были ввязаться в бой с легкой римской конницей, а с другой, когда увидели, что с вершины холма на них устремились римские когорты, то мгновенно осознали, что не смогут организовать действенную атаку на вершину холма. Тактический промах обернулся для армянского царя катастрофой: свыше пятидесяти тысяч его всадников со своими отягощенными броней конями врезались в выстроившиеся порядки многочисленной армянской пехоты, прежде чем та успела принять какое-либо участие в сражении²². Войско Тиграна охватила паника: «при таком множестве, все сталкивались друг с другом, и так как никто не знал, откуда идет на них гибель, то произошло страшное избиение»²³. «Тиграновы воины бежали, или, вернее, пытались бежать, – из-за густоты и глубины своих рядов они сами же себе не давали дороги»²⁴. Так как Лукулл строго-настрога запретил своим воинам во время сражения отвлекаться на грабеж, римляне только преследовали и убивали вражеских солдат до тех пор, пока не наступила ночь²⁵. Только тогда они стали возвращаться обратно и обирать убитых. Войско Тиграна потеряло свыше 100 тысяч человек убитыми, а из конницы мало кому удалось спастись²⁶. У римлян было ранено сто человек и убито пять²⁷.

Сам Тигран бежал со своей свитой с поля битвы еще в самом ее начале. Прослезившись, он отдал царскую диадему своему сыну, приказав спа-

²² Plut. Luc. 28.

²³ App. Mithr. 85.

²⁴ Plut. Luc. 28.

²⁵ App. Mithr. 85. Sall. Hist. IV. 67.

²⁶ Plut. Luc. 28. По Мемнону потери Тиграна равнялись численности его войска. Memn. 57.

²⁷ Plut. Luc. 28.

саться другой дорогой. Не осмелившись надеть диадему, тот отдал ее на хранение одному из своих слуг. Последний вскоре был пленен, а царская диадема стала военной добычей римлян.

Между тем, в направлении армянской столицы на соединение с Тиграном неспешно двигался Митридат. Он пребывал в уверенности, что Лукулл как обычно будет уклоняться от сражений, когда на его пути стали попадаться сначала разрозненные, а затем и более многочисленные, отряды безоружных и израненных беглецов, от которых он узнал о поражении Тиграна. Разыскав армянского царя, Митридат «не стал припоминать ему былых обид, – напротив, он сошел с коня и начал вместе с ним оплакивать их общее горе, а затем предоставил в его распоряжение слуг из собственной свиты и стал ободрять его надеждами на будущее»²⁸.

В самом Тигранокерте, на глазах жителей которого была разбита армянская армия, события приняли стремительный оборот. Руководивший обороной города Манкей, опасаясь измены, приказал разоружить всех греков²⁹, которых Тигран принудительно переселил сюда в 70-х гг.³⁰. Беспрекословно сдав боевое оружие, греки, боясь за свою жизнь, вооружились палками и старались держаться вместе. Тогда Манкей направил против них войска. В ходе жестоких столкновений грекам удалось сначала вооружиться оружием убитых, а затем, захватив часть городской стены, призвать римлян предпринять в этом месте штурм города. Проникнув с помощью греков через крепостную стену в город, римляне быстро захватили его и ликвидировали очаги сопротивления. Забрав находившиеся в городе сокровища, Лукулл отдал его на разграбление солдат. Только деньгами было награблено 8 тысяч талантов, и это не считая восьмисот драхм, розданных Лукуллом каждому солдату³¹. Грекам и всем другим, насильно переселенным в Тигранокерт, Лукулл разрешил вернуться на родину, предварительно снабдив на дорогу деньгами. Бывшие данники Тиграна стали отправлять к Лукуллу послов с заверениями в доброжелательности и в поисках римского покровительства.

Зиму 69-68 гг. Лукулл со своей армией провел в стране гордиенцев. Еще во время посольства Аппия Клавдия к Тиграну в 70 г. местный царь Зарбиен вступил в тайный союз с римлянами и тогда же он, его жена и дети были казнены по приказу Тиграна, узнавшего об измене. Теперь Зарбиену были устроены пышные похороны и поставлен дорогой памятник³².

С предложением дружбы и союза к Лукуллу явилось посольство от парфянского царя Фраата III. Отдавая должное значимости Парфии, Лу-

²⁸ Plut. Luc. 29.

²⁹ App. Mithr. 86.

³⁰ App. Mithr. 67.

³¹ Plut. Luc. 29.

³² Plut. Luc. 29.

кулл со своей стороны отправил ответное посольство. Однако очень скоро стало известно, что парфянский царь ведет двойную игру: вступив в тайные переговоры с противниками римлян, Фраат в качестве платы за союз требовал у Тиграна Месопотамию³³. Сохранилось даже письменное обращение Митридата за помощью к парфянскому царю³⁴. Последнему удалось втайне от противоборствующих сторон заключить союз и с римлянами, и с Тиграном и Митридатом³⁵. Узнав об этом, Лукулл решил идти войной против парфян, рассчитывая, по видимому, «одним воинственным натиском, словно борцу, одолеть трех царей и с победами пройти из конца в конец три величайшие под солнцем державы»³⁶.

Сортанию и другим военачальникам, оставшимся в Понте, был отправлен приказ немедленно прибыть с войсками под Тигранокерт. Но... в Понте римским военачальникам, которые раньше встречали со стороны своих солдат «угрюмое неповиновение», пришлось столкнуться с чуть ли не открытым бунтом. «Ни лаской, ни строгостью они ничего не могли добиться от солдат, которые громко кричали, что даже и здесь они не намерены оставаться и уйдут из Понта, бросив его без единого защитника»³⁷. Когда вести о волнениях в римских частях дошли до Тигранокерта, Лукуллу пришлось лично наблюдать, как «узнав о дерзких речах своих понтийских товарищей, они [солдаты Лукулла] называли их настоящими мужчинами и стали говорить, что этот пример достоин подражания: ведь своими подвигами они давно заслужили себе право на избавление от трудов и отдых!»³⁸. От похода против парфян Лукулл вынужден был отказаться.

В середине лета 68 г. Лукулл снова выступил в поход против Тиграна. Перевалив через Тавр, он стал беспрепятственно разорять армянские селения. Армяне предприняли две или три неудачные попытки нападения на римлян, которым удалось захватить продовольственные резервы, предназначенные для армии Тиграна. Несмотря на то, что римляне огнем и мечом проходили по стране, Тигран всячески избегал сражения. Тогда Лукулл решил прибегнуть к той же тактике, которая привела Тиграна к римлянам под стены Тигранокерта. Вся семья армянского царя находилась в Артаксатах, куда стремительно направились римские легионы³⁹. Расчет Лукулла оказался верным: проделав со своим вновь набранным войском четырехдневный путь, Тигран расположился на берегу реки Арсания, через которую римлянам предстояло переправляться. Лукулл начал переправу, выставив впере-

³³ Plut. Luc. 30.

³⁴ Sall. Hist. IV. 69.

³⁵ App. Mithr. 87.

³⁶ Plut. Luc. 29.

³⁷ Plut. Luc. 30.

³⁸ Plut. Luc. 30.

³⁹ Plut. Luc. 31.

ди двенадцать когорт. После небольшой стычки с римскими всадниками часть армянской конницы не выдержала натиска римской пехоты и разбежалась. Тигран ввел в бой резервную конницу, но и «они побежали прежде, чем дошло до рукопашной»⁴⁰.

Одержав очередную крупную победу, Лукулл продолжил поход вглубь страны, намереваясь окончательно сломить сопротивление врага. Но вскоре наступили холода. Повалил беспрестанный снег, ударили морозы. Среди римских солдат опять начался ропот. Сначала они действовали через военных трибунов, «но затем их сходки стали уже более буйными, и ночью они кричали по своим палаткам, а это служит признаком близкого бунта в войске»⁴¹. «Дело кончилось тем, что наши [римские] солдаты вместо дальнейшего продвижения потребовали немедленного отступления»⁴². Они «сделались равнодушны к службе и желали покоя»⁴³. Увещевания и упрасивания Лукулла не возымели действия. Он вынужден был отдать приказ к отступлению⁴⁴. К началу зимы 68-67 гг. римская армия перевалила новыми путями обратно через Тавр и спустилась в Мигдонию – теплую и плодородную страну. Здесь римляне после непродолжительной осады овладели городом Нисибидом, обороной которого руководили Гур, брат Тиграна II, и Каллимах, который, напомним, доставил Лукуллу много хлопот под Амисом.

В Риме ситуация в частях Лукулла вызывала нарастающую тревогу. Если вначале недовольство солдат выражалось лишь на словах, затем в отказе части легионов идти походом на Армению, а потом и наиболее преданных Лукуллу – на Парфию, то теперь дело дошло до того, что последние указывали своему полководцу, непобедимому Лукуллу, куда он должен либо не должен их вести. Уставшим солдатам надоела эта война, в которой, одерживая одну громкую победу за другой, они не видели конца и края. К этому времени было завершено наделение ветеранов Помпея и Красса земель, тогда как Лукулл даже не намекал о перспективе чего-либо подобного для своих солдат: «он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего»⁴⁵. Лучше всех природу недовольства солдат Лукуллом понимал Помпей. Пока он был занят конституционной реформой, принятием аграрного закона и обеспечением его выполнения, ход войны на востоке его вполне устраивал и особого внимания к себе не требовал. Но теперь, когда поставленные Помпеем задачи в целом были решены, на

⁴⁰ Plut. Luc. 31.

⁴¹ Plut. Luc. 32.

⁴² Cic. De imp. Pomp. 24.

⁴³ Plut. Luc. 30.

⁴⁴ Plut. Luc. 32.

⁴⁵ Plut. Luc. 33.

повестку дня вставал вопрос об обустройстве ветеранов восточной войны. Было очевидно, что Лукулл, особенно теперь, когда солдаты открыто проявляют недовольство им, не способен привести войну к какому-либо приемлемому для Рима итогу. «С него нельзя вполне снять вину за то, что он [Лукулл], по неведению или по небрежности, не принимал мер против того солдатского недовольства и ропота, из которых родилась столь великая ненависть к нему»⁴⁶.

Обстоятельно оценив ситуацию, Помпей решил добиваться собственного назначения на пост главнокомандующего взамен Лукулла. Цели были обозначены следующие: (1) обеспечить к завершению войны наличие достаточных финансовых средств для выкупа в Италии земельных наделов для ветеранов восточной кампании; (2) к моменту возвращения войск из Азии обеспечить наличие законодательной основы для быстрого и безболезненного наделения ветеранов землей. Пока же Помпей решил воздержаться от прямой ротации и начал осторожно подталкивать ситуацию к необходимому назначению.

С началом 67 г. в Риме народные трибуны начали вести агитацию против Лукулла. Заявлялось, что он преднамеренно затягивает войну, к чему «его побуждают властолюбие и корыстолюбие, в то время как в его руках почти целиком находятся Киликия и Азийская провинция, Вифиния и Понт, Армения и земли, простирающиеся до Фасида, что недавно он еще к тому же разорил дворец Тиграна, словно его послали грабить царей, а не воевать с ними»⁴⁷. К этому времени и сенаторы недоумевали, чего добивается или почему не может добиться нужного результата Лукулл? «Казалось, однако, что Лукулл скорее не хотел, чем не мог положить конец войне»⁴⁸.

В расположении римской армии в Азии вскоре появился Публий Клодий, шурин Лукулла, который стал настраивать солдат, особенно фимбрианцев, против своего военачальника⁴⁹: Клодий «постоянно возмущался, что войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как достойной награды за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях! То ли дело, продолжал он, солдаты Помпея! Они уже давно мирные граждане и живут со своими женами и детьми где-нибудь на плодородных землях или по городам, а ведь им не пришлось загонять Митридата и Тиграна в необитаемые пустыни или ни-

⁴⁶ Plut. Luc. 45 (2).

⁴⁷ Plut. Luc. 33.

⁴⁸ Vell II. 33.

⁴⁹ Cic. De har. r. 42.

спровергать азийские столицы, они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии! „Уж если, – завершал он, – нам приходится нести службу без отдыха и срока, почему бы нам не побережь остаток сил и жизни для такого вождя, который видит для себя высшую честь в обогащении своих солдат?“»⁵⁰. В результате солдаты отказались подчиняться приказам Лукулла и следовать за ним ни за Тиграном, ни за Митридатом.

Весной 67 г. в Понте с 8-тысячным войском появился Митридат⁵¹. Местное население оказывало ему деятельную поддержку⁵². Здесь он напал на оставленного Лукуллом главнокомандующим Фабия⁵³. Состоявшие на службе римлян фракийские части, которые ранее служили наемниками у Митридата, вместе с понтийцами из военной обслуги перешли на сторону царя⁵⁴. Римляне были обращены в бегство, потеряв убитыми 500 человек. Тяжелое ранение в глаз самого Митридата, вследствие которого понтийцы прекратили преследование, позволило римлянам избежать полного истребления⁵⁵. Вскоре на помощь Фабию прибыл Триарий, который принял командование десятитысячными римскими частями на себя. В это же время Тигран II, удалившись во внутренние области Армении⁵⁶, в одном из районов севернее Тигра осадил в укрепленном пункте Луция Фанния⁵⁷.

Известие о поражении Фабия заставило солдат Лукулла заглушить собственное недовольство командующим и позволить ему вести их на помощь к своим боевым товарищам⁵⁸. Пока Лукулл, вызволив Л. Фанния из осады Тиграна⁵⁹, шел на соединение с Триарием, последний из честолюбия решил самостоятельно дать бой Митридату⁶⁰. Сражение некоторое время шло с переменным успехом, пока понтийский царь, лично возглавив усиленный натиск, не решил его исход. Отступавшая в беспорядке римская пехота оказалась загнанной в болота, где полностью погибла. Триарию же во главе с римской конницей удалось вырваться на равнину. Однако вскоре их преследование было неожиданно остановлено: римский центурион, бежавший около Митридата, «как раб», нанес царю в бедро глубокую рану⁶¹.

⁵⁰ Plut. Luc. 34.

⁵¹ App. Mithr. 88.

⁵² Cic. De imp. Pomp. 24.

⁵³ App. Mithr. 88.

⁵⁴ Cass. Dio. XXXVI. 9. 2.

⁵⁵ App. Mithr. 88.

⁵⁶ App. Mithr. 88.

⁵⁷ Dio. Cass. 36, 8-9.

⁵⁸ Plut. Luc. 35.

⁵⁹ Dio Cass. 36. 10.

⁶⁰ App. Mithr. 89; Plut. Luc. 35.

⁶¹ App. Mithr. 89. Обращает не себя внимание тот факт, что Митридату удалось дважды за все время войны нанести поражения даже не Лукуллу, а его легатам, (оба весной 67 г. – Фабию и Триарию) и оба раза он оказался раненным. «Раненный часто врагами или по злему умыслу

Римлянин был тут же убит, а понтийские части – срочно отозваны командами обратно. Войско понтийцев оказалось парализованным до тех пор, пока врач, остановив кровь, не показал царя с возвышенного места. Придя в себя, Митридат разгневался на то, что остаткам римлян позволили бежать.

Между тем, поражение, понесенное римлянами, оказалось самым тяжелым за все время войн с Митридатом: полегло более семи тысяч римлян, в числе которых было сто пятьдесят центурионов и двадцать четыре военных трибуна – такое число начальников редко когда погибало у римлян в одном сражении⁶². Характерны, в связи с этим, слова из произнесенной речи Цицерона: «он [Митридат], возвратившись в свое царство, не удовлетворился неожиданным даром счастья, позволившего ему вновь ступить на землю, из которой он был изгнан, а совершил нападение на наше прославленное и победоносное войско. Позвольте мне здесь, квиристы, по примеру поэтов, излагающих историю Рима, умолчать о нашем несчастье, которое было столь тяжелым, что императору принес эту весть не гонец с поля битвы, а молва»⁶³. Вскоре после этой беспрецедентной победы была предотвращена попытка покушения на Митридата некоего Аттидия – римского сенатора, из числа проскрибированных Суллой, который давно – очевидно, с Л. Магием и Л. Фаннием – пришел к Митридату и был удостоен его дружбы. «Царь казнил его, не считая справедливым подвергнуть пытке человека, бывшего некогда римским сенатором, замешанных же вместе с ним в этот заговор он подверг страшнейшим мучениям. Вольноотпущенников же, которые были соучастниками Аттидия в этом замысле, он отпустил невредимыми, говоря, что они служили своему господину»⁶⁴.

Через несколько дней после битвы подошел Лукулл, которому пришлось прятать Триария от ярости римских солдат⁶⁵. Митридат же, избегая сражений, предпочтет, уничтожая по пути источники продовольствия для римлян, двинуться обратно в Малую Армению на соединение с вновь набравшим крупные силы Тиграном⁶⁶.

В течение 67 г. не менее важные для Лукулла события происходили в самом Риме. В начале года по инициативе претора Луция Квинтия народный трибун Авл Габиний добился принятия решения о назначении Лукуллу преемников в управлении провинциями. Консулу 67 г. Манию Ацилию

кем-либо другим, он [Митридат] даже в этом случае не прекращал (предприятия), хотя и был уже стариком». App. Mithr. 112.

⁶² App. Mithr. 89; Plut. Luc. 35.

⁶³ Cic. De imp. Pomp. 25.

⁶⁴ App. Mithr. 90.

⁶⁵ Plut. Luc. 35.

⁶⁶ App. Mithr. 90.

Глабриону были переданы провинции Вифиния и Понт⁶⁷: первая была отвоевана, а вторая – завоевана Лукуллом и формально его империй все еще должен был распространяться на эти земли, так как война продолжалась. Было также объявлено об увольнении со службы солдат Лукулла.

Авл Габиний также внес на рассмотрение законопроект о поручении Помпею войны с пиратами, могущество которых «распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли», отчего римляне уже испытывали недостачу продовольствия и опасались жестокого голода⁶⁸. Помпею предполагалось предоставить на три года не только право командования флотом из двухсотсемидесяти кораблей, но и «прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях». «Из области, на которую распространялась власть полководца, исключались только немногие страны среди тех, что находились под господством римлян; в нее входили наиболее значительные варварские племена и владения самых могущественных царей»⁶⁹. Его власть должна была распространяться на все Средиземное море и повсюду на суше в пределах 70 километров от моря. Ему предоставлялось право набирать войско, в том числе назначать по собственному усмотрению, без согласия сената, 15 легатов, разрешалось брать из казначейства и от откупщиков сколько угодно денег, а также самостоятельно собирать деньги. Царям и правителям, всем народам и городам предусматривалось направить приказ всячески содействовать Помпею⁷⁰.

Когда текст законопроекта был оглашен, народ воспринял его с восторгом. Среди оптиматов, напротив, не было согласия⁷¹. Знатнейшие и наиболее влиятельные сенаторы были шокированы: «такая неограниченная и неопределенного характера власть должна возбуждать скорее страх, чем зависть»⁷². «Никогда еще до Помпея ни один человек не отправлялся в морской поход, облеченный такой властью»⁷³. Пораженный объемом запрашиваемых полномочий, консул Г. Кальпурний Писон только и смог, что произнести: «если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего»⁷⁴, за что толпа чуть не растерзала его.

Сенаторы пытались всячески противодействовать принятию этого закона, считая лучшим терпеть лишения от пиратов, нежели передавать такой объем власти в руки одного человека⁷⁵. Партия же Помпея делала став-

⁶⁷ Plut. Luc. 33; Sall. Hist. V. 13.

⁶⁸ Plut. Pomp. 25.

⁶⁹ Plut. Pomp. 25.

⁷⁰ App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 25.

⁷¹ Vell. II. 31. 3.

⁷² Plut. Pomp. 25.

⁷³ App. Mithr. 94.

⁷⁴ Plut. Pomp. 25.

⁷⁵ Dio. XXXVI. 22.

ку на народное собрание. Но даже среди некоторых сторонников Помпея законопроект вызвал неприятие. Квинт Гортензий, консул 69 г. и защитник Верреса, открыто и активно противился намерению Помпея, видя угрозу в концентрации вооруженных сил республики в руках последнего⁷⁶.

Очевидно, что вынесению законопроекта на публичное обсуждение предшествовала дискуссия о его содержании в среде помпеянцев, в результате которой часть сторонников Помпея перешла в оппозицию к нему.

Когда в качестве первого шага в рамках решения проблем азиатских ветеранов была выдвинута идея добиваться назначения Помпея с беспрецедентными полномочиями на войну с... пиратами, а не с Митридатом и Тиграном, то естественно возникли вопросы: При чем здесь борьба с пиратами? Зачем Помпею вообще нужна эта борьба, ведь, если быть откровенным, то для обуздания пиратства ему, Помпею, нет необходимости даже покидать Рим? И, наконец, к чему эти беспрецедентные полномочия, от которых повеяло угрозой республиканским устоям Рима?

Логика Помпея, полагаем, была следующей: (1) к моменту скорого (именно быстроты ждут в Риме, да и сами солдаты) завершения войны на Востоке для выкупа земли в Италии под заселение азиатских ветеранов потребуется иметь в наличии огромную сумму денег. (2) Он исходит из того, что разоренные в ходе многолетней войны царства Митридата и Тиграна не способны быстро собрать указанную сумму, равно как не способна ее осилить и казна Рима, что показала та же реализация аграрного закона Плотия 70 г. (3) Поэтому, возможно, придется вступить в новую войну и, в любом случае, собрать нужную сумму без использования армии будет невозможно. Да, действительно, армию можно пополнить назначением Помпея на азиатскую войну уже в 67 г. Но ее он сможет использовать лишь против разоренных Митридата и Тиграна. (4) Чтобы иметь возможность применять армию в поисках денег, Помпею нужен карт-бланш. (5) Заполучить необходимые полномочия вместе с назначением в Азию в 67 г. Помпей не сможет, так как в Риме от него будут ждать скорого завершения войны, для чего указанные полномочия вовсе не нужны. Таким образом, (6) пиратская война с огромными полномочиями нужна Помпею для того, чтобы на ее примере показать Риму, что, обладая такими полномочиями, он, Помпей, способен быстро и эффективно решать поставленные перед ним военные задачи. Кроме того, (7) Помпей, наконец, сможет выполнить свою часть обязательств перед пиратами. После быстрого завершения войны с пиратами требование беспрецедентных полномочий для завершения войны на Востоке уже не должно будет вызывать излишней настороженности и активного противодействия.

⁷⁶ Cic. De imp. Pomp. 51-57.

Если приведенная логика и представлялась целесообразной для решения стоящей задачи, то запрашиваемые полномочия Помпея заставляли опасаться уже не за судьбу ветеранов, но за республику. По закону Помпей должен был стать самым могущественным человеком во всем обозримом мире: «Этот сенатус-консулт распространил власть одного человека почти на весь мир»⁷⁷. Кто или что в таком случае гарантирует, что Помпей, будучи в шаге от титула царя Рима, проделает обратный путь к статусу гражданина Рима? «Опасаются чрезвычайной власти тех людей, которые могут по своему желанию ее удержать или от нее отказаться и которые не признают ничего, кроме своего желания»⁷⁸. Кроме того, для решения проблем собственных ветеранов подобные полномочия ему ведь не понадобились. Последний довод парировался необходимостью быстрого решения проблемы. Что же до соблазна стать монархом, то это более вопрос доверия к Помпею как гражданину, нежели к его аргументам. Тогда продолжавший питать опасение к замыслам Помпея Гортензий предложил следующее: «Если надо облечь всей полнотой власти одного человека, то, по мнению Гортензия, этого наиболее достоин Помпей, но все же предоставлять всю полноту власти одному человеку не следует»⁷⁹, т.е. Помпею следует назначить, в соответствии со сложившейся традицией избрания двух консулов, наделенного такими же полномочиями коллегу. Скорее всего, Помпей высказался в том смысле, что ему не хотелось бы тратить время на дискуссии с коллегой, когда от него будут ждать скорейшего завершения войны, однако если народное собрание сочтет такой вариант необходимым, то он возражать не станет.

На народном собрании сторонники Помпея вели активную агитацию, всячески расхваливая полководческие способности своего предводителя и его заслуги перед Римом. Гортензий же «весьма многословно говорил против принятия этого закона», предлагая в качестве компромисса назначить Помпею коллегу⁸⁰. Вскоре слово взял один из авторитетных противников Помпея – Квинт Лутаций Катул Капитолин. Его речь почти целиком была посвящена восхвалению Помпея. Люди не прерывая с удивлением слушали его до тех пор, пока он не заявил, что советует «беречь такого человека, а не подвергать его опасностям в войнах, следующих одна за другой» и обратился к собравшимся с вопросом: «Кто будет вашей надеждой, если с Гнеем Помпеем, которому вы вверяете всю полноту власти, что-нибудь случится? Кого же другого вы найдете, если потеряете Помпея?» «Тебя!» закричали все единодушно и заставили покинуть трибуну⁸¹. После него по-

⁷⁷ Vell. II. 31. 3.

⁷⁸ Vell. II. 31. 3.

⁷⁹ Cic. De imp. Pomp. 52.

⁸⁰ Cic. De imp. Pomp. 53.

⁸¹ Cic. De imp. Pomp. 59; Plut. Pomp. 25; Vell. II. 32. 1-2.

пытался выступить Росций, но так как шум не стихал, то он пальцами показывал, что Помпея следует выбрать не одного, но дать ему товарища⁸². В тот день закон так и не был принят. Помпей выехал в имение, дожидаться завершения бурных дискуссий. На следующее утро после принятия закона Помпей появился в Риме и принес жертву богам. Заново было созвано народное собрание, от которого Помпей добился почти удвоения предоставляемых военных сил (до пятисот кораблей) и выделения 6 тысяч аттических талантов⁸³. Часть денег на борьбу с пиратами прислал из Азии Лукулл⁸⁴. «Тотчас же цены на продовольствие упали, и это обстоятельство подало повод обрадованному народу говорить, что самое имя Помпей положило конец войне»⁸⁵.

Не дожидаясь удобного для мореплавания времени, Помпей приступил к активным действиям⁸⁶. На военную службу было призвано сто двадцать человек, в том числе пять тысяч в качестве всадников. Все средиземное море было разделено Помпеем на сектора, в каждый из которых было введено определенное число римских кораблей под командованием назначенных им легатов: «Геллий был поставлен в Тирренском море, Плоций – в Сицилийском, Атилий занял Лигурийский залив, Торкват – Балеарский, Тиберий Нерон – Гадитанский пролив, который первым открывает вход в наше море, Лентул Марцеллин – Ливийское море, сыновья Помпея – Адриатическое, Теренций Варрон – Эгейское и Понтийское, Метелл – Памфилийское, Цепион – Азиатское, а Порций Катон своими кораблями закрыл вход в устье Пропонтиды»⁸⁷. Помпей же «как царь царей объезжал их и наблюдал, чтобы они оставались, где были поставлены, чтобы они, преследуя пиратов, не бросались от одного неоконченного дела на другое и чтобы у него повсеместно были люди, которые бы выступали против пиратов и отрезали им возможность перебежать друг к другу»⁸⁸. Сначала он направился в западном направлении, где «посетил Сицилию, обследовал побережье

⁸² Plut. Pomp. 25.

⁸³ App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 36.

⁸⁴ Plut. Luc. 37.

⁸⁵ Plut. Pomp. 26.

⁸⁶ Cic. De imp. Pomp. 34.

⁸⁷ Flor. I. 41. 9-10. У Аппиана Катон среди легатов не упоминается: «Помпей поставил начальниками в Иберии и у Геркулесовых столбов Тиберия Нерона и Манлия Торквата, над побережьем Лигурийского и Кельтского моря – Марка Помпония, в Ливии, Сардинии, Корсике и по соседним островам – Лентула Марцеллина и Публия Атилия, для самой Италии – Луция Геллия и Гнея Лентула. Сицилию и Ионийское море охраняли ему Плоций Вар и Теренций Варрон до Акарнании; Пелопоннес и Аттику, Эвбею, Фессалию, Македонию и Беотию – Люций Сизенна, острова и все Эгейское море и прилегающую к нему часть Геллеспонта – Луций Лоллий; Вифинию, Фракию, Пропонтиду и устье Понта – Публий Писон; Ликию, Памфилию, Кипр и Финикию – Метелл Непот» App. Mithr. 95.

⁸⁸ App. Mithr. 94.

Африки, оттуда во главе флота направился в Сардинию и защитил эти три житницы государства надежнейшими гарнизонами и флотами»⁸⁹.

Пираты после минимального сопротивления складывали оружие: «Выяснилось, что их смелость была вызвана не уверенностью в себе, а тем, что они попали в тиски. Они не были способны к чему-либо большему, чем встретить первый удар. Едва увидев себя окруженными со всех сторон нашими рострами, они побросали оружие, весла и всеобщим хлопаньем в ладоши стали молить о пощаде. Ни одна победа не стоила нам так мало крови, а результатом было приобретение преданнейшего народа»⁹⁰. Сдавшихся пиратов Помпей стал заселять в отдаленные от моря города и селения, обеспечивая земельными наделами⁹¹.

В Риме подобное отношение к пиратам вызывало неоднозначные оценки⁹²: вообще, вся морская кампания Помпея скорее была похожа на широкомасштабные военно-морские учения, преследующие гуманитарные цели, нежели войсковую операцию. Консул Писон даже издал приказ о роспуске экипажей римских кораблей⁹³. На сороковой день операции на море Помпею пришлось бросить все дела и, отдав приказ кораблям двигаться к Брундизию, самому через Этрурию срочно прибыть в Рим⁹⁴. Римляне, чуть более месяца назад проводившие его в поход, и уже ощутившие его эффективность, так как рынок в изобилии наполнился продовольствием, с восторгом высыпали на дорогу встречать полководца. К этому времени Габиний уже внес на обсуждение законопроект о лишении Писона консульских полномочий. Помпей, однако, выступив в народном собрании, не поддержал этого предложения. Очевидно, ощутимая поддержка народа убедила его в том, что его планам ничто не угрожает. Так как это был его последний визит в Рим перед направлением на азиатскую войну (он вернется в город лишь к концу 62 г.), то, скорее всего, именно во время него Помпей окончательно утвердил проект закона о назначении его главнокомандующим против Митридата и остановился на кандидатуре Манилия в качестве народного трибуна, который представит документ народному собранию на утверждение. Закончив все необходимые дела, Помпей направился в Брундизий и отплыл в восточном направлении.

Вскоре с Крита, осаждаемого Метеллом, который здесь уже третий год вел собственную пиратскую войну, к Помпею в Памфилию явились послы⁹⁵, «умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвла-

⁸⁹ Cic. De imp. Pomp. 34.

⁹⁰ Flor. I. 3. 6. 13-14.

⁹¹ App. Mithr. 96; Flor. I. 3. 6. 15; Plut. Pomp. 28; Vell. II. 32. 5.

⁹² Plut. Pomp. 29; Vell. II. 32. 6.

⁹³ Plut. Pomp. 27.

⁹⁴ App. Mithr. 95; Cic. De imp. Pomp. 35; Plut. Pomp. 27.

⁹⁵ Cic. De imp. Pomp. 35.

стной ему земли и во всех отношениях входит в определенную законом приморскую полосу»⁹⁶. Помпей направил Метеллу письменный приказ прекратить войну и отправил на остров наместником претора Лукция Октавия, которому островитянам и велено было подчиниться. Приказ Помпея был проигнорирован Метеллом и Октавию даже пришлось какое-то время сражаться с ним на стороне осажденных⁹⁷, пока, наконец, главарь пиратов Ластен не договорился с Метеллом о полном прекращении сопротивления и передачи ему подконтрольных территорий⁹⁸.

Сам Помпей с шестидесятью кораблями направился к Киликии⁹⁹, «к причине и истокам войны»¹⁰⁰. Здесь, вопреки ожиданию, все решилось без боя. «Первыми сдались жители Крага и Антикрага, двух самых больших укреплений, следом за ними горные киликийцы, и затем все подряд стали сдаваться, одновременно сдавая много оружия, отчасти готового, отчасти еще ковавшегося; сдали они и корабли – одни еще в стройке, другие уже спущенные, всю медь и железо, собранные с этой целью, разного рода лес, паруса и канаты, большое количество пленных, которых они держали в цепях: одних – в ожидании выкупа, других – для работы у себя»¹⁰¹.

На сорок девятый день после выхода из Брундизия, к середине лета 67 г., Помпей победоносно завершил войну с пиратами¹⁰², «о которой думали, что она будет очень трудной»¹⁰³. «Все морские разбойники, где бы они ни находились, либо были взяты в плен и казнены, либо сдались ему одному, признав над собой его империй и власть»¹⁰⁴.

В то время как Помпей начал войну с пиратами, прибывший к месту назначения в Азию Глабрион стал повсюду рассылать вестников с объявлением, что «римляне упрекают Лукулла, что он затягивает войну сверх нужного времени, и что они распускают бывших в его войске солдат и имущество ослушников они конфискуют»¹⁰⁵. Лукулл был на марше, стремясь встретиться с Тиграном прежде, чем тот соединится с Митридатом, когда фимбрианцы, возраст которых уже приближался к сорока годам, подняли бунт¹⁰⁶. Покинув строй, они заявили, «что они уволены от службы постановлением сената, а Лукулл не имеет больше права приказывать им, по-

⁹⁶ Plut. Pomp. 29.

⁹⁷ Plut. Pomp. 29.

⁹⁸ App. Sic. 6. 2.

⁹⁹ Plut. Pomp. 26.

¹⁰⁰ Flor. I. 3. 6. 12.

¹⁰¹ App. Mithr. 96.

¹⁰² Cic. De imp. Pomp. 35.

¹⁰³ App. Mithr. 96.

¹⁰⁴ Cic. De imp. Pomp. 35.

¹⁰⁵ App. Mithr. 90.

¹⁰⁶ Plut. Luc. 35.

сколькo провинции переданы другим»¹⁰⁷. Римский полководец вынужден был опуститься до унижительных упрасиваний: «он уговаривал каждого из солдат поодиночке, с малодушными слезами ходил из палатки в палатку, некоторых даже брал за руку. Но солдаты отталкивали его руку, швыряли ему под ноги пустые кошельки и предлагали одному биться с врагами – сумел же он один поживиться за счет неприятеля!»¹⁰⁸ Под влиянием остальных солдат фимбрианцы все же согласились «прослужить лето с условием, что они будут уволены, если за это время не появится неприятель, чтобы дать им сражение»¹⁰⁹. Лукулл вынужден был принять эти унижительные условия. Чтобы не остаться одному и не отдать страну противнику, он не решился уже принуждать солдат к чему-либо. Римская армия осталась стоять на месте, тогда как Тигран вторгся в Каппадокию, а к Митридату вернулась прежняя дерзость – к Митридату, «о котором он [Лукулл] доносил сенату, что с ним покончено!»¹¹⁰. Когда весть о бунте фимбрианцев достигла Рима, сенат срочно направил к Лукуллу для разбирательств комиссию из десяти человек. Прибывшей комиссии пришлось лишь констатировать, что «Лукулл даже над самим собою не властен – им, как хотят, помыкают его солдаты»¹¹¹.

Направив в сенат отчет о завершении войны, Помпей мог вплотную заняться проработкой плана своих действий по решению ветеранского вопроса для азиатских легионов.

Для этого необходимо было: 1) определить источник средств, за счет которых должна была выкупаться земля для раздачи ветеранам; 2) добиться принятия закона о наделении ветеранов землей. Учитывая, с одной стороны, явную неспособность Митридата оказывать римлянам продолжительное сопротивление, с другой – желание Рима и азиатских легионов быстро завершить войну на Востоке, Помпей должен был быть готовым решать ветеранский вопрос уже в 65 г., и план действий необходимо было составить прежде, чем выехать к азиатским войскам.

Если исходить из оценки 1 югера земли в 1000 сестерциев¹¹², то, не считая расходов на войну, одно лишь наделение 50 тысяч ветеранов земельными участками по 10 югер обойдется Риму в 500 млн. сестерциев или

¹⁰⁷ Plut. Luc. 35.

¹⁰⁸ Plut. Luc. 35.

¹⁰⁹ Plut. Luc. 35.

¹¹⁰ Plut. Luc. 35.

¹¹¹ Plut. Luc. 35.

¹¹² «Август оценивает пахотный участок легионера в 12 000 сестерциев, а преторианца – в 20 000. Это соответствует площади в 12 и 20 югеров, так как югер оценивается в 1000 сестерциев». Шультен А. Колонизация в Риме. // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. с нем. под ред. В.Э. Дена. СПб., 1899, с. 251.

18 тысяч талантов. Объезжая азиатские города¹¹³, Помпей убедился, что подвластные Риму, Митридату и Тиграну земли, на которых и из-за которых шла война, а также силы понтийского и армянского царей, истощены и нельзя, таким образом, рассчитывать быстро получить здесь контрибуцию, достаточную для выкупа земли. Точно так же нельзя было рассчитывать на доходы от других провинций Рима: «Ведь податей, получаемых в других провинциях [кроме Азии], квириты, едва хватает на оборону самих провинций»¹¹⁴. Единственным более или менее доступным источником, на который Помпей мог в 67 г. обратить внимание, был богатый, но слабый в военном отношении к Риму, Египет.

Страбон, ссылаясь на Цицерона, сообщает, что ежегодные доходы Птолемея Авлета, царя Египта, от податей составляли минимум 12500 талантов¹¹⁵, тогда как доходы Рима со всех провинций на тот период составляли 50 млн. драхм¹¹⁶ или 7150 талантов. Царем Египта в то время был Птолемей XII по прозвищу Авлет (Флейтист). Испорченный жизнью в роскоши, он управлял государственными делами хуже всех своих предшественников¹¹⁷. По поводу финансового потенциала Египта Страбон писал: «Итак, если [Птолемей Авлет] человек, управлявший царством так дурно и легкомысленно, получал такие большие доходы, то что же нужно думать о теперешних доходах, которые собираются столь тщательно, и когда торговля с индийцами и троглодитами увеличилась до такой степени?»¹¹⁸. Помимо беспутного образа жизни египетский царь играл на флейте (за что и получил свое прозвище), аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце, на которых он вступал в соревнование с соперниками¹¹⁹. При таком царе завоевать Египет не представляло большого труда, но необходимо было найти повод к войне.

В свое время воспитывавшийся на острове Кос сын египетского царя Птолемея Александр I (Алекса) был захвачен Митридатом в плен¹²⁰, из которого ему удалось бежать к Сулле. Воспользовавшись в 80 г. смертью царя Птолемея Сотера II, Сулла привел Александра на египетский трон. Диктатор преследовал неприкрытую цель извлечь доходы царства для отходившего от шока гражданской войны Рима. Но на девятнадцатый день царствования недовольные александрийцы вывели Александра I из царского

¹¹³ Plut. Pomp. 30.

¹¹⁴ Cic. De imp. Pomp. 14.

¹¹⁵ Strabo. 17. 1. 13.

¹¹⁶ Plut. Pomp. 45.

¹¹⁷ Strabo. 17. 1. 11.

¹¹⁸ Strabo. 17. 1. 13.

¹¹⁹ Strabo. 17. 1. 11.

¹²⁰ App. Mithr. 23.

дворца в гимнасий и там убили¹²¹. На египетский трон взошел Птолемей XII – незаконнорожденный сын Птолемея Сотера. Одновременно в Риме распространились слухи, что убитый Александр I оставил завещание, согласно которому египетское царство должно принадлежать римскому народу¹²². В Тир даже было направлено римское посольство с поручением получить хранившиеся там царские деньги, но вынесенное тогда суждение сената о вступлении в права наследства заставило прекратить попытки оспорить право на трон Авлета¹²³. Теперь, спустя 14 лет после тех событий, представлялось, что реанимация вопроса о завещании Алексы может стать достаточным поводом для развязывания войны с Египтом.

Чтобы инициировать вопрос о превращении богатого Египта в римскую провинцию, равно как добиться принятия аграрного закона, решающего ветеранскую проблему, Помпею необходимо было провести в магистратуры 65 г. нужных людей. В этом плане перед Помпеем возник несколько странный на первый взгляд, но достаточно существенный фактор, связанный... с его собственным могуществом. Закон о назначении на азиатскую войну должен был предоставить Помпею беспрецедентные полномочия, которые делали его самым могущественным человеком. Уже это, само по себе, должно было вызвать серьезное недовольство и опасения сената. В таком случае инициирование Помпеем от своего имени либо с помощью своих явных сторонников всегда крайне непопулярного аграрного закона (для наделения азиатских ветеранов землей) вызовет непреодолимое неприятие в Риме. Претензию, с которой Помпей столкнется в этом случае, можно сформулировать следующим образом: что ему, Помпею, и так получившему баснословные полномочия, еще нужно от римского народа?

Таким образом, для достижения своих целей Помпею необходимо будет, создавая видимость озабоченности ходом военной кампании на Востоке, тщательно скрывать собственную связь с событиями, которые будут происходить в Риме в его отсутствие и в его интересах. Для этого нужно будет действовать через способного и надежного человека, который, публично играя ключевую и руководящую роль в решении поставленных Помпеем задач, не идентифицировался бы римлянами в качестве помпеянца.

Этим требованиям более всего соответствовал Люций Сергий Катилина – 41-летний представитель знатного, но обедневшего рода Сергиев. Представление о его личных качествах мы составим со слов самого Цицерона: Катилина «обладал очень многими если и не ярко выраженными, то заметными задатками величайших доблестей. [...] Вот какие качества [...] были в этом человеке поистине изумительны: он умел привлекать к себе

¹²¹ App. I. 102.

¹²² Cic. de leg. agr. II. 41.

¹²³ Cic. de leg. agr. II. 41.

многих людей дружеским отношением, осыпать их услугами, делиться с любым человеком своим имуществом, в беде помогать всем своим сторонникам деньгами, влиянием, ценой собственных лишений, а если нужно – даже преступлением и дерзкой отвагой; он умел изменять свой природный характер и владеть собой при любых обстоятельствах, был гибок и изворотлив, умел с суровыми лицами держать себя строго, с веселыми приветливо, со старцами с достоинством, с молодежью ласково; среди преступников он был дерзок, среди развратников расточителен. Обладая этим столь переменчивым и многообразным характером, он собрал вокруг себя всех дерзких и бесстрашных людей из всех стран и в то же время удерживал при себе даже многих храбрых и честных мужей, так сказать, видимостью своей притворной доблести»¹²⁴.

В 89 г. Катилина проходил военную службу под началом отца Помпея Великого – Гнея Помпея Страбона¹²⁵. Во время гражданской войны Катилина принял сторону Суллы, который назначил его легатом¹²⁶. Катилина слыл «другом и ревностным сторонником Суллы»¹²⁷. На общественном поприще он проявил себя во время сулланских проскрипций, принимая непосредственное участие в казнях марианцев¹²⁸. В дальнейшем он был более известен своими светскими похождениями и развлечениями, нежели участием в политической жизни. В 73 г. Катилина был привлечен к суду по обвинению в кровосмешении с весталкой Фабией, сводной сестрой Теренции – жены Цицерона. Его защитником на процессе был ярый сулланец Кв. Лутаций Катул, консул 78 г., благодаря которому Катилина был оправдан¹²⁹. Для любого римлянина эти сведения характеризовали Катилину как представителя лагеря сулланцев.

Впервые Помпей, очевидно, познакомился с Катилиной еще в начале 80-х годов, когда тот служил в войске Помпея Страбона. Сведения о возможном участии Катилины в политических начинаниях Помпея в ходе бурных 70-х годов, отсутствуют. Поэтому яркий, но номинальный сулланец представлялся подходящей кандидатурой на роль проводника тайной политики Помпея в Риме. После преторства 68 г. Катилина получил в управление провинцию Африка, куда отбыл в 67 г.¹³⁰. Очевидно, когда в ходе борьбы с пиратами Помпей провел некоторое время в этой провинции¹³¹, было

¹²⁴ Cic. Cael. 12-14.

¹²⁵ См.: Записки Юлия Цезаря и его последователей. М. Ладомир. 2002. с. 659, прим. 18, где ссылаются на: Cic. Phil. XIII. 1. и Cic. Comm. Pet. 9 сл.

¹²⁶ Sall. Hist. I. 46.

¹²⁷ App. II. 2.

¹²⁸ Cic. Comm. Pet. 9-10; Cic. Cat. I. 14; Plut. Cic. 10; Sull. 32.

¹²⁹ Oros. VI. 3. 1.

¹³⁰ Cic. Cael. 10.

¹³¹ Cic. De imp. Pomp. 34.

заключено принципиальное соглашение о деятельности Катилины в интересах Помпея.

Предполагалось, что Катилина станет консулом 65 г. с тем, чтобы обеспечить принятие двух главных законов: о превращении Египта в римскую провинцию и аграрного закона, наделяющего азиатских ветеранов земельными наделами.

При принятии аграрного закона для азиатских ветеранов уже не приходилось рассчитывать на то, что основное внимание общества будет отвлечено гражданской войной, как при Сулле, или конституционной реформой, как при Помпее в 70 г. Так как в этом случае неминуемы ассоциации с аграрными законами Мария, который вместе со своими сторонниками был объявлен Суллой врагом отечества, то необходимо будет добиваться реабилитации марианцев, «которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование»¹³². Кроме того, чтобы завоевать необходимую для принятия законов поддержку народа, планировалось устроить беспрецедентные зрелищные мероприятия¹³³.

Пока Помпей занимался проработкой этих вопросов, на Востоке в конце лета 67 г. фимбрианцы надели доспехи, обнажили мечи и принялись звать на бой врагов, которых не было и в помине, а затем прокричали военный клич, помахали потехи ради мечами и покинули лагерь Лукулла, заявив, что срок, в продолжение которого они обещали оставаться с ним, уже вышел¹³⁴. Одновременно Помпей стал письмами зазывать солдат Лукулла к себе для продолжения воинской службы¹³⁵. Стало окончательно ясно, что замена Лукулла неизбежна, хотя он пытался с помощью отправляемых в Рим денег добиться того, «чтобы ему не присылали преемника»¹³⁶.

В начале 66 г. народный трибун Манилий внес на утверждение народного собрания законопроект о предоставлении Помпею чрезвычайной власти (*imperium maius*) на продолжение восточной войны. Для войны с царями Митридатом и Тиграном предусматривалось передать Помпею без всяких ограничений все провинции и войска, во главе которых стоял Лукулл. Кроме того, за ним на прежних условиях сохранялись морские силы и командование на море. Помпею предоставлялось право распоряжаться всем войском, которое находится вне пределов Италии. Из провинций, которые он еще не получил в свое распоряжение на основании закона Габиния, теперь под его власть переходили Фригия, Ликаония, Галатия, Каппадокия, Киликия, Верхняя Колхида и Армения. Он получал право воевать и заключать

¹³² Plut. Caes. 6.

¹³³ Cic. Mur. 37.

¹³⁴ Plut. Luc. 35.

¹³⁵ Plut. Luc. 35.

¹³⁶ Sall. Hist. IV. 71.

мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами¹³⁷.

«Никогда еще никому ничего подобного раньше не было дано»¹³⁸. Среди сената и народа преобладало мнение, что «закон лишал Лукулла славы и наград за совершенные им подвиги, и он получал преемника скорее для триумфа, чем для ведения войны»¹³⁹. Однако сенаторы больше опасались тирании Помпея, так как «эта мера была не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека»¹⁴⁰. Так как война с пиратами была закончена быстро и сверх всякого ожидания, то популярность Помпея в народе была безмерной¹⁴¹. Поэтому несмотря на то, что сенаторы «втайне побуждали и ободряли друг друга противодействовать закону, чтобы не потерять свободы, но когда наступило время, из страха перед народом все уклонились от обсуждения и молчали»¹⁴². Некоторые пытались тайными угрозами добиться от Манилия отзыва законопроекта¹⁴³.

Лишь Катул и Гортензий осмелились открыто агитировать народ голосовать против принятия закона. Гортензий как и прежде считал, что «предоставлять всю полноту власти одному человеку не следует»¹⁴⁴. Катул же настаивал на том, что «не следует поступать вопреки примерам и заветам предков»¹⁴⁵. Он много раз кричал с ораторского возвышения, что по примеру предков сенат должен искать гору или скалу, удалившись на которую он спасет свободу¹⁴⁶.

Оппонировал им Цицерон, который, будучи тогда претором, имел право обращаться с речью к народу. Отметив, что в 67 г. Гортензий точно так же призывал голосовать против закона Габиния, Цицерон, предварительно дав восхитительную оценку действиям Помпея в войне с пиратами, заявил: «Что касается тебя, Квинт Гортензий, и тех, кто тогда разделял твое мнение, то римский народ не сомневался в ваших добрых намерениях; но все же, когда дело касалось всеобщего благополучия, тот же римский народ предпочел внять голосу своей скорби, а не вашему совету. И вот, один закон, один муж, один год не только избавили нас от несчастья и позора, но и вернули нам действительное владычество, на суше и на море, над всеми племенами и народами»¹⁴⁷.

¹³⁷ App. Mithr. 97; Plut. Pomp. 30.

¹³⁸ App. Mithr. 97.

¹³⁹ Plut. Pomp. 30.

¹⁴⁰ Plut. Pomp. 30.

¹⁴¹ App. Mithr. 97.

¹⁴² Plut. Pomp. 30.

¹⁴³ Cic. De imp. Pomp. 69.

¹⁴⁴ Cic. De imp. Pomp. 52.

¹⁴⁵ Cic. De imp. Pomp. 59.

¹⁴⁶ Plut. Pomp. 30.

¹⁴⁷ Cic. De imp. Pomp. 56.

Против же аргумента Катула, напомнив, что «предки наши во времена мира всегда руководствовались обычаем, а во времена войны – пользой государства и всегда прибегали к новым мерам, если этого требовали новые обстоятельства», вскользь упомянув о двух величайших войнах, пунической и испанской, которые были закончены одним императором, Цицерон произнес следующее: «Что же касается самого Гнея Помпея, ради которого Квинт Катул не хочет допускать новшеств, то вспомните, как много было принято необычных решений именно насчет него и притом с полного согласия Квинта Катула. Возможно ли что-нибудь более необычное, чем случай, когда в тяжкое для государства время юноша, являющийся частным лицом, набирает войско? Он его набрал. Над ним начальствует? Он начальствовал. С большим успехом ведет войну как полководец? Он это сделал. Что может быть более необычным, чем предоставление империя и войска очень молодому человеку, возраст которого еще далеко не достаточен для звания сенатора, чем предоставление ему полномочий в Сицилии и Африке и поручение вести военные действия в этой провинции? Он был в этих провинциях и проявил редкостное бескорыстие, строгость и доблесть; в Африке он завершил труднейшую войну и привел оттуда победоносное войско. Слыхали ли вы когда-нибудь о чем-либо более необычном, чем триумф римского всадника? Между тем римский народ не только видел его своими глазами, но даже с всеобщим восторгом посетил и приветствовал его. Что больше расходится с общепринятым обычаем, чем – при наличии двух храбрейших и прославленных консулов – выезд римского всадника на труднейшую и опаснейшую войну в качестве проконсула? Он выехал. И когда некоторые сенаторы находили неудобным посылать частное лицо в качестве проконсула, Луций Филипп, говорят, сказал что он, в силу своего предложения, отправляет его не „вместо консула“, а „вместо консулов“. Надежда, которую возлагали на его успехи как государственного деятеля, была так велика, что обязанности консулов вверялись доблести одного юноши. Что может быть столь исключительным, как – по предварительном освобождении его от действия законов – избрание его консулом до того срока, когда ему будет дозволено законами занять какую-либо другую государственную должность? Что может быть более невероятным, чем предоставленный римскому всаднику постановлением сената второй триумф? Все необычные постановления, с незапамятных времен принятые о ком бы то ни было, не так многочисленны, как те, которые, на наших глазах, были приняты об одном только Гнее Помпее. Между тем все эти столь высокие и столь необычные почести, оказанные все тому же Помпею, исходили от Квинта Катула и от других виднейших людей, принадлежавших к тому же сенаторскому сословию. Поэтому пусть они подумают, не окажется ли крайне несправедливым и недопустимым то, что их предложения об оказании почета Гнею Помпею вами всегда одобрялись, а, напротив, ваше суж-

дение об этом человеке и решение римского народа встречают их неодобрение – тем более, что римский народ, в осуществление своего права, теперь может отстаивать свое суждение об этом человеке даже наперекор всем, кто с ним не согласен, так как, несмотря на возражения этих же самых людей, вы в свое время избрали из всех именно одного Помпея, чтобы поручить ему ведение войны против пиратов. Если вы, принимая это решение, поступили опрометчиво и не подумали о пользе государства, то их стремление управлять вашей волей вполне законно; но если вы тогда позаботились о государстве лучше, чем они, если вы своими собственными усилиями, несмотря на сопротивление с их стороны, даровали нашей державе достоинство, а всему миру спасение, то пусть эти ваши руководители, наконец, признают обязательным и для себя и для других повиноваться воле всего римского народа»¹⁴⁸.

За принятие законопроекта выступили также и такие влиятельные граждане, как Публий Сервий, Гай Курион, Гней Лентул, Гай Кассий¹⁴⁹. В результате законопроект получил одобрение во всех трибах и «Помпей во время своего отсутствия был облечен почти всей полнотой власти, чего Сулла добился от государства войной и насилием»¹⁵⁰.

Когда было доставлено известие о постановлении народного собрания и присутствовавшие стали поздравлять Помпея с новым назначением, он, нахмутив брови и хлопнув себя по бедру, сказал: «Увы, что за бесконечная борьба! Насколько лучше было бы остаться одним из незаметных людей – ведь теперь я никогда не избавлюсь от войн, никогда не спасусь от зависти, не смогу мирно жить в деревне с женой!»¹⁵¹.

Возможно, именно в это время прибывший в Эфес молодой философ Катон явился приветствовать Помпея в его ставку. Последний оказал ему крайне предупредительный прием. Встреча эта происходила, когда в условиях предполагаемого скорого завершения войны Помпея должны были в большей мере занимать события в Риме, чем на войне, и наверняка в его лагере должны были находиться люди из Рима, попадание Катона на глаза которых было нежелательным. Стоявший выше по возрасту и положению, «Помпей, увидев Катона, не оставался на месте, не позволил себе принять его сидя, но бросился навстречу, словно к кому-нибудь из самых влиятельных людей, и подал ему руку»¹⁵². «Вместе с тем очевидно было, что в пред-

¹⁴⁸ Cic. De imp. Pomp. 61-64.

¹⁴⁹ Cic. De imp. Pomp. 68.

¹⁵⁰ Plut. Pomp. 30.

¹⁵¹ Plut. Pomp. 30. Плутарх, ставя под сомнение искренность Помпея, пишет, что «Даже самым близким друзьям Помпея эти лицемерные слова были неприятны, так как друзья прекрасно понимали, что раздоры с Лукуллом, разжигавшие его врожденное честолюбие и стремление господствовать, доставляли ему радость».

¹⁵² Plut. Cato min. 14.

упредительности и заботах Помпея о Катоне больше уважения, чем любви, и ни от кого не укрылось, что Помпей, как ни радовался присутствию Катона, все же вздохнул с облегчением, когда тот собрался уезжать»¹⁵³. После встречи Катона с Помпеем города наперебой старались выказывать ему свою заботу, осыпать всевозможными дарами¹⁵⁴.

Проезжая через провинции, Помпей не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла, приглашал к себе подвластных римлянам правителей и царей: «он отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти»¹⁵⁵. Солдатам объявлялось, что Лукулл лишен права награждать и наказывать солдат, а его приказы и распоряжения, принятые совместно с десятью посланцами сената, должны игнорироваться¹⁵⁶.

Через своих друзей Лукулл выразил протест на действия Помпея. После этого разногласия между полководцами решено было обсудить на их личной встрече, назначенной в одной из деревень в Галатии¹⁵⁷.

Обоих полководцев согласно их статусу (если Лукулл был старше по консульству и по летам, то Помпей – выше достоинством, так как имел два триумфа) сопровождали ликторы с пучками розог, увитыми лавровыми ветвями, символизировавшие одержанные победы. Лукулл прибыл из богатых растительностью областей, а Помпей преодолел путь по безводным местам. Когда ликторы Лукулла увидели высохшие лавры Помпея, они дружески поделились своими свежими лавровыми ветвями. Друзья Помпея восприняли это как благое знамение, тогда как недоброжелатели сочли предзнаменованием того, что Помпей явился, чтобы похитить славу и плоды побед Лукулла¹⁵⁸.

На первой встрече полководцы общались в высшей степени предупредительно и уважительно, любезно прославляя подвиги друг друга и поздравляя с одержанными победами. Однако их следующие встречи вылились в нелюбезное и эмоциональное выяснение отношений. Лукулл обвинял Помпея во властолюбии, а последний, в свою очередь, упрекал Лукулла в алчности. Помпей открыто поставил в вину Лукуллу неумение одержать победу над «театральными и призрачными царями» (Митридатом и Тиграном)¹⁵⁹. Тогда Лукулл заявил в ответ, что «Помпей явился сюда сра-

¹⁵³ Plut. Cato min. 14.

¹⁵⁴ Plut. Cato min. 15.

¹⁵⁵ Plut. Pomp. 31.

¹⁵⁶ Plut. Luc. 36.

¹⁵⁷ Plut. Pomp. 31.

¹⁵⁸ Plut. Luc. 36; Pomp. 31.

¹⁵⁹ «Открыто издеваясь над подвигами Лукулла, он [Помпей] говорил, что тот сражался с театральными и призрачными царями, ему же предстоит борьба с настоящим войском,

жаться с тенью войны, он привык-де, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужою рукой и разрывать в клочья останки войны»¹⁶⁰, намекая на то, что Помпей приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаксом, которые принадлежали, собственно, Метеллу, Катулу и Крассу. Другим полководцам с большим трудом удалось прекратить ссору. После переговоров Помпей и Лукулл разошлись в еще большей отчужденности, чем пришли¹⁶¹.

Помпей забрал у Лукулла всех солдат, оставив последнему для триумфа только тысячу шестьсот человек, которых из-за строптивного нрава считал для себя бесполезными, а для Лукулла – опасными. Отметим, что и эти солдаты последовали за Лукуллом с большой неохотой¹⁶².

По прибытии в Рим Лукулл узнал, что его брат Марк привлечен Гаем Меммием к суду за участие в казнях во времена диктаторства Суллы. После того, как суд завершился оправданием обвиняемого, Лукуллу пришлось столкнуться с нападками Меммия, который «стал настраивать народ против него, советуя отказать ему в триумфе за то, что он-де нажился на войне и с умыслом затягивал ее»¹⁶³. Следует отметить, что хотя сенат и «возлагал на Лукулла необычайные надежды, рассчитывая найти в его лице человека, который, опираясь на свою огромную славу и влияние, даст отпор самовластию Помпея и возглавит борьбу лучших граждан», тот, вернувшийся из Азии морально сломленным, отказался от дальнейшего публичного участия в государственных делах.

Уладив все дела по принятию командования над азиатскими легионами, Помпей, поручив флоту обеспечить контроль на морях между Финикией и Боспором¹⁶⁴, весной 66 г. во главе пятидесятитысячного войска стал готовиться к возобновлению военных действий против Митридата, который, расположившись в разоренном Понте, имел в своем распоряжении 30 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников. Ввиду проблем со снабжением многие понтийские солдаты стали перебегать на сторону римлян и сдаваться в плен. Только жестокими расправами над перебежчиками, которых удавалось поймать, Митридат сумел остановить бегство собственных солдат¹⁶⁵.

научившимся воевать на неудачах, так как Митридат обратился теперь к коннице, мечам и большим щитам» Plut. Pomp. 31.

¹⁶⁰ Plut. Pomp. 31.

¹⁶¹ Plut. Luc. 36.

¹⁶² Plut. Pomp. 31.

¹⁶³ Plut. Luc. 37.

¹⁶⁴ Plut. Pomp. 32.

¹⁶⁵ App. Mithr. 97.

Поражения, понесенные Митридатом и Тиграном¹⁶⁶ от Лукулла, обладавшего в разы меньшим войском, наряду с сокрушительностью, были столь унижительными, что цари даже мысли не допускали о возможности мирных переговоров со своим победителем. Помпей же для них был совершенно другим в том смысле, что им пока не приходилось сталкиваться с ним на поле брани. Поэтому Митридат отправил к Помпею послов, желая узнать, на каких условиях может быть прекращена война¹⁶⁷, чем поставил его в несколько затруднительную ситуацию, так как, с одной стороны, Помпею, чтобы выиграть время для решения проблем в Риме, необходимо было продолжение войны, с другой – в Риме, да и среди самих римских солдат, было велико желание быстро окончить эту войну. Таким образом, нужно было выставить такие условия, которые, с одной стороны, были бы неприемлемыми для Митридата, но, с другой, не выглядели бы в глазах Рима и его собственных солдат желанием затянуть войну (напомним, что одной из главных причин отъезда Лукулла было затягивание войны). Выход из непростой ситуации был найден весьма эффективный. К Митридату в качестве посла был направлен Метрофан¹⁶⁸, который должен был также прозондировать окружение понтийского царя¹⁶⁹, со следующими условиями прекращения войны: «если ты [Митридат] передашь нам перебежчиков и отдашь себя в наши руки»¹⁷⁰. Если бы Помпей потребовал от Митридата просто сдаться в плен, то это выглядело бы как заведомо неприемлемое условие, выдвинутое с целью затягивания войны. Потребовав же от царя еще и выдачи римских перебежчиков, Помпей, с одной стороны, предоставлял Митридату удобный повод использовать именно это условие для отказа от прекращения войны, с другой – никто из римлян не мог бы упрекнуть Помпея в требовании от царя чего-то невозможного: если царь отказывается выдать даже римских перебежчиков, то говорить о мире с ним не имеет смысла. И, наконец, если Митридат согласился бы выдать римских перебежчиков, тогда Помпею действительно стоило бы задуматься о прекращении войны, если же Митридат откажется их выдать, то это будет означать, что царь по-прежнему доверяет римским перебежчикам, которые, наверняка, не раз спасали его от окончательного разгрома в войне с Лукуллом. А раз царь доверяет римским гражданам при своем дворе, то Помпей может быть спокоен за исход войны.

¹⁶⁶ «Лукулл столкнулся с Тиграном в пору, когда тот еще не испытал поражения ни в одной из множества данных им битв и был преисполнен заносчивости» Plut. Luc. 46 (3).

¹⁶⁷ App. Mithr. 98; Dio. XXXVI. 43.

¹⁶⁸ Возможно, это тот же Метрофан, который ранее служил Митридату (Sall. Hist. III. 22), а затем перешел на сторону римлян (Sall. Hist. IV. 2). См. ВДИ. 1950. № 1. с. 305. прим. 1.

¹⁶⁹ Dio. XXXVI. 43.

¹⁷⁰ App. Mithr. 98.

Когда Метрофан передал условия Помпея, Митридат сообщил о них перебежчикам, и, «видя их испуг, поклялся, что у него с римлянами никогда не будет мира вследствие их алчности и что он никого не выдаст и не сделает ничего, что не было бы к их общей пользе»¹⁷¹. Дион Кассий сообщает, что, узнав о поставленных Помпеем условиях, перебежчики чуть было не дошли до насилия против Митридата, который с большим трудом смог успокоить их лишь после того, как сообщил, что переговоры с римлянами он ведет с целью разведывания сил противника¹⁷².

Параллельно с переговорами с Митридатом, Помпей направил в Ктезифон к парфянскому царю Фраату III посольство с целью заключения союза против понтийского и армянского царей взамен на признание Римом прав Парфии на всю Месопотамию до Евфрата¹⁷³, на которую парфянский царь возобновил свои претензии еще в 68 г. на переговорах с Тиграном и Митридатом¹⁷⁴. В качестве союзника Рима Фраату предлагалось немедленно напасть на Армению с юго-востока.

После того, как переговоры с Митридатом завершились безрезультатно, Помпей осторожно приступил к военным действиям. Устроив засаду из части конницы, другую часть он послал против авангарда понтийского царя с приказанием вступить в бой, а затем имитировать беспорядочное бегство в сторону засады. Когда замысел удался и находившиеся в засаде неожиданно напали на понтийцев и заставили их бежать обратно в свой лагерь, Митридат вывел всю свою пехоту и тем самым не позволил римлянам проникнуть за ворота вслед за беглецами¹⁷⁵.

После первого сражения Митридат решил отступить вглубь собственной страны, надеясь, что и Помпей будет испытывать аналогичные проблемы с продовольствием. Однако надежды Митридата не оправдались, римляне без труда получали из тыла провиант¹⁷⁶.

Обойдя Митридата с востока, Помпей, избегая сражения, под предлогом лишить царя доступа к продовольствию, приказал своим легионерам выстроить линию укреплений с гарнизонами и лагерями протяженностью более 26 км, а перед ней выкопать ров¹⁷⁷. Сам Митридат так и не решился напасть на римлян, пока они отрезали ему пути снабжения. Вскоре, страдая от недостатка продовольствия, Митридат вынужден был приказать убить всех вьючных животных, оставив только боевых коней. Помпей же, со

¹⁷¹ App. Mithr. 98.

¹⁷² Dio. XXXVI. 45. 3.

¹⁷³ Dio. XXXVI. 45. 3.

¹⁷⁴ Plut. Luc. 30.

¹⁷⁵ App. Mithr. 98.

¹⁷⁶ App. Mithr. 99.

¹⁷⁷ App. Mithr. 99; Plut. Pomp. 32.

своей стороны, так же не предпринимал попыток атаковать осажденных понтийцев. Такое положение сохранялось в течение пятидесяти дней.

Между тем, в Риме на должность цензора 65 г. свою кандидатуру выставил Красс¹⁷⁸, Цезарь был соискателем должности эдила¹⁷⁹. В городе стали усиленно распространяться слухи, что в следующем году состоятся грандиозные игры¹⁸⁰. Еще в середине года, для того чтобы выставить свою кандидатуру на консульских выборах на 65 г., в Рим из провинции Африка вернулся Катилина. По прибытии в город его ожидало неприятное известие. Раньше него из управлявшейся им провинции прибыла уполномоченная населением делегация и подала на Катилину в суд за вымогательство. Ввиду ожидавшегося судебного процесса руководивший выборами консул Л. Волкаций Тулл отказался зарегистрировать Катилину в качестве кандидата в консулы.

Неожиданно столкнувшись с непреодолимой преградой при попытке баллотироваться в консулы, Катилина решил срочно задействовать резервных кандидатов. Для участия в голосовании были выставлены и поддержаны кандидатуры Публия Автрония Пета и Публия Корнелия Суллы (родственника диктатора), которые и одержали победу на консульских выборах. Однако после этого неприятности не закончились. Ввиду очевидного подкупа, будучи уже избранными консулами, Автроний и Сулла были привлечены к суду на основании законов о домогательстве. Суд кассировал результаты консульских выборов и назначил новые, на которых победу одержали конкуренты Катилины – Люций Манлий Торкват и Люций Аврелий Котта¹⁸¹.

Так как ни Катилине, ни П. Автронию Пету с П. Корнелием Суллой не удалось добиться избрания на ключевые должности консулов, а возвращение Помпея из Азии планировалось на 65 г., то не оставалось ничего иного, как составить заговор с целью силового захвата власти. Кроме указанных выше троих, в числе руководителей заговора были Красс, Цезарь, избранные соответственно, цензором и эдилом¹⁸², некий квестор Гней Писон¹⁸³. По плану предполагалось, что в начале января 65 г. заговорщики нападут на сенат, перебьют консулов Котту и Торквата и других намеченных лиц. Красс должен был сам выбрать удобный день и появиться на форуме, после чего Цезарь, спустив тогу с одного плеча, должен был подать остальным заговорщикам условный сигнал к действию¹⁸⁴. Планировалось, что Красс

¹⁷⁸ Plut. Cras. 13.

¹⁷⁹ Plut. Caes. 6.

¹⁸⁰ Cic. pro Murena. 37. Речь в защиту Луция Лициния Мурены. В суде, 2 половина ноября 63 г.

¹⁸¹ Sall. Cat. 18. 2.

¹⁸² Suet. Caes. 9.

¹⁸³ Sall. Cat. 18. 4.

¹⁸⁴ Suet. Caes. 9.

станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы¹⁸⁵, а Писсон во главе войска должен будет занять обе Испании¹⁸⁶. Устроив государственные дела по своему усмотрению, заговорщики намеревались вернуть консульство Автронию и Сулле¹⁸⁷. Мы полагаем, что окончательное добро на осуществление заговора дал поставленный в известность Помпей, который вынужден был откладывать развязку в войне с Митридатом до тех пор, пока Катилина не захватит власть в Риме.

В конце года к суду по обвинению в хищениях был привлечен Манилий, автор законопроекта о назначении Помпея на азиатскую войну. Было очевидно, что его преследуют из-за Помпея. В угоду последнему, защиту Манилия взял на себя Цицерон и с успехом произнес речь, «полную горячих нападок на приверженцев олигархии и завистников Помпея»¹⁸⁸.

Тем временем, выдержав почти двухмесячную осаду, Митридат, перебив неспособных носить оружие и больных, ночью в глубоком молчании беспрепятственно бежал по непроходимым дорогам с лучшей частью своего войска¹⁸⁹. С наступлением следующего дня римляне догнали Митридата и уже уничтожили арьергард понтийцев, когда Помпей, «несмотря на настойчивые советы друзей выступить против него [Митридата]»¹⁹⁰, неожиданно приказал прекратить преследование врага.

Спустя несколько дней Помпей настиг царя на Евфрате и стал неподалеку лагерем. Ближе к ночи Помпей выстроил войско в боевой порядок и приказал готовиться к ночной переправе через реку, благо небо было ясным, а свет луны создавал достаточную видимость. Он заявил, что опасается «как бы Митридат не успел раньше него переправиться через Евфрат»¹⁹¹. Заслышав шум в лагере римлян, понтийская стража подняла тревогу, и военачальники Митридата стали срочно строить войско в боевой порядок. Заметив приготовления врагов, Помпей хотел приказать войску вернуться обратно в лагерь, так как «опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать»¹⁹². Своим военачальникам Помпей сообщил, что надеется днем «неожиданно напасть на царя»¹⁹³ и решить исход противостояния. Учитывая, что днем неожиданное нападение невозможно, следует предположить, что в действительности Помпей хотел во чтобы то

¹⁸⁵ Suet. Caes. 9.

¹⁸⁶ Sall. Cat. 18. 4.

¹⁸⁷ Cic. Cat. I. 15; Sall. Cat. 18. 5; Suet. Caes. 9.

¹⁸⁸ Plut. Cic. 9.

¹⁸⁹ App. Mithr. 99; Plut. Pomp. 32.

¹⁹⁰ App. Mithr. 99.

¹⁹¹ Plut. Pomp. 32.

¹⁹² Plut. Pomp. 32.

¹⁹³ Plut. Pomp. 32.

ни стало избежать битвы с понтийским царем. Но было уже поздно: войска ввязывались в сражение. Свет садившейся луны отбрасывал перед выступившими в атаку римлянами длинные тени, создавая у царских воинов иллюзию близости врага, вследствие чего пущенные понтийцами дротики не причиняли противнику вреда. Когда все дротики были израсходованы, но римляне действительно оказались рядом невредимыми, у понтийцев исчезла воля к сопротивлению. Легионеры принялись убивать охваченных страхом и бегущих врагов. Митридату во главе отряда из шестисот всадников удалось, неся большие потери, прорваться через ряды римлян. Когда царь покинул место сражения, его сопровождали всего лишь трое спутников, в том числе его наложница Гипсикратия.

Так сражение¹⁹⁴, решившее исход войны с Понтом, состоявшееся вопреки намерению Помпея раньше времени, завершилось полной победой римлян. Свыше десяти тысяч понтийских солдат было убито, а весь обоз – захвачен. В честь этой победы на месте сражения Помпей чуть позже заложит город Никополь¹⁹⁵. Но главное, что удалось Помпею – это избежать формального завершения войны, так как Митридат смог бежать.

Проделав долгий путь с остатками своей армии в три тысячи пехотинцев, понтийский царь прибыл в крепость Синору, где находилась царская казна. Раздарив подарки и выплатив годовое жалование прибывшим с ним воинам, Митридат хотел было направиться в Армению к Тиграну, но последний отказался предоставить ему убежище и, наоборот, объявил награду в сто талантов за голову своего тестя¹⁹⁶. Узнав об этом, понтийский царь покинул Синору, забрав шесть тысяч талантов, и, двигаясь днем и ночью, спустя четыре дня переправился через Евфрат, а еще через три дня пути добрался до Колхиды¹⁹⁷. Туда же, вслед за Митридатом, со своей армией намеревался прибыть и Помпей. Но...

К этому времени армянский царь Тигран оказался в весьма непростом положении. После заключения союза с Помпеем Фраат не спешил предпринимать каких-либо активных действий против Армении. Однако сын Тиграна II – Тигран Юный, который еще в начале 66 г. восстал против своего отца, вынудив тем самым армянского царя прекратить поход в Каппадокию, был побежден, после чего бежал к Фраату III и вскоре женился на дочери парфянского царя¹⁹⁸ и убедил своего тестя напасть на Армению¹⁹⁹. Неожиданно вторгшись в Армению с юго-востока, парфянские войска стреми-

¹⁹⁴ Аппиан излагает несколько иную версию этого сражения. App. Mithr. 100.

¹⁹⁵ Plut. Pomp. 36.

¹⁹⁶ Plut. Pomp. 32.

¹⁹⁷ App. Mithr. 101; Plut. Pomp. 32.

¹⁹⁸ App. Mithr. 104; Dio. XXXVI. 51. 1.

¹⁹⁹ Dio. XXXVI. 51. 2.

тельно дошли до столицы Арташата²⁰⁰. Царь Тигран вынужден был срочно бежать в горные области страны. Расположенная в удобном для обороны месте столица Армении отказалась сдаться, вынудив парфян приступить к осаде. Не желая утруждать себя затянувшейся осадой, Фраат оставил часть войска в распоряжении Тиграна Юного и вернулся в Парфию. После этого царь Тигран, во главе сохранивших ему верность войск, нанес поражение своему сыну-изменнику и восстановил свою власть в стране²⁰¹. Бежавший из Армении Тигран Юный сначала хотел направиться к Митридату – своему деду, но, узнав по пути, что тот сам нуждается в помощи, он, в качестве молящего о защите, прибыл прямо к Помпею, который в погоне за понтийским царем дошел уже до Аракса²⁰².

Теперь уже Помпею Тигран Юный предложил вторгнуться в Армению²⁰³. Помпей решил поменять свои планы, тем более, что неблагоприятное развитие ситуации в Риме все еще требовало от него затягивания войны с Митридатом. Кроме того, решению напасть на Армению способствовало и то, что эта страна находилась в состоянии войны с Парфией: Тигран не смог бы вести войну сразу с двумя могущественными противниками на разных концах страны и, таким образом, вынужден будет сдаться одному из них. Учитывая, что парфяне желают видеть на армянском троне сына армянского царя Тиграна Юного, перед которым Помпей не имеет никаких обязательств, очевидно, что Тигран II предпочтет сдаться римлянам.

Обвинив армянского царя в помощи Митридату²⁰⁴, Помпей вступил в Армению. Римские войска, не встречая особого сопротивления, стали захватывать встречавшиеся на пути города. Тигран Юный вызвался стать их проводником и вскоре прямым путем привел римлян к Арташату – армянской столице.

Оправдывая ожидания римского полководца, Тигран II, «узнав о мягком и добром характере»²⁰⁵ Помпея, который пользовался «великой славой справедливости и верности слову»²⁰⁶, сначала согласился впустить римский караульный отряд в свой дворец, а затем и сам, даже не известив заранее вестником о своем прибытии, в сопровождении друзей и родственников добровольно отправился к Помпею, чтобы отдаться в его руки.

Когда царь верхом приблизился к воротам лагеря, двое ликторов велели ему сойти с коня и идти дальше пешком. Тигран повиновался и даже сдал им свой меч. Подойдя к Помпею, царь, сказав «не позорно потерпеть

²⁰⁰ Dio.XXXVI. 51. 2.

²⁰¹ Dio.XXXVI. 51. 2.

²⁰² Plut. Pomp. 33.

²⁰³ Plut. Pomp. 33.

²⁰⁴ App. Mithr. 104.

²⁰⁵ Plut. Pomp. 33.

²⁰⁶ App. Mithr. 104.

поражение от того, кого незаконно было бы победить, не бесчестно подчиниться тому, кого фортуна поставила выше всех»²⁰⁷, снял со своей головы диадему и хотел преклониться в знак приветствия, но Помпей успел схватить царя за правую руку и привлечь к себе. Затем он усадил Тиграна II рядом с собой, тогда как по другую сторону Помпея сидел Тигран Юный²⁰⁸, который даже не встал с места при виде отца и не оказал ему никакого почтения²⁰⁹.

Утешая Тиграна II, Помпей сообщил ему, что тот не только не потерял своего царства, но и приобрел дружбу римлян: оставаясь правителем лишь своего отечества, армянский царь должен был отказаться от всех покоренных им земель (Сирии, Финикии, Киликии, Каппадокии, Галатии, Кордуены и Софены)²¹⁰. Кроме того, он должен был выплатить Помпею крупную военную контрибуцию в 6 тысяч талантов, солдатам из его войска по 50 драхм каждому, центурионам по 1000, а военным трибунам по 10 000²¹¹. Тигран Юный получал в управление Софену²¹² и объявлялся наследником Тиграна II. Огласив о своем решении, Помпей пригласил своих новых союзников к себе на обед. Однако недовольный Тигран Юный, который рассчитывал получить престол своего отца, проигнорировал приглашение, заявив, что «не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина»²¹³. После этого Помпей приказал установить за ним наблюдение, чтобы не дать тайно бежать.

Армянская казна находилась в Софене, которая отошла к Тиграну Юному. Когда римские курьеры прибыли с Тиграном II за деньгами в счет оплаты контрибуции, хранители отказались открыть казну, так как страна-де принадлежит другому правителю. Помпей приказал Тиграну Юному самому отправиться и забрать необходимую сумму. Однако и его приказа хранители не послушались, возражая, что приказание он дает не добровольно, а по принуждению²¹⁴. Возмущенный Помпей приказал силой забрать деньги, а самого Тиграна Юного, который опять задумал напасть на отца и подстрекал парфян против римлян²¹⁵, арестовать вместе с женой, дочерью царя Фраата²¹⁶. Софену с Кордуеной Помпей отдал в распоряжение Ариобарзана, которому чуть ранее вернул Каппадокию²¹⁷.

²⁰⁷ Vell. II. 37. 4.

²⁰⁸ Plut. Pomp. 33.

²⁰⁹ Dio. XXXVI. 52. 4.

²¹⁰ App. Mithr. 105; Dio. XXXVI. 53. 2; Liv. Per. CI; Plut. Pomp. 33.

²¹¹ App. Mithr. 104; Plut. Pomp. 33; Strabo. 11. 14. 10; Vell. II. 37. 5.

²¹² Dio. XXXVI. 53. 2; Plut. Pomp. 33. По Аппиану и Кордуену. App. Mithr. 105.

²¹³ Plut. Pomp. 33.

²¹⁴ Dio. XXXVI. 53. 3-5.

²¹⁵ App. Mithr. 105.

²¹⁶ Plut. Pomp. 33, 45.

²¹⁷ App. Mithr. 105.

Вскоре к римлянам прибыли послы Фраата с требованиями освободить Тиграна Юного – зятя парфянского царя, и напоминанием, что, согласно заключенным договоренностям, граница между Римом и Парфией должна проходить по Евфрату. Ответ Помпея был следующим: «Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости»²¹⁸.

По завершении дел с Тиграном II, Помпей располагал хотя и значительной, но недостаточной для решения стоящих задач суммой денег. Митридату, тем временем, удалось далеко бежать и тем самым предоставить римлянам повод для продолжения войны как минимум до весны 65 г. Исходя из этого времени Помпей счел целесообразным, чтобы до того, как предпринять переворот, его сторонники добились от сената принятия закона об аннексии Египта и превращении его в данника римлян, так как в противном случае, даже если рискованный заговор достигнет своей цели, решение египетского вопроса от имени заговорщиков будет заведомо нелегитимным. В связи с этим выполнение заговора следовало отложить до февраля 65 г.²¹⁹, чтобы к этому времени обеспечить законодательную основу для решения египетского вопроса.

Отправив поручение в Рим, Помпей оставил для охраны Армении Афрания, Скавра отправил в Сирию, где предварительную разведку уже провел Публий Клодий²²⁰, а сам направился преследовать Митридата²²¹. Сперва он появился в восточных областях Южного Кавказа²²². Населявшие эти земли албаны изначально согласились беспрепятственно пропустить римское войско, но затем, с наступлением зимы, собрав сорокатысячную армию, переправились через Куру. Позволив им беспрепятственно переправиться, Помпей напал на них и нанес сокрушительное поражение. Албанский царь прислал послов с просьбой о мире, которую Помпей удовлетворил. Затем римляне двинулись против более воинственных иберов, которые «горели желанием показать свою преданность Митридату и прогнать Помпея»²²³. В результате жестокого поражения иберы потеряли убитыми десять тысяч человек и столько же пленными. По прибытии в Колхиду Помпея на реке Фасид во главе флота, охранявшего Эвксинский Понт, ожидал Сервий²²⁴.

²¹⁸ Plut. Pomp. 33.

²¹⁹ Sall. Cat. 18. 6.

²²⁰ Dio. XXXVI. 17.

²²¹ Здесь мы придерживаемся последовательности событий, излагаемых Аппианом, которая несколько отличается от повествования Плутарха, по которому Помпей сначала напал на Армению, а затем направился в Колхиду.

²²² Plut. Pomp. 34.

²²³ Plut. Pomp. 34.

²²⁴ Plut. Pomp. 34.

Пока Помпей сражался с кавказскими племенами, Митридат, обойдя Понт с севера, вторгся на Боспор, где царствовал его сын Махар²²⁵, заключивший в свое время с Лукуллом договор о дружбе²²⁶. В Риме же, тем временем, все уже было готово для исполнения заговора. Очевидно, что посланник Помпея прибыл в Рим к началу 65 г., так как с 29 декабря 66 г. Катилина во главе с вооруженной кинжалами группой заговорщиков постоянно дежурил на форуме, ожидая в любой момент по условленному сигналу приступить к исполнению намеченного плана²²⁷. Но Красс так и не появился на форуме²²⁸, вследствие чего заговор не состоялся. По поводу этого Цицерон потом заявит Катилине: «твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа»²²⁹. Впрочем, заговорщики решили лишь отложить реализацию своего плана, так как...

Вскоре Красс внес законопроект об аннексии Египта и превращении его в римскую провинцию²³⁰, так как «со времени консульства тех же самых мужей [очевидно, М. Туррия Декула и Гн. Корнелия Долабеллы, консулов 81 г.] по завещанию александрийского царя его царство стало собственностью римского народа»²³¹. Цезарь через народных трибунов пытался инициировать предоставление ему командования в Египте²³². Однако неожиданное инициирование египетского вопроса вызвало в Риме общее недовольство и непонимание²³³. Сенаторы также крайне негативно восприняли идею экспансии Египта. Кроме странной неуместности инициирования, их неприятие, на наш взгляд, как и в 80 г., в немалой степени было обусловлено... богатством Египта. В случае превращения этой страны в римскую провинцию нетрудно было представить, какая грызня началась бы за пост наместника провинции, доходы с которой более чем в полтора раза превышали доходы Рима со всех остальных провинций вместе взятых, и еще неизвестно с какими непомерными, но материально обеспеченными, амбициями возвращались бы обратно проконсулы или пропреторы. Коллега Красса по должности Лутаций Катул заявил решительный протест и наложил интерцессию на законопроект²³⁴. В качестве компромисса Крассу пришлось согласиться на сложение вместе с Катуллом цензорских полномочий.

²²⁵ App. Mithr. 101.

²²⁶ App. Mithr. 83.

²²⁷ Cic. Cat. I. 15.

²²⁸ Suet. Caes. 9.

²²⁹ Cic. Cat. I. 15.

²³⁰ Plut. Cras. 13.

²³¹ Cic. de leg. agr. I. 1.

²³² Suet. Caes. 11.

²³³ Cic. de leg. agr. I. 1; Suet. Caes. 11.

²³⁴ Plut. Cras. 13.

Заговорщики, тем временем, «задумали умертвить не только консулов, но и большинство сенаторов»²³⁵. В назначенный день Катилина подал условный знак, но теперь заговор сорвала неявка большинства его участников²³⁶. Очевидно, что неудача в египетском вопросе заставила помпеянцев в очередной раз пересмотреть свои планы. После того, как законопроект по Египту был официально вынесен на обсуждение и провален, сама идея заговора теряла смысл, так как, даже если удалось бы захватить власть, обеспечить юридическое прикрытие для получения денег из Египта будет уже невозможным в принципе. Поэтому решено было отказаться от исполнения заговора и вообще всех инициатив по решению ветеранского вопроса и ждать указаний из Азии. Решение было принято весьма кстати, так как в Риме возникли подозрения, что готовится заговор. Сенат даже приставил охрану к консулам. Против соучастников заговора готовилось принятие специального постановления и лишь интерцессия одного из народных трибунов помешала этому²³⁷. Красс срочно инициировал и провел в сенате назначение Писона пропретором в Испанию. Большинство сенаторов проголосовало за это решение из желания, чтобы «этот мерзкий человек находился вдали от дел государства, а также и потому, что очень многие честные люди видели в нем опору, а могущество Гнея Помпея уже тогда внушало страх»²³⁸. Теперь помпеянцы решили, что «одновременно поднимут мятеж – Цезарь в Риме, а Писон в провинции – при поддержке амбронов и транспаданцев»²³⁹.

После провала в египетском вопросе Помпею нужно было определяться с иными источниками поступления нужной суммы. Пока же он, заявив войску, что «самому ему никогда не обойти кругом ни Понт, ни Мэотиду и что беглец [Митридат] уже не рискнет приступить к крупной операции, стал обходить страну колхов, интересуясь рассказами о пребывании здесь аргонавтов, Диоскуров и Геракла и особенно желая увидеть место страданий, где, по преданию, на Кавказских горах страдал Прометей»²⁴⁰.

Вскоре пришло известие о восстании албанов. В раздражении и гнев Помпей повернул назад и, пройдя долгий и мучительный путь по безводной местности, у реки Абанта (Алазань) нанес поражение албанскому войску, состоявшему из шестидесяти тысяч пехотинцев и двенадцати тысяч всадников²⁴¹. После этого Помпей предпринял разведывательный поход в сторону Каспийского моря, но на расстоянии трех дней пути до берега, под

²³⁵ Sall. Cat. 18. 7.

²³⁶ Sall. Cat. 18. 8.

²³⁷ Cass. Dio. XXXVI. 44. 5.

²³⁸ Sall. Cat. 19. 2.

²³⁹ Suet. Caes. 9.

²⁴⁰ App. Mithr. 103.

²⁴¹ Plut. Pomp. 35.

предлогом большой численности ядовитых пресмыкающихся, отказался от своего намерения и решил вернуться в Малую Армению²⁴². Фраат тем временем предпринял попытку вторгнуться в Кордуену, но был изгнан Афранием²⁴³. Из Армении Помпей направился в Понт и, обходя бывшие владения Митридата, прибыл к крепости, где в тайных подземных хранилищах должны были храниться сокровища царя и большое количество денег в медных, обтянутых железом сундуках. Крепостью управляла Стратоника, одна из влиятельных наложниц царя, которая сама призвала римлян. Из преподнесенных ему подарков Помпей принял лишь те, которые могли служить украшением храмов или годились для его триумфа²⁴⁴, и тайные записи Митридата «и прочел их не без удовольствия, так как в них содержалось много сведений, объявляющих характер этого царя письма»²⁴⁵.

Очевидно, что денег в сокровищнице Митридата оказалось недостаточно и, прибыв поздней весной 65 г. в Амис, Помпей окончательно определился с новым планом действий. Необходимую сумму он решил собрать самостоятельно в течение 65-64 гг. с отнятых у Тиграна земель, в частности, с Сирии. Возвращение Помпея в Рим, таким образом, откладывалось на 63 г. С повестки его партии в Риме снимались вопросы изыскания источников финансирования и реализации рискованных мер по нелегитимному захвату власти. В Испании давнишние и верные клиенты Помпея, как считается, с его согласия²⁴⁶, убили Писона²⁴⁷. Теперь люди Помпея в Риме должны были сосредоточить усилия на принятии аграрного закона, для чего нужно было обеспечить поддержку народа и занять максимальное число магистратур 63 г.

Прежде чем объявить войску о том, что возвращение домой откладывается, Помпей раздал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны, в чем он ранее упрекал Лукулла²⁴⁸. Затем, сказав, что «к Митридату трудно подступиться с оружием и что при бегстве он опаснее, чем в сражении»²⁴⁹, он объявил, что «обрежет царя в жертву врагу более страшному, чем он сам, – голоду»²⁵⁰. Флоту был дан приказ преградить путь купеческим кораблям в Боспор и казнить любого, кто будет пойман при попытке прорвать заслон, а армия – получила приказ выступить в направлении Сирии. Вскоре армия дошла до места неудачного сражения римлян, возглавляемых Триарием, с Митридатом в 67 г. Оставшиеся, по упу-

²⁴² Plut. Pomp. 36.

²⁴³ Plut. Pomp. 36.

²⁴⁴ Plut. Pomp. 36.

²⁴⁵ Plut. Pomp. 37.

²⁴⁶ Sall. Cat. 19. 5.

²⁴⁷ Sall. Cat. 19. 4; Suet. Caes. 9.

²⁴⁸ Plut. Pomp. 38.

²⁴⁹ Plut. Pomp. 38.

²⁵⁰ Plut. Pomp. 39.

щению Лукулла, не погребенными тела римских солдат и военачальников Помпей приказал с почестями похоронить²⁵¹, после чего продолжить путь.

В конце лета 65 г. оправдательным приговором завершился суд над Катилиной, обвинявшимся в хищениях во время наместничества в провинции Африка. В немалой степени этому способствовало то, что по итогам дивинации обвинителем Катилины был назначен Публий Клодий, который совершил *praevaticatio*, т.е. предъявил обвинение только для вида, и отвел враждебно настроенных к обвиняемому судей²⁵². Узнав об этом, Цицерон еще до суда предложил Катилине свои услуги в качестве адвоката, рассчитывая в ответ на его поддержку при соискании консульских полномочий в 64 г.²⁵³ Предложение оратора было проигнорировано. Оправдание суда позволяло Катилине добиваться консульства на 64 г., но от этого его заставило отказаться известие о том, что Помпей откладывает свое возвращение на 63 г.

Цезарь, добиваясь народной поддержки для своей партии, влез в большие долги²⁵⁴ и пышностью устраиваемых игр и зрелищ затмил всех своих предшественников²⁵⁵. Он богато украсил комиции, форум, а также специально выстроенные для демонстрации своей щедрости временные портики на Капитолии²⁵⁶. Регулярно устраивались театральные представления и обеды. Формально считалось, что все мероприятия Цезарь устраивал совместно со своим коллегой по эдилитету Марком Бибулом, но даже тот признавал, что «его постигла участь Поллукса: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю»²⁵⁷. На организованные игры Цезарь вывел 320 пар гладиаторов²⁵⁸, меньше, чем собирался, так как «собранный им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов»²⁵⁹. Доспехи и оружие гладиаторов были сделаны из чистого серебра²⁶⁰.

Находившийся тем временем в Сирии легат Помпея Скавр решил двинуться в Иудею, где шла междоусобная война между сыновьями царицы

²⁵¹ Plut. Pomp. 39.

²⁵² Cic. Att. I. 2, 1. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, после 17 июля 65 г.; de har. г. 42.

²⁵³ Cic. Att. I. 2, 1. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, после 17 июля 65 г.

²⁵⁴ Sall. Cat. 49. 3.

²⁵⁵ Plut. Caes. 5.

²⁵⁶ Suet. Caes. 10.

²⁵⁷ Suet. Caes. 10.

²⁵⁸ Plut. Caes. 5.

²⁵⁹ Suet. Caes. 10.

²⁶⁰ Plin. XXXIII. 53.

Александры Гирканом и Аристовулом²⁶¹. Последний в это время в Иерусалиме держал осаду войска Гиркана, объединенного с 50-тысячной армией арабского царя Ареты²⁶². Узнав о прибытии Скавра, оба брата направили к нему послов с просьбой о поддержке и обещанием заплатить четыреста талантов. Если старший брат Гиркан, законный наследник, проявляя определенную жесткость, апеллировал к праву перворождения, то Аристовул был менее требователен. Приняв сторону младшего из братьев, Скавр, от имени римлян и Помпея, потребовал от Гиркана снятия осады с Иерусалима, а от Ареты, пригрозив объявить врагом римлян, – покинуть Иудею. После того, как осада была снята, Скавр вернулся в Дамаск. Воспользовавшись этим, Аристовул нагнал своего брата с Аретой и нанес им поражение, убив при этом до 6 тысяч воинов, в том числе Фалиона, брата знатного идумеянина Антипатра – влиятельного друга Гиркана²⁶³.

В конце 65 г. войско Помпея вступило в Сирию. Под предлогом отсутствия в стране законных царей Помпей объявил ее провинцией и достоянием римского народа²⁶⁴. Римлянам не в чем было винить Антиоха Благочестивого, который просил Помпея вернуть царство его отцов, но тот заявил, что «если он [Помпей] изгнал из этой земли победителя ее Тиграна, то тем самым римляне ее приобрели»²⁶⁵. Таким образом, в течение 65 г. римляне без боя приобрели Киликию и Сирию, Финикию и Палестину, и все другие сирийские племена от Евфрата до Египта и до моря²⁶⁶. Так как никаких боевых действий не велось, войска были отведены на зимние квартиры.

Остановившись в Дамаске, Помпей сосредоточился на разбирательстве судебных дел, улаживании споров городов и царей²⁶⁷, во множестве прибывавших и присылавшим послов в нему. В это время к нему прибыли послы Митридата, с предложением мира и согласием царя платить дань римлянам за свое родовое царство. Помпей потребовал, чтобы Митридат, подобно Тиграну II, лично явился к нему и высказал свою просьбу. В ответ понтийский царь решил, что «пока он остается Митридатом, он никогда на это не согласится, но что он пошлет кого-нибудь из своих сыновей и друзей»²⁶⁸.

Тигран и Фраат, вновь воевавшие друг с другом, обратились к Помпею с просьбой разрешить их спор²⁶⁹. Тигран, как друг римского народа, рассчитывал получить военную помощь, а парфяне – заключенный союз-

²⁶¹ Fl. Ios. Antt. 14. 2. 3.

²⁶² Fl. Ios. BJ. 1. 6. 3.

²⁶³ Fl. Ios. Antt. 14. 2. 3.

²⁶⁴ Plut. Pomp. 39.

²⁶⁵ App. Mithr. 106.

²⁶⁶ App. Sir. 50.

²⁶⁷ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 1. Plut. Pomp. 39.

²⁶⁸ App. Mithr. 107.

²⁶⁹ App. Mithr. 106; Plut. Pomp. 39.

ный договор с римлянами. Армянскому послу Помпей заявил, что не желает вступать в войну с Парфией в условиях, когда над Митридатом не одержана окончательная победа²⁷⁰. Точно так же, он не считает себя вправе воевать с парфянами без решения римского народа²⁷¹. Вообще же, он намерен довольствоваться тем, чего достиг, и не хотел бы своим желанием сделать больше скомпрометировать, как Лукулл, свои прошлые успехи. «Безудержная страсть к приобретениям опасна. Несправедливо страстно желать чужую собственность» – философски подытожил свою позицию Помпей²⁷². Для улаживания спора между Арменией и Парфией он отправил посредников²⁷³.

С просьбой разрешить спор об иудейском престолонаследии к Помпею обратился Гиркан²⁷⁴. Со своей стороны, его соперник Аристовул прислал ему в подарок золотой виноградник ценою в пятьсот талантов. Вскоре в Дамаск прибыли уполномоченные представители спорящих сторон. Нимкомид, посланник Аристовула, стал обвинять во взяточничестве Габиния и Скавра, заявив, что один из них взял триста, а другой четыреста талантов. Однако Помпей отложил разбирательство, приказав спорящим сторонам явиться в другое время²⁷⁵.

В начале 64 г. Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи²⁷⁶, предпринял громкую акцию по реабилитации марианцев. Однажды ночью он принес на Капитолий и установил тайно изготовленные из золота изображения Мариа и богинь победы, несущих трофеи. Надписи под ними повествовали о победах римлян под предводительством Мариа над кимврами²⁷⁷. На следующее утро вид блестящих изображений привлек внимание граждан. Слухи об этом мгновенно распространились по городу. Со всех концов города люди стали сбегаться к Капитолию, чтобы поглядеть на них. Перешептываясь, римляне говорили, что изображения выставлены Цезарем. Среди собравшейся толпы слышались крики, что «Цезарь замышляет тиранию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи». Марианцы же, робко подбодряя друг друга, с рукоплесканиями

²⁷⁰ Dio. XXXVII. 7.

²⁷¹ App. Mithr. 106.

²⁷² Dio. XXXVII. 7. В действительности к этому времени Помпей накопил уже достаточно финансовых средств на приобретение в Италии земель для своих ветеранов. Теперь главной задачей для него становилось добиться принятия соответствующего закона и все его внимание и усилия должны были сосредотачиваться на событиях в Риме.

²⁷³ App. Mithr. 106.

²⁷⁴ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 1.

²⁷⁵ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 2.

²⁷⁶ Plut. Caes. 6.

²⁷⁷ Plut. Caes. 6; Suet. Caes. 11.

стали заполнять Капитолий: «у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием»²⁷⁸.

За свой поступок Цезарю пришлось держать ответ перед срочно созванным на чрезвычайное заседание сенатом. Лутаций Катул, один из самых авторитетных сулланцев, обвинил Цезаря в намерении совершить государственный переворот: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». В свою защиту Цезарь произнес достаточно убедительную речь, после которой сенат остался удовлетворенным и решил ничего не предпринимать против него. Очевидно, основным доводом Цезаря было то, что война с кимврами была одной из самых тяжелых в истории Рима, и поэтому несправедливо предавать забвению Мария, «дважды избавившего Италию от врагов и от угрозы порабощения»²⁷⁹ и благодаря которому была одержана трудная победа, а проведенную им военную реформу не отменил даже Сулла, и новые военные порядки позволяют Риму по сей день считаться непобедимым.

С наступлением весны 64 г. Помпей вывел войска с зимних квартир и отправился в области Сирии добывать деньги. Разрушив встретившуюся по пути укрепленную крепость Апамею, римские войска вторглись в Халкиду, расположенную вблизи Ливанского хребта область в Келесирии. Ее властитель Птолемея Меннай предпочел откупиться от Помпея суммой в десять тысяч талантов, из которой было выплачено жалование римским солдатам²⁸⁰. Таким образом, только Тигран II и Птолемея Меннай заплатили Помпею свыше 16 тысяч талантов. О том же, сколько денег он смог заполучить с других завоеванных земель, источники данных не приводят, однако следует предположить, что собранная сумма позволяла Помпею рассчитывать на выкуп в Италии земель для своих ветеранов. Теперь на первый план выходило принятие в Риме соответствующего аграрного закона. Римляне быстро овладели Лифиадой, заняв несколько городов, вскоре вернулись через Пеллу в Дамаск.

За это время с ознакомительной поездкой в Сирии успел побывать Катон, с которым произошел забавный случай. Подъезжая к Антиохии, он заметил у городских ворот большое число выстроившихся вдоль дороги нарядно одетых людей. Поначалу Катон предположил, что его ожидает устроенный в его честь торжественный прием, но когда они приблизились, распорядитель встречающих подошел к Катону и небрежно поинтересовался, «где они оставили Деметрия и когда он будет здесь». Деметрий был

²⁷⁸ Plut. Caes. 6.

²⁷⁹ Cic. Cat. IV. 21.

²⁸⁰ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 2.

вольнотпущенником Помпея и пользовался большим доверием своего бывшего хозяина, вследствие чего многие старались ему угодить. Друзей Катона разразил неудержимый хохот, сам же он в сильном смущении сказал только: «Несчастный город!» – и не проронил больше ни звука²⁸¹. Наверняка, он задавался вопросом: если бывшего раба встречают как иногo царя, то на что должен претендовать его хозяин?

Тем временем Митридат, после неудачных переговоров с Помпеем, мобилизовал все ресурсы, ввел чрезвычайные налоги, стал спешно набирать новую армию и готовиться к новому походу. Уже к лету 64 г. он располагал 36-тысячным войском. Однако недовольное обременительными налогами и перспективой новой войны население стало поднимать в различных областях восстания против царя. Первыми выступили фанагорийцы и тем подали пример другим²⁸²: отпали Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие города по берегу Понта, очень удобные в военном отношении²⁸³. Тогда Митридат, который, к тому же, с подозрением относился к своему войску, считая его ненадежным из-за трудностей предстоящего похода, равно как и вследствие недоверия войска к полководцам, терпящим неудачи, с просьбой как можно скорее прибыть к нему с войском отправил к скифским правителям в жены собственных дочерей. Сопровождать девушек должны были царские евнухи и отряд в пятьсот воинов. Но едва они отъехали от ставки царя, солдаты убили евнухов и отвезли дочерей Митридата к Помпею²⁸⁴, который после того, как год назад объявил, что «беглец [Митридат] уже не рискнет приступить к крупной операции»²⁸⁵, ни при каких условиях не мог допустить, чтобы тот предпринял какие-либо активные военные действия против римлян.

Решившему финансовые вопросы Помпею оставалось лишь ждать вестей из Рима об исходе выборов консулов 63 г. Пока же он приступил к разбору дел иудеев. Выслушав явившиеся к нему стороны, он, признав захват Аристовулом власти в Иудее насильственным, отправил их домой и пообещал явиться в Иудею для наведения порядка после завершения дел с набатейцами. Вместе с этим он предостерег Аристовула от намерения воспрепятствовать приходу римлян. Однако перед тем как отправиться в Иудею, Аристовул проводил Помпея до Диона, не проявив при этом подобающего уважения²⁸⁶.

²⁸¹ Plut. Cato min. 13; Pomp. 40.

²⁸² App. Mithr. 113.

²⁸³ App. Mithr. 108.

²⁸⁴ App. Mithr. 108.

²⁸⁵ App. Mithr. 103.

²⁸⁶ Fl. Ios. BJ. 1. 6. 4; Antt. 14. 3. 3.

На консульских выборах 64 г. было зарегистрировано семь кандидатов, в том числе Катилина, Гай Антоний и Цицерон. Решение об участии на этих выборах Цицерон, который после произнесения речи в поддержку закона Манилия считал себя другом Помпея, принял еще летом 65 г. Сообщая о своих планах находившемуся в Афинах Титу Помпонию Аттику, он просил адресата: «Постарайся привлечь на мою сторону, так как ты там ближе, отряд избирателей моего друга Помпея. Скажи ему, что я не буду сердит на него, если он [скоро завершив войну] не явится на мои комиции»²⁸⁷. Однако ни Помпей, ни его сторонники никак не отреагировали на просьбу Цицерона поддержать его кандидатуру. Между тем брат Цицерона, наставляя в начале 64 г. Марка на соискание консульской должности, писал: «...и если мы, как казалось, говорили в угоду народу, то мы делали это для привлечения на свою сторону Гнея Помпея для того, чтобы он, чье влияние так велико, относился к нашему соисканию дружественно или, во всяком случае, не был противником его»²⁸⁸. «Осмотри и подумай: раз ты [Цицерон] с таким усердием отдался прославлению Гнея Помпея, относится ли к тебе кто-нибудь дружественно по этой причине?»²⁸⁹. «Нужно также достигнуть того, чтобы все знали, что Гней Помпей относится к тебе чрезвычайно благожелательно и осуществление твоего избрания имеет огромное значение для его планов»²⁹⁰.

Фаворитами выборной гонки считались Катилина, программа которого обещала народу списание долгов, и его близкий друг²⁹¹ Гай Антоний. В начале июня, когда предвыборная кампания была в самом разгаре, Катилина созвал на закрытую встречу в доме одного из своих друзей наиболее влиятельных и преданных сторонников. В обращенной к собравшимся пламенной речи²⁹² он говорил о необходимости поднять народ на решительную борьбу против ввергнувших народ в нищету узурпаторов власти, присвоивших себе почет, магистратуры и богатство. Он обещал «отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей»²⁹³. Желая ободрить аудиторию, Катилина сообщил, что его соратники Писон и Ситтри находятся во главе войска, соответственно, в Испании и Мавритании и ожидают приказа открыть военные действия.

Вероятно, представление о чрезвычайной трудности в принятии аграрного закона обусловило стремление Катилины, в качестве резервного ва-

²⁸⁷ Cic. Att. I. 1. 2. до 17 июля 65 г.

²⁸⁸ Cic. Comm. pet. 5. начало 64 г.

²⁸⁹ Cic. Comm. pet. 14. начало 64 г.

²⁹⁰ Cic. Comm. pet. 51. начало 64 г.

²⁹¹ Sall. Cat. 21. 3.

²⁹² Sall. Cat. 20.

²⁹³ Sall. Cat. 21. 2.

рианта, заблаговременно готовиться к тому, чтобы при необходимости путем организации в стране беспорядков добиться введения чрезвычайного положения и назначения Помпея диктатором.

Присутствовавший на собрании Квинт Курий проболтался о планах Катилины своей любовнице Фульвии, которая, в свою очередь, рассказала об этом многим знавшим ее влиятельным людям²⁹⁴. Вскоре молва разнесла по городу весть о готовящемся заговоре.

Влиятельные политические противники Катилины решили не дробить свою поддержку среди остальных кандидатов на консульство, а сосредоточить агитацию в пользу наиболее популярного среди них Цицерона²⁹⁵ и сотворили, тем самым, сенсацию. Впервые в Риме при поддержке сенатской аристократии на консульскую должность был избран homo novus («новый человек», «выскачка», провинциал незнатного происхождения). Катилина проиграл выборы. Коллегой Цицерона был объявлен Гай Антоний. Катилина и его сторонники были раздосадованы результатами выборов. Неудавшийся соискатель стал срочно готовиться к вооруженному мятежу, собирая оружие в удобных для этого местностях Италии²⁹⁶.

Не меньше разгневался, когда доставили донесение о провале Катилины на выборах, Помпей: в войсках сразу был объявлен всеобщий сбор²⁹⁷.

²⁹⁴ Sall. Cat. 23. 1-4.

²⁹⁵ Sall. Cat. 23. 5.

²⁹⁶ Sall. Cat. 24. 2-4.

²⁹⁷ В «Иудейских древностях» Флавий пишет: «Выслушав их [Гиркана и Аристовула], Помпей признал факт насилия, совершенного Аристовулом, и затем с ласковыми увещаниями отправил их домой, обещая явиться в их страну и там привести все в порядок, лишь только покончит все с набатеями. Пока же он просил их держаться спокойно. Вместе с этим он отличил Аристовула, чтобы удержать его от организации восстания в стране и от занятия проходов. Впрочем, Аристовул действительно так и сделал: он не стал ожидать всего того, что ему обещал Помпей, но отправился в город Дий, а оттуда в Иудею.

На это Помпей разгневался и, собрав войско, предназначенное для похода против набатеев, равно как вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, во главе всех римских войск двинулся на Аристовула» (Fl. Ios. Antt. 14. 3. 3-4).

В его же «Иудейской войне» причина гнева Помпея описывается следующим образом: «Лишившись поддержки союзников, Гиркан и Антипатр возложили теперь все свои надежды на своих противников, и так как Помпей, по прибытии в Сирию, остановился в Дамаске, то они поспешили туда. Без подарков, опираясь лишь на представленные ими уже Арете мотивы и доводы, они умоляли его положить конец насильственным действиям Аристовула и посадить на престол того, который заслуживает его, как по старшинству, так и по нравственным качествам. Аристовул также не бездействовал: рассчитывая на подкупленного Скавра, он представился Помпею во всем блеске своего царского величия. Но, считая ниже своего достоинства играть роль покорного слуги, не желая, хотя бы и для защиты своих интересов, опуститься на одну степень ниже, чем позволяло ему его высокое положение – он, сопроводив Помпея до города Диона, ушел обратно.

Оскорбленный таким поведением, осажденный кроме того неотступными просьбами Гиркана и его друзей, Помпей выступил с римскими легионами и многими союзными войсками из Сирии против Аристовула» (Fl. Ios. VJ. 1. 6. 4-5).

Наверное, первым его желанием было вернуться с армией в Рим. Несколько поостыв, Помпей решил действовать иначе. Хотя Катилина и проиграл выборы, но консулом стал Гай Антоний, а его коллегой – Цицерон. То, что *homo novus* избирался благодаря поддержке противников Помпея, свидетельствует больше не об их желании видеть Цицерона консулом, а скорее – о нежелании видеть консулом Катилину. Таким образом, результат консульских выборов для помпеянцев можно было расценивать как ничейный, если не положительный, с учетом того, что консулами объявлены Гай Антоний, друг Катилины, и Цицерон, который не был замечен в особой близости к сенатским кругам и усиленно домогался расположения Помпея. Значит, шансы на принятие аграрного закона можно было рассматривать как приемлемые... Римская армия, уже поднятая по тревоге, получила приказ двигаться через Пеллу и Скифополис в самый северный город Иудеи – Корея, против Аристовула, который-де оскорбил Помпея своим поведением²⁹⁸. По прибытии на место стало известно, что Аристовул бежал в Александрион, крепость на вершине расположенной неподалеку горы. К нему был отправлен гонец с приказанием немедленно явиться к Помпею. Уязвленный тоном послания Аристовул хотел было проигнорировать требование, но под влиянием своего окружения, представившего ему всю трудность сопротивления римскому войску, он покинул крепость и прибыл к Помпею. Римскому полководцу он еще раз подробно изложил обоснованность своих прав на иудейский престол, после чего ему было разрешено вернуться обратно в крепость. Спустя некоторое время Аристовулу пришлось опять явиться к Помпею, чтобы в очередной раз в его присутствии вступить в дискуссию о своих правах со своим братом Гирканом, после чего он опять вернулся к себе. Так продолжалось некоторое время, когда Аристовул по первому требованию Помпея вынужден был являться к нему, а затем возвращаться в крепость²⁹⁹.

Через несколько недель после выборов в Риме началась работа по составлению проекта аграрного закона³⁰⁰. Исторически сложилось так, что процесс принятия аграрного закона в Риме проходил в условиях жесткого, а зачастую кровавого, гражданского противостояния. Кроме этого, авторам аграрного законопроекта приходилось считаться с тем, что «огромная

Даже если нежелание Аристовула «играть роль покорного слуги» и было оскорбительным, трудно поверить, что именно из-за этого Помпей собрал все свое войско равно как и вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, и во главе всех римских войск двинулся на Аристовула, который ни до, ни после этого никакой реальной войной угрозы для римлян не представлял.

²⁹⁸ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 3-4; BJ. 1. 6. 4-5.

²⁹⁹ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 4; BJ. 1. 6. 5.

³⁰⁰ Cic. de leg. agr. II. 11.

власть Помпея тревожила граждан республики»³⁰¹, т.е. открытое инициирование Помпеем этого закона либо его поддержка скорее имели бы обратный эффект. Поэтому законопроект был составлен таким образом, чтобы максимально закамуфлировать заинтересованность в нем Помпея.

Реализацию закона предполагалось поручить специально создаваемой на пять лет комиссии децемвиров, которой предоставлялось право «выводить каких они сочтут удобным колонистов в какие им заблагорассудится муниципии и колонии и назначать им наделы там, где они найдут уместным»³⁰². Состав этой комиссии из десяти человек должен был избираться в трибутных комициях, причем не во всех 35 трибах, а лишь в 17, назначенных по жребию, т.е. для избрания комиссии было достаточно большинства в 9 триб. Единственным условием, ограничивающим право гражданина быть избранным в состав этой комиссии, было положение о недопустимости избрания в децемвиры лица, отсутствующего в Риме. С одной стороны, Помпей не собирался непосредственно избираться в децемвиры, с другой, чтобы получить контроль над комиссией, ему вполне было достаточно, чтобы в ее состав вошли поддерживаемые им кандидаты. Поэтому положение об обязательном присутствии в городе соискателя должно было создавать впечатление о непричастности Помпея к законопроекту.

Доходов от новых восточных провинций было вполне достаточно, чтобы выкупить землю в Италии и распределить ее среди ветеранов. Однако упоминание только этих источников потребовало бы ввязывания Помпея в дискуссию по самому закону и могло вынудить его открыто обозначить свою позицию. Поэтому наряду с вышеуказанными³⁰³, в содержание законопроекта был включен достаточно длинный список источников доходов, предназначенных для проведения реформы. Децемвирам предоставлялось право продавать земли как в пределах Италии, так и вне ее. Однако поименный перечень земель, подлежащих продаже, в законе отсутствовал. Вместо этого децемвирам разрешалось продавать все земли, о продаже которых сенат вынес постановления в 81 г. или же впоследствии, и все земли вне Италии, которые стали государственным имуществом римского народа (*ager publicus*) с 88 г. Согласно положениям закона под продажу могли попадать и завоеванные в Азии земли, где «побежденным еще не предъявлено никаких условий» и «в этих местностях еще и поныне сохраняется состояние войны», т.е. «земли, на которые, по обычаю предков, пока еще должна распространяться судебная и всякая другая власть Гнея Помпея»³⁰⁴.

Под заселение азиатских ветеранов авторы законопроекта ориентировались на выкуп земли многочисленных сулланских ветеранов, которые

³⁰¹ Cowell F.R. *Cic. and the Roman Republic*. L., 1948, p. 179.

³⁰² *Cic. de leg. agr.* I. 17.

³⁰³ *Cic. de leg. agr.* II. 62.

³⁰⁴ *Cic. de leg. agr.* II. 52.

были в затруднительном положении. К концу 60-х гг. основная масса сулланских ветеранов уже была в преклонном возрасте, поэтому особую актуальность для них приобретали вопросы права наследования полученных от Суллы земельных наделов – статус собственности этих земель был неопределенным: «среди этих процессоров [сулланских ветеранов] нет такого бесстыдника, который не счел бы величайшим благодеянием для себя, если бы его земля получила хоть некоторую долю правомерности, хоть некоторое подобие частного владения, хоть некоторую тень прочности»³⁰⁵. Чтобы гарантировать наследникам хоть какое-то имущество, необходимо было превратить имевшийся надел в обезличенный денежный капитал. Однако юридическая неопределенность статуса ветеранского земельного надела также отталкивала и потенциальных покупателей: «Ведь они [сулланские ветераны] желали бы продать землю, но не находят покупателя; они уже давно хотят любым способом избавиться от этих земель»³⁰⁶. Законопроект с одной стороны, «наделяет сулланские владения лучшим правом, чем отцовские наследия»³⁰⁷, с другой, обязывает их продавать свои земельные наделы децемвирам, очевидно, по рыночной цене. Такой подход представлялся сулланским ветеранам хорошей альтернативой имевшимся стеснениям в правах владения земельными наделами.

Вместе с тем, чтобы не создавалось впечатления, что огромные доходы будут потрачены только на сулланских ветеранов, в законопроекте децемвиры были наделены правом, как мы отметили выше, «выводить каких они сочтут удобным колонистов в какие им заблагорассудится муниципии и колонии и назначать им наделы там, где они найдут уместным»³⁰⁸.

Пока шла работа над законопроектом, Цицерон, будучи избранным консулом, с наилучшими намерениями желал принять в ней участие, но встретил полное пренебрежение³⁰⁹. Очевидно, помпеянцы полагали, с одной стороны, что «не было никакой возможности добиться от меня [Цицерона] согласия на какую-либо раздачу земли»³¹⁰, с другой – воспринимали его случайной фигурой, не способной создать проблемы их намерениям. Считалось, что активной поддержки законопроекта Рулла Гаем Антонием, коллегой Цицерона, будет вполне достаточно³¹¹.

10 декабря 64 г. народные трибуны приступили к исполнению своих обязанностей, и уже 12 числа Сервилий Рулл представил народному собранию аграрный законопроект. Согласно процедуре, народное собрание при-

³⁰⁵ Cic. de leg. agr. III. 9.

³⁰⁶ Cic. de leg. agr. II. 69.

³⁰⁷ Cic. de leg. agr. III. 10.

³⁰⁸ Cic. de leg. agr. I. 17.

³⁰⁹ Cic. de leg. agr. II. 11.

³¹⁰ Cic. de leg. agr. II. 12.

³¹¹ Plut. Cic. 12.

нимало решение о законопроектах в течение 17-24 дней после официального вынесения их на рассмотрение. Представляя законопроект, Рулл выступил с длинной и пафосной речью, которая, по мнению Цицерона, «страдала лишь одним недостатком: в такой большой толпе собравшихся нельзя было найти человека, который бы понимал, что он говорил»³¹². Цицерон поручил писцам списать для себя текст выставленного на общественном месте законопроекта, и стал готовиться к публичным дебатам.

1 января 63 г. Цицерон надел знаки консульской власти и, согласно традиции, созвал сенат. Свою программную речь, которая сохранилась частично, он посвятил законодательной инициативе Рулла. В представленном законопроекте цели его оказались отражены настолько размыто, а средства и полномочия, предоставляемые для их достижения, – невероятно огромными, что Цицерон – главный критик законопроекта – разнесет его в пух и прах. «„Будут выведены колонии“, говорит [Рулл]. – Сколько? Из какого рода людей? Куда? Ведь ясно, что в колониальном деле должно быть принято во внимание все это. Или ты думал, Рулл, что мы отдадим всю Италию беззащитной тебе и твоим вдохновителям во всем этом деле, с тем чтобы вы заняли ее своими гарнизонами, заполнили своими колонистами, держали в безусловном повиновении всякого рода оковами? В самом деле, где у вас оговорено, что вы не выведете колонии на Яникул, не будете этот наш город давить и теснить другим городом? – „Мы“, говорит [Рулл], „это не сделаем“. – Во-первых, я в этом не уверен; во-вторых, мне страшно; в-третьих, я не допущу, чтобы мы своей безопасностью были обязаны вашей любезности, а не нашему благоразумию. А что вы всю Италию пожелали наполнить своими колониями – неужели вы воображали, что никто из нас не поймет тайного смысла и этой меры? ... они [децемвиры] займут всю Италию своими солдатами, а нам не оставят надежды не только сохранить свое достоинство, но и вернуть себе свою свободу»³¹³.

В стремлении же максимально завуалировать заинтересованность Помпея в принятии аграрного закона его разработчики достигли прямо противоположного эффекта. Цицерон счел законопроект направленным против Помпея³¹⁴. «И добычу Помпея, и конфискованную им у врагов землю, и даже его лагерь будут продавать децемвиры, причем сам полководец должен будет сидеть сложа руки»³¹⁵. «Они назначают к продаже те земли, которыми владел царь Митридат в Пафлагонии, Понте и Каппадокии. Как вы думаете, достаточно ли ясно преследуют своим глашатайским копьем*

³¹² Cic. de leg. agr. II. 13.

³¹³ Cic. de leg. agr. I. 16-17.

³¹⁴ Cic. de leg. agr. I. 5.

³¹⁵ Cic. de leg. agr. I. C.

* Продажа имущества с аукциона осуществлялась в Риме под символическим копьем.

войско Гнея Помпея – они, назначающие к продаже те самые земли, в которых он и поныне пребывает и ведет войну?»³¹⁶.

Полководцы, которым почетным решением народа и сената вверено начальство над войсками и ведение войн, любые деньги, поступившие в виде военной добычи, почетных даров или от продажи вражеского имущества, если они не потрачены на памятники и не переданы в казну, должны будут передавать децемвирам³¹⁷. Исключение из этого положения делалось только для Помпея. Цицерон сделал вывод, что «смысл этого исключения состоит не в том, чтобы одному человеку было оказано благодеяние, а в том, чтобы одному не было нанесено обиды. Но и его [Помпея] он не оставляет в покое: отпуская ему его добычу, он налагает руку на доставленные государству доходы; он постановляет, чтобы децемвиры могли пользоваться теми деньгами, которые поступят после нашего консулата по новым статьям. Нам ли не понять, что он предлагает им продать те пошлины, которыми Гней Помпей обогатил государственный бюджет?»³¹⁸.

«Я со своей стороны, сенаторы, окажу самое решительное сопротивление этой затее; я не допущу, чтобы эти люди в мой консулат привели в исполнение свои давнишние, гибельные для нашего государства замыслы. Вы жестоко ошибались – ты, Рулл, и некоторые твои коллеги – когда возымели надежду, что ваши антиреспубликанские планы добудут вам славу демократов за счет консула, на деле, а не в хвастливых словах, доказавшего свой демократический образ мыслей. Вот вам мой вызов: приглашаю вас в народное собрание; пусть сам римский народ нас рассудит»³¹⁹.

Кроме того, считая, что год выдастся весьма непростым, Цицерон в первый же день исполнения консульских обязанностей заявил, что по завершении своих полномочий он не примет в управление провинцию и останется в Риме: «в январские календы, в самом многочисленном собрании сената консул объявляет, что, если только не произойдет государственного переворота или такого осложнения, которое не позволит ему с честью уклониться от возложенной на него обязанности, то он в провинцию не отправится. Да, сенаторы, образ действий, которого я решил держаться в год моего консульства, даст мне возможность обуздывать озлобление народного трибуна против государства, его же озлобление лично против меня – презирать»³²⁰.

Рулл попытался вступить в полемику с Цицероном, заявив сенаторам, что «городской плебс чересчур много силы забрал в государстве и что его

³¹⁶ Cic. de leg. agr. I. 6.

³¹⁷ Cic. de leg. agr. I. 12.

³¹⁸ Cic. de leg. agr. I. 13.

³¹⁹ Cic. de leg. agr. I. 22-23.

³²⁰ Cic. de leg. agr. I. 26.

следует „вычерпать”»³²¹. На следующий день, выступая перед народным собранием, Цицерон на глазах у плебса припомнит Рулла эти слова: «ведь он употребил именно это слово, точно говорил о какой-то выгребной яме, а не о сословии честнейших граждан»³²². На вопрос же Цицерона, какую трибу он намерен первой наделить землей в Кампанской области, Рулл наугад ответил, что начнет с Ромилиевой трибы.

Народный трибун Л. Цецилий Руф заявил о своем намерении совершить интерцессию по земельному закону Рулла³²³, но сам Цицерон удержал его от этого, завив, что «пусть сам римский народ нас рассудит»³²⁴. Чтобы не допустить окончательной дискредитации аграрного законопроекта на народном голосовании, трибуны сами отозвали его³²⁵.

Не трудно представить, как был раздосадован Помпей провалом законопроекта Рулла, а в особенности поведением Цицерона, который с успехом использовал его имя против законопроекта, скрытым инициатором которого был сам полководец. Вскоре Помпею пришлось узнать еще одну неприятную для себя новость.

Митридат, не рассчитывая уже добиться союза со скифами, задался целью вести свою армию через земли кельтов и пэонийцев, с которыми давно был заключен и поддерживался союз, и вместе с ними, подобно Ганнибалу, вторгнуться в Италию с севера³²⁶. Войско восприняло замысел неоднозначно. Им не хотелось отправляться в столь длительное военное предприятие в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле³²⁷. Однако Митридат был непреклонен. Казалось, что «отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии»³²⁸.

Поскольку уговорами не удалось отвратить царя от похода, в конце зимы 63 г., когда Митридат уже готов был выступить в Италию, его сын Фарнак, которого он наиболее ценил среди своих детей и назначил наследником, составил заговор³²⁹. Царю донесли об этом, и участники заговора были схвачены и подвергнуты пыткам. От расправы над Фарнаком Митридата удержал Менофан, который убедил царя, что не следует, собираясь уже в поход, казнить еще так недавно столь ценимого им сына, и что по-

³²¹ Cic. de leg. agr. II. 70.

³²² Cic. de leg. agr. II. 70.

³²³ Cic. Pro Sull. 65.

³²⁴ Cic. de leg. agr. I. 22-23.

³²⁵ Plut. Cic. 12.

³²⁶ App. Mithr. 109; Plut. Pomp. 41.

³²⁷ App. Mithr. 109.

³²⁸ App. Mithr. 109.

³²⁹ App. Mithr. 110.

добные перемены – результат войны, с прекращением которой и все остальное придет в порядок³³⁰.

Ночью прощенный Фарнак сразу явился к римским перебежчикам, стоявшим лагерем ближе всего к Митридату, и сообщил им, что царь не изменил своего намерения. Теперь римским перебежчикам не оставалось ничего иного, как, наложив на Фарнака обязательства, поднять мятеж³³¹. Еще до рассвета люди Фарнака были разосланы с предупреждением по остальным лагерным стоянкам. Рано утром римские перебежчики подняли военный клич. Его подхватили воины из других близлежащих лагерей, а также с кораблей. Проснувшись от криков, Митридат послал разузнать, что случилось. Ему сообщили, что войско подняло мятеж и требует, чтобы «царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшегося на волю евнухам, убившего уже многих своих сыновей, предводителей и друзей»³³².

Личная гвардия Митридата также хотела перейти на сторону мятежников. Однако римляне отказались их принять, прежде чем они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое. Гвардейцы присягнули Фарнаку. Митридат пытался вступить в переговоры, требуя для себя права свободного и безопасного выхода, но посылаемые им переговорщики не возвращались. Тогда, не желая быть выданным римлянам, он, поблагодарив, отпустил к новому царю остававшихся с ним телохранителей и друзей, и, открыв яд, который он всегда носил при себе в мече, стал его смешивать. Две его дочери, сосватанные за царей Египта и Кипра, заявили, что первыми яд должны принять они. На них яд подействовал почти сразу, а на Митридата же, который вследствие привычки постоянно принимал противоядие, яд никак не действовал. Тогда он обратился к бывшему при нем Битоиту, начальнику галлов: «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда – неверности войска, детей и друзей – я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься». Последняя просьба Митридата была выполнена³³³. Утвердившись во власти, Фарнак направил Помпею письмо, сообщая, что ради него и римского народа он предпринял успешное восстание против Митридата³³⁴.

³³⁰ App. Mithr. 110.

³³¹ App. Mithr. 110.

³³² App. Mithr. 110.

³³³ App. Mithr. 111; Liv. Per. CII.

³³⁴ Plut. Pomp. 41.

Полагаем, когда было доставлено тайное донесение о том, что Митридат собирается в поход на Италию и его никак не удастся отговорить от этого, Помпею стало ясно, что понтийский царь обречен, а значит цель, поставленная законом Манилия, будет скоро достигнута, т.е. исчезнет формальное основание для продолжения войны, армия должна будет возвращаться на родину и неминуемо должен будет решаться вопрос о ее роспуске, и это при том, что его сторонники в Риме так не смогли решить ни одной из поставленных перед ними задач... Нужно было срочно предпринимать что-то, чтобы выиграть дополнительное время. Помпей решил немедленно потребовать от Аристовула сдачи всех крепостей и принудил его собственноручно написать об этом комендантам, так как последние были снабжены инструкцией действовать лишь по его письменным приказам³³⁵. Вынужденно подчинившись, Аристовул с негодованием отправился в Иерусалим, чтобы готовиться к войне, а римская армия тут же получила от Помпея приказ следовать за ним: нападением на Иудею, что требовало времени, Катилине предоставлялся последний шанс легитимным путем прийти к власти в Риме.

Уже в пути, когда римские легионы прибыли в Иерихон, их нагнали гонцы из Понта³³⁶. Ко времени их прибытия уже был разбит лагерь, а Помпей упражнялся близ него в верховой езде³³⁷. По лаврам, обвивавшим наконецники копий гонцов, Помпей понял, что Митридат мертв. Римские воины, также заметив лавры, стали стекаться к своему полководцу. «Послед-

³³⁵ Fl. Ios. Antt. 14. 3. 4; VJ. 1. 6. 5.

³³⁶ Fl. Ios. VJ. 1. 6. 6.

³³⁷ Plut. Pomp. 41. Описавший сцену прибытия понтийских послов Плутарх сообщает, что она произошла «когда Помпею оставалась лишь небольшая часть пути до Петры [столицы Аравии]». Полагаем, что утверждение о времени события у Плутарха ошибочно, так как сведения о походе Помпея против арабов не подтверждаются из других источников. С другой стороны, известно, что, описывая азиатскую компанию Помпея, Плутарх опирался на сочинение историка Теофана Митиленского, который сопровождал Помпея в этом походе (Cic. Arch. 24; Strabo. XI. 5. 1), был одним из ближайших друзей римского военачальника (Tac. Ann. VI. 18), с которым тот имел обыкновение советоваться о важнейших делах (Caes. V.C. III. 18). Известно также, что во время азиатской компании Помпей даровал Теофану права гражданства, а в 62 г. его родному городу Митилене «в благодарность за одного Теофана» предоставил свободу (Plut. Pomp. 42; Vell. II. 18. 4). По Страбону «историк Теофан [...] был государственным человеком, благодаря своей способности он вступил в дружеские отношения с Помпеем Великим и помог ему успешно завершить все его предприятия. В силу этого он не только возвысил свою родину, отчасти через Помпея, отчасти же самостоятельно, но и стал наиболее славным из всех греков. Он оставил сына – Марка Помпея, которого Август Цезарь назначил некогда прокуратором Азии; теперь он считается одним из самых близких друзей Тиберия (XIII. 2. 3.). Вышесказанное позволяет нам предположить, что Теофан вполне мог изложить события в приведенном Плутархом варианте, так как с точки зрения предоставленных Римом полномочий, после смерти Митридата поход Помпея против Иудеи был незаконным, да и безосновательным. Иудейский историк Флавий не имел подобных оснований для искажения последовательности событий, вследствие чего его, отличное от Плутарха, сведение представляется нам более достоверным.

ний хотел сперва закончить свои упражнения, но воины начали кричать и так настоятельно требовали, чтобы он прочитал донесения, что он, соскочив с коня, отправился с ними в лагерь. В лагере не было готового возвышения для полководца и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дерна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стащили в одно место вьючные седла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа»³³⁸. Поздравив солдат с великой победой над врагом, в течение десятков лет воевавшим с Римом, Помпей, вероятно, напомнил им о необходимости завершить начатый поход на Иудею и только после этого спешить с возвращением домой. Утром следующего дня римские войска скорым маршем двинулись к Иерусалиму. Устрашенный их появлением, Аристовул явился к Помпею и стал задабривать его обещаниями о значительных денежных выплатах и беспрепятственном входе в Иерусалим в обмен на прекращение войны и решение вопроса по усмотрению римлянина. Помпей согласился простить Аристовула. В Иерусалим для получения денег во главе с Авлом Габинием был отряжен специальный отряд. Однако Габинию пришлось вернуться без денег, сторонники Аристовула даже не впустили его в город³³⁹.

Рассерженный Помпей арестовал Аристовула и сам двинулся на укрепленный город. Однако осада могла потребовать существенных жертв, чего успешно удавалось избегать после битвы с Митридатом в 66 г., при том, что официальная миссия на востоке была завершена. Пока Помпей «долгое время оставался в нерешительности» у стен Иерусалима, население города разделилось на две части: одна считала, что город необходимо сдать, тогда как другая – намеревалась дать бой. Последние заперлись в храме, а остальные впустили римское войско в город. Получив отказ от мирных переговоров, римляне окружили храм. Осада храма с высокими башнями и глубокими рвами была весьма трудной. Воспользовавшись религиозным запретом иудеям работать по субботним дням, римляне смогли беспрепятственно засыпать рвы, а затем с помощью таранов разрушить одну из башен, пробить брешь в стене и ворваться в храм. При взятии храма погибло до двенадцати тысяч иудеев. Несмотря на оказанное сопротивление, Помпей не тронул находившиеся в храме сокровища: золотую трапезу со светильником, жертвенные чаши и множество курений, а также около двух тысяч талантов³⁴⁰.

³³⁸ Plut. Pomp. 41.

³³⁹ Fl. Ios. Antt. 14. 4. 1; VJ. 1. 6. 6.

³⁴⁰ Fl. Ios. Antt. 14. 4. 2-5; VJ. 1. 7. 1-6.

По решению Помпея первосвященство было передано Гиркану, а Аристовул с двумя дочерьми и двумя сыновьями в качестве пленников отправлены в Рим. В дороге старшему сыну Аристовула, Александру, удалось бежать из плена. Иудея и Иерусалим стали данниками римлян и за короткое время собрали более десяти тысяч талантов³⁴¹. Земли, зависимые от иудеев, Помпей объединил в новую римскую провинцию Сирию.

После провала аграрного законопроекта Рулла стало ясно, что решить вопрос о наделении азиатских ветеранов земельными наделами можно будет только с помощью адекватного законопроекта, т.е. в нем, в отличие от предыдущего, все должно будет называться своими именами. В таком случае неминуемы параллели с аграрным законом, наделявшим землей ветеранов Мария, который был принят в условиях гражданского противостояния и кровопролития. При Марии вопрос был решен в рамках законодательной процедуры, однако без кровопролития обойтись не удалось. В 103 г. Сатурнин, в первый раз став народным трибуном, предпринял неудачную попытку предложить аграрный закон, по которому наделялись землей ветераны Мария. После этого Сатурнин и другой сторонник Мария Главций разворачивают движение, выступающее за увеличение роли народного собрания. В 101 г. они были избраны, соответственно, на должности претора и народного трибуна 100 г. Избранный на тот же год народный трибун Ноний, открыто критиковавший марианцев и способный заблокировать все их инициативы, был убит подосланной Сатурнином и Главцием толпой. Параллельно на этот же год Марий был избран консулом, уже шестой раз³⁴². Таким образом, марианцы установили власть над магистратурами. Сатурнин внес в народное собрание законопроект о наделении ветеранов Мария земельными участками в Африке, а также на отвоеванных у кимвров галльских землях (в Северной Италии). Отметим, что, осознавая беспрецедентность предпринимаемой аграрной реформы, сам Марий проявлял крайнюю неуверенность на публике: «честолюбие делало его робким на гражданском поприще, ропот толпы пугал его, присущие ему в битвах непоколебимость и стойкость покидали его в Народном собрании, и любой мог хвалой или хулой заставить его воспрянуть или пасть духом»³⁴³. Для придания большего статуса закону сенаторы обязываются в течение пяти дней после утверждения его народом принести клятву в исполнении законопроекта. Население Рима в большинстве отрицательно относится к законопроекту. В назначенный день для участия в голосовании в Рим были созваны ветераны, служившие под началом Мария. Несмотря на царившую на собрании атмосферу насилия и желание противников закона использовать все средства для

³⁴¹ Fl. Ios. Antt. 14. 4. 5.

³⁴² Plut. Mar. 28.

³⁴³ Plut. Mar. 28.

его блокирования, вплоть до услышанного во время собрания грома, закон утверждается. После чего Марий принудил сенаторов принести клятву повиноваться этому закону. Только Метелл, ярый противник Мария, отказался принести клятву и был изгнан из Рима. Казалось, дело сделано. Однако как только ветераны Мария покидают Рим, соотношение сил в городе меняется: хотя на выборах следующего года Сатурнин и сохраняет свой пост, Главций проигрывает консульские выборы противнику проведенных реформ Гаю Меммию. Сторонники Главция убивают Меммию. В ответ на это убийство сенат издает *senatus consultum ultimum* и поручает консулу этого года Марию арестовать заказчиков преступления. Сатурнин и Главций со своими сторонниками захватывают Капитолий, однако, осажденные солдатами Мария, в надежде на его покровительство сдаются. Вообще в этой ситуации Марий «делал все, чтобы их спасти, но ничем не мог помочь, и едва они спустились на форум, как их тотчас убили»³⁴⁴. Вот как Аппиан описывает их убийство: «Марий, в то время как все требовали немедленно же их казнить, заключил их в здании сената, чтобы как он говорил, расправиться с ними, придерживаясь закона. Но народ, считая все это уловкой, разобрал черепицу с крыши здания и бросал ее в сторонников Апулея [Сатурнина] до тех пор, пока не убили его самого, квестора, трибуна и претора, в то время когда все они еще были облечены знаками своей власти»³⁴⁵. Оставшиеся в живых сторонники Сатурнина изгоняются из Рима, а его законы отменяются после возвращения из изгнания Метелла в 99 г.

Теперь, спустя более чем 37 лет после тех событий, когда известно, что народный трибун Сатурнин, добившийся принятия аграрного закона для ветеранов Мария, был объявлен врагом отечества и убит, и когда аграрный законопроект Рулла потерпел фиаско, представлялось трудным внести в народное собрание сколько-нибудь перспективный законопроект, аналогичный внесенному трибуном-врагом отечества в 100 г., а с другой стороны – и подобрать трибуна, который согласился бы инициировать этот законопроект.

Поэтому, по поручению Цезаря, народный трибун 63 г. Тит Лабием по обвинению в государственной измене инициировал судебный процесс против престарелого Гая Рабирия³⁴⁶ – единственного оставшегося в живых соучастника убийства в 100 г. народного трибуна Сатурнина. По жребию судьями на процессе были назначены сам Юлий Цезарь³⁴⁷ и его родственник, консул 64 г. Луций Юлий Цезарь³⁴⁸, которые вместе с обвинителем попытались возродить почти отжившую процедуру суда за тягчайшие госу-

³⁴⁴ Plut. Mar. 30.

³⁴⁵ App. I. 32-33.

³⁴⁶ Suet. Caes. 12.

³⁴⁷ Suet. Caes. 12.

³⁴⁸ Doi. XXXVII. 27. 2.

дарственные преступления – *perduellio*³⁴⁹. Приговоренный ими к бичеванию и смертной казни через распятие на кресте³⁵⁰, Рабирий воспользовался правом обвиняемого на провокацию – апелляцией к центуриатским комициям. На новых слушаниях в защиту обвиняемого вызвались Квинт Гортензий и консул Цицерон. Последний заявил, что хотя Рабирий и не убивал Сатурнина, то даже если бы и совершил это убийство, его следовало бы не наказывать, а награждать, так как убит был человек, пошедший против государства³⁵¹. По свидетельству Диона Кассия, «Рабирий был бы также осужден, если бы не Метелл Целер, который был тогда авгуром и претором. Видя, что народ не обращает внимания на его увещевания и ничуть не смущен беззаконностью процесса, он еще до голосования отправился на Яникул и снял военное знамя, так что суд состояться не мог»³⁵² и центуриатские комиции были распущены. Учитывая, что подсудимый не был казнен, а процесс прекратился лишь по формальной причине, можно утверждать, что его инициаторы преследовали цель реабилитировать Сатурнина, решившего ветеранский вопрос с помощью народного собрания. Правовая оценка его убийства должна была подготовить почву для решения в будущем ветеранского вопроса путем вынесения его на обсуждение в комиции народными трибунами.

Еще в начале 63 г. умер верховный жрец Метелл. По инициативе Лабиена, поддерживаемого Цезарем, было восстановлено утраченное при Сулле право народа избирать жрецов³⁵³. На ставшую вакантной должность были объявлены выборы в народном собрании³⁵⁴. Два видных римлянина – Сервилий Исаврийский и Катул – выставили свои кандидатуры. Вслед за ними и Цезарь решил добиваться этой должности. Катон предложил ему крупную сумму денег за отказ от участия в выборах, но Цезарь ответил, что «будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще большую сумму взять в долг»³⁵⁵. Собственно, ради достижения сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости Цезарю и пришлось занять крупную сумму денег³⁵⁶. В день выборов, выходя рано утром из дома, уже в дверях Цезарь сказал своей матери: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником»³⁵⁷. Победа Цезаря была безоговорочной: «он настолько пересилил обоих своих опаснейших

³⁴⁹ Cic. Rab. 10-13, Suet. Caes. 12.

³⁵⁰ Cic. Rab. 10-13.

³⁵¹ Cic. Rab. 31.

³⁵² Dio. XXXVII. 27. 28.

³⁵³ Dio. XXXVI. 37. 1.

³⁵⁴ Plut. Caes. 7.

³⁵⁵ Plut. Caes. 7.

³⁵⁶ Suet. Caes. 13.

³⁵⁷ Plut. Caes. 7.

соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах он собрал больше голосов, чем оба они во всех вместе взятых»³⁵⁸.

Вскоре Помпей в поддержку своей партии в Риме отрядил из собственной ставки своего легата и шурина Метелла Непота, который должен был выставить свою кандидатуру на соискание должности народного трибуна 62 г. После долгого пути, когда до города оставалось совсем небольшое расстояние, шумной кавалькаде Метелла, состоявшей из толпы слуг с вьючными животными, нагруженными всевозможной утварью, повстречался Катон, который в сопровождении философов направлялся из Рима в свое поместье в Луканию, намереваясь провести там время в научных беседах и изысканиях³⁵⁹. Узнав, что Метелл Непот собирается домогаться должности народного трибуна, Катон остановился молча как вкопанный и спустя некоторое время приказал сопровождавшим его друзьям поворачивать назад. На их изумленные вопросы он заявил: «Разве вы не понимаете, что Метелл опасен уже и сам по себе – своим безрассудством, а теперь, вернувшись по замыслу и по желанию Помпея, он грозно обрушится на государство и все приведет в смятение? Нет, сейчас не время для путешествия и отдыха, нужно либо одолеть этого человека, либо погибнуть славною смертью в борьбе за свободу»³⁶⁰. Под влиянием друзей Катон все же добрался до своего поместья, но спустя несколько дней вернулся в Рим и на другое утро, появившись на форуме, выдвинул свою кандидатуру на должность народного трибуна – «чтобы в дальнейшем, имея власть, противостоять Метеллу и его планам». Следует отметить, что раньше многие влиятельные римляне неоднократно предлагали Катону баллотироваться в народные трибуны, но он всегда отказывался, так как «не считал разумным употреблять сопряженную с нею огромную власть в обычных обстоятельствах – ведь и сильное лекарство, говорил он, применяют лишь в случаях крайней необходимости»³⁶¹.

Лукулл, все еще втянутый в жестокую распрю с Гаем Меммием, до сих пор так и не был удостоен триумфа за свои победы над Митридатом и Тиграном. Теперь же, когда понтийский царь мертв, а война – завершена, Катон выступил против Меммия и после долгих публичных споров заставил того отказаться от суда и тяжбы³⁶². При поддержке наиболее влиятельных граждан, которым пришлось лично агитировать в трибах, приложив при этом много стараний и просьб, удалось, наконец, уговорить народ дать

³⁵⁸ Suet. Caes. 13.

³⁵⁹ Plut. Cato. Min. 20.

³⁶⁰ Plut. Cato. Min. 20.

³⁶¹ Plut. Cato. Min. 20.

³⁶² Plut. Cato. Min. 29.

согласие на триумф Лукулла³⁶³. Тогда народные трибуны Т. Лабий и Т. Амбий провели закон, согласно которому во время цирковых игр Помпею позволялось бы пользоваться золотой короной и всеми украшениями триумфатора, в театре – претекстой и золотой короной³⁶⁴. Плутарх, описывая состоявшийся в 63 г.³⁶⁵ триумф Лукулла, пишет, что: он «не был, как другие, рассчитан на то, чтобы удивить чернь протяженностью шествия и обилием проносимых в нем предметов. Зато Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя, и уже одно это зрелище было на редкость внушительным. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десятков серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата в шесть футов высотой, его щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух. Все это несли носильщики, а восемь мулов везли золотые лежа, еще пятьдесят шесть – серебро в слитках и еще сто семь – серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну, а сверх того – что каждому солдату выдано по девятьсот пятьдесят драхм. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел, которые римляне называют „виками” [vici]»³⁶⁶.

В июле 63 г. началась предвыборная компания на соискание консульства 62 г. Баллотировались знаменитый юрист Сервилий Сульпиций Руф, легат Лукулла в войне с Митридатом Люций Люциний Мурена и Деций Юний Силан. В очередной – четвертый – раз выставил свою кандидатуру на соискание консульских полномочий и Катилина. Параллельно он стал готовить заговор, на случай очередной неудачи. «Заговорщики были сперва не на шутку испуганы, но затем успокоились, ободрились и снова стали устраивать сборища, призывая друг друга смелее браться за дело, пока нет Помпея, который, как шел слух, уже пустился в обратный путь вместе с войском»³⁶⁷. Еще с прошлогоднего поражения Цицерону Катилина поручил Манлию подготовить к мятежу Этрурию и другие области Предальпийской Галлии³⁶⁸. Теперь усиленная агитация велась и среди сулланских ветера-

³⁶³ Plut. Luc. 37.

³⁶⁴ Vell. II. 40. 4.

³⁶⁵ Drumann. Geschichte Roms. IV. 176.

³⁶⁶ Plut. Luc. 37.

³⁶⁷ Plut. Cic. 14.

³⁶⁸ Plut. Cic. 10.

нов³⁶⁹, которым, очевидно, сулилось принятие той части законопроекта Рулла, которая касалась их прав на землю. Накануне выборов они, предводительствуемые Манлием, стали прибывать в Рим, намереваясь принять участие в голосовании и оказать Катилине решающую поддержку. В случае неудачного исхода выборов для Катилины планировалось поднять мятеж в Этрурии и спровоцировать в городе беспорядки, в ходе которых убить Цицерона.

Как мы полагаем, 19 октября, после обеда, привратник подал Марку Крассу, который после 65 г. отошел за кулисы публичной политики, доставленные неизвестным анонимные письма³⁷⁰. Адресатами их были разные сенаторы, и лишь одно из них предназначалось Крассу. Вскрыв его, он прочел, что Катилина готовит страшную резню. Автор письма настоятельно советовал Крассу срочно покинуть город. Красс сам мог написать письмо аналогичного содержания кому угодно, но... быть его получателем?.. было очевидно, что это провокация. Желая очистить себя от обвинений, которые и так падали на него из-за дружбы с Катилиной, в данной ситуации Красс решил действовать строго в рамках закона. Той же ночью в сопровождении самых влиятельных в Риме людей Марка Марцелла и Метелла Сципиона он явился с доставленными письмами домой к консулу – Цицерону³⁷¹.

По итогам встречи с ночными визитерами Цицерон утром следующего дня (20 октября) созвал сенат и раздал адресатам анонимные письма, содержание которых, как выяснилось, было идентичным³⁷². Опираясь на собственные источники среди заговорщиков, Цицерон сообщил о том, что 25 октября Гай Манлий должен поднять мятеж в Этрурии, а 28 – начаться резня в Риме³⁷³. На основании зачитанных писем и устного сообщения консула, сенат официальным постановлением признал, что волнения являются неоспоримым фактом³⁷⁴, и отменил выборы, которые должны были состояться на следующий день³⁷⁵. Для проведения расследования против зачинщиков волнений консулам были предоставлены чрезвычайные полномочия³⁷⁶, очевидно, до проведения отложенных на неопределенный срок выборов.

На следующий день (21 октября) Цицерон вызвал Катилину в сенат и потребовал от него сказать, что он сам думает о носящихся повсюду слухах о готовящемся заговоре³⁷⁷. В ответ Катилина поверг присутствующих в изумление загадочной для большинства фразой: «у государства есть два

³⁶⁹ Plut. Cic. 14; Sall. Cat. 16. 4; 28. 4.

³⁷⁰ Plut. Cic. 15.

³⁷¹ Dio. XXXVI. 31. 1; Plut. Cic. 15.

³⁷² Plut. Cic. 15.

³⁷³ Cic. Cat. I. 7.

³⁷⁴ Dio. XXXVI. 31. 1.

³⁷⁵ Cic. Mur. 51.

³⁷⁶ Drumann. Geschichte Roms. V. 473-474.

³⁷⁷ Cic. Mur. 51; Plut. Cic. 14.

тела: одно – слабосильное, с некрепкой головой, другое – крепкое, но без головы; это последнее, если пойдет ему навстречу, не будет нуждаться в голове, пока он жив»³⁷⁸. Растерянные сенаторы позволили Катилине с ликующим видом покинуть заседание³⁷⁹.

После отмены выборов сулланские ветераны, прибывшие специально, чтобы своим участием в голосовании предопределить победу Катилины, вынуждены были покинуть Рим и вернуться обратно в свои дома в италийских областях. Полагаем, дату голосования (предположительно 28 октября) Цицерон установил, как только стало очевидным, что город покинула существенная часть электората Катилины. В этот день по приказу наделенного чрезвычайными полномочиями Цицерона Марсово поле, на котором должно было состояться голосование, было оцеплено вооруженной стражей. Сам консул, облаченный, вопреки правилам и обычаям, в доспехи и латы, явился на выборы в окружении влиятельных граждан и целой толпы молодых людей. Умышленно спустив с плеч тунику, он выставил напоказ свой панцирь, подчеркивая таким образом грозившую ему опасность³⁸⁰. После подсчета голосов победителями были объявлены Силан и Мурена: Катилина снова потерпел поражение³⁸¹.

Ничего другого, как готовиться «начать войну и прибегнуть к крайним мерам, так как его тайные попытки окончились позорным провалом»³⁸², Катилине не оставалось, поскольку откладывать возвращение Помпея больше не представлялось возможным. Некоторые участники заговора были посланы в италийские регионы, чтобы подготовить восстание, в том числе Гай Манлий – в Фезулы, некий камеринец Септимия – в Пиценскую область, Гай Юлий – в Апулию³⁸³. В самом Риме Катилина «замышлял покушения на консулов, готовил поджоги, занимал с вооруженными людьми удобные места, сам ходил с мечом и то же другим приказывал, велел им быть всегда настороже и наготове, днем и ночью торопился, бодрствовал, но ни от недосыпания, ни от трудов не уставал»³⁸⁴.

Между тем, ситуацию с выборами консулов окончательно запутало то обстоятельство, что сразу после оглашения результатов Сульпиций при поддержке Катона привлек избранного консула Мурену к суду по обвинению его в подкупе избирателей. Защищать Мурену вызвался сам Цицерон,

³⁷⁸ Cic. Mur. 51. По Плутарху фраза звучала следующим образом: «Что плохого или ужасного в моих действиях, – сказал он, – если, видя перед собою два тела – одно тощее и совсем зачашшее, но с головою, а другое безголовое, но могучее и огромное, – я приставляю второму голову?» Plut. Cic. 14.

³⁷⁹ Cic. Mur. 51.

³⁸⁰ Plut. Cic. 14.

³⁸¹ Plut. Cic. 14.

³⁸² Sall. Cat. 26. 5.

³⁸³ Sall. Cat. 27. 1.

³⁸⁴ Sall. Cat. 27. 2.

а впоследствии Квинт Гортензий и Марк Красс. Теперь, с одной стороны, был Катилина, не согласный с итогами голосования и собиравшийся поднять мятеж, с другой – его противники, которые также оспаривали результаты выборов в суде, т.е. обе фактически противоборствующие стороны ратовали за то, чтобы объявить выборы недействительными. Если суд признает факт подкупа, то, в случае, если голоса, поданные за Мурену, признают недействительными, избранным консулом станет занявший третье место на выборах Катилина, в случае же, если результаты выборов будут, как в 66 г., вообще кассированы, то на новых выборах Катилина получит очередной шанс для избрания в консулы. Но скорее всего состоявшийся во второй половине ноября процесс, на котором защищавший обвиняемого Цицерон без конца шутил и подтрунивал над стоическими философами и над их так называемыми «странными суждениями», судьи смеялись, а обвинитель Катон, улыбнувшись краешком губ, приговаривал: «Какой шутник у нас консул, господа римляне», и который завершился оправданием Мурены³⁸⁵, был инициирован с целью спутать планы заговорщиков.

Пока же время шло, а в самом Риме заговорщики, при том, что они обладали достаточными силами и средствами, ничего конкретного не предпринимали. Улицы города за эти дни опустели в тревожном ожидании. Катилина, сохраняя хладнокровие, продолжал оставаться в Риме. Очевидно, после того как ситуация приняла окончательно запутанный характер, заговорщики пребывали в ожидании поручений от Помпея, с которым необходимо было согласовывать свои действия. Чтобы несколько разрядить обстановку в городе, Луций Павел, старший сын мятежного консула 78 г. Лепида, привлек Катилину к суду на основании Плавциева закона о политических волнениях³⁸⁶. В ответ на предъявленные обвинения Катилина изъявил полную готовность подвергнуться домашнему аресту и жить в доме у Манния Лепида³⁸⁷. Получив от последнего отказ, он явился с аналогичным предложением домой к Цицерону, на что тот ответил: «я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах»³⁸⁸. В результате Катилина поселился у некоего Марка Марцеллы, где и отбывал свой добровольный арест³⁸⁹. Своим поведением Катилина ставил Цицерона в трудное положение, так как у того не было прямых доказательств против главаря заговорщиков.

Однако бездействие Катилины и его сторонников, связанное с ожиданием посланника от Помпея, не могло быть столь долгим без вреда их пла-

³⁸⁵ Plit. Cato. min. XXI.

³⁸⁶ Sall. Cat. 30. 7.

³⁸⁷ Cic. Cat. I. 19.

³⁸⁸ Cic. Cat. I. 19.

³⁸⁹ Dio. XXXVI. 32. 2.

нам. Главным побудительным мотивом поддержки мятежа для его рядовых участников должно было стать недопущение Катилины к должности консула. В таком случае, если выборы состоялись 28 октября, трудно будет объяснить, почему Катилина бездействовал целый месяц и призвал к мятежу лишь в начале декабря. Поэтому уже в конце октября Гай Манлий стал осторожно подталкивать сулланских ветеранов в Этрурии к открытому мятежу. В ночь на 1 ноября другой отряд мятежников должен был беспрепятственно занять Пренесту, город в 24 милях к юго-востоку от Рима. Но по приказанию Цицерона, который заранее узнал об этом, город был обеспечен «войсками, охраной, ночными дозорами»³⁹⁰. После этой неудачи стало очевидно, что Катилина лично должен возглавить мятежников, т.е. не отсиживаться, как могло быть воспринято, в Риме. Без его деятельного участия ситуация грозила принять неконтролируемый для заговорщиков характер.

Таким образом, ситуация менялась динамично, что делало невозможным адекватное влияние Помпея на нее. Поэтому, прежде чем Катилина покинет Рим, решено было на месте составить с учетом сложившейся новой ситуации детальный план действий и придерживаться его до тех пор, пока Помпей не одобрит его. Мы предполагаем, что составленный в первых числах ноября план действий был следующим: 1) Катилина поднимет в областях Италии, а его сторонники – в Риме мятеж, в ходе которого должны быть уничтожены политические противники помпеянцев, препятствовавшие принятию законопроекта Рулла, а дети Помпея – похищены в качестве заложников³⁹¹, после чего заговорщики должны будут покинуть Рим и прорываться к Катилине; затем, 2) народный трибун Л. Бестия, а, скорее всего, сам Метелл Непот, в условиях, когда политические противники Помпея в Риме будут уничтожены, а заговорщики покинут город, ради спасения отечества иницируют обращение к Помпею с призывом навести порядок в Риме и наделение его диктаторскими полномочиями, поддержку которого, в том числе сенатом, должен обеспечить второй, «спасшийся», консул Гай Антоний; и, наконец, 3) узнав об этом заговорщики по прибытии Помпея с войсками в Италию прекращают сопротивление и, под видом обмена на жизнь взятых в заложники детей Помпея, удаляются в изгнание. В результате Помпей, наряду с благодарностью сограждан за спасение отечества, получит диктаторские полномочия, которые позволят наконец-таки приступить к решению аграрного вопроса для азиатских ветеранов, причем в условиях отсутствия всякой оппозиции.

Датой начала мятежа Катилины решено было избрать 17 декабря, праздник Сатурналий, т.е. мятеж должен был произойти после вступления 10 декабря в должность народных трибунов, избранных на 62 г., и до

³⁹⁰ Cic. Cat. I. 8.

³⁹¹ Plut. Cic. 18.

вступления в должность избранных на 62 г. консулов, т.е. до 1 января 63 г. Кроме того, необходимо было учитывать, что с принятым планом необходимо было ознакомить Помпея и получить от него одобрение, а в случае если выяснится, что Помпей внес принципиальные изменения в план действий, то еще некоторое время потребуется, чтобы подтвердить полководцу получение его сообщения. Полагаем*, лично сообщить Помпею особо конфиденциальную информацию о принятых заговорщиками решениях, касающуюся в том числе и членов семьи полководца, было поручено Метеллу Непоту, избранному трибуном 62 г. – человеку, пользующемуся исключительным доверием Помпея. Метелл должен был отправиться к нему в Сирию и успеть вернуться в Рим к 10 декабря, дате вступления народных трибунов в должность. Прежде чем отправиться в путь, он, полагаем, решил дождаться, пока Катилина перед отъездом из Рима сообщит о первой части плана нижестоящим руководителям заговора, а также результатов их действий против Цицерона. Тайная встреча состоялась в ночь с 6 на 7 ноября в доме Марка Порция Леки. Катилина произнес зажигательную речь, в которой провозгласил, что «никто не может быть преданным защитником обездоленных людей, кроме того, кто обездолен сам; что посулам благоденствующих и богатых людей пострадавшие и обездоленные верить не должны; поэтому пусть те, которые хотят возместить себе растратенное и вернуть себе отнятое у них, взглянут, как велики его долги, каково его имущество, какова его отвага; бесстрашным и неимущим должен быть тот, кто станет вождем и знаменосцем неимущих»³⁹². Ознакомив собравшихся с касавшимся их планом действий, Катилина заявил, что прежде чем выехать в Этрурию к войску, он считает необходимым в первую очередь убрать Цицерона, «поскольку он всячески мешает осуществлению его планов»³⁹³. Гней Корнелий, римский всадник, и сенатор Луций Варгунтей вызвались осуществить расправу над Цицероном. Они намеревались на следующее утро явиться в дом к консулу на традиционное приветствие с вооруженными людьми и там же заколоть его.

Участвовавший в заседании Квинт Курий, завербованный ранее Цицероном, через Фульвию сообщил консулу о готовящемся покушении³⁹⁴. Поэтому, когда Корнелий и Варгунтей в сопровождении нескольких людей прибыли на порог дома Цицерона, их уже ожидала стража, отказавшая впустить их внутрь³⁹⁵. В тот же день Цицерон оповестил сенаторов о созыве на следующий день в храме Юпитера Статора экстренного заседания.

* Об основаниях для этого предположения речь пойдет ниже.

³⁹² Cic. Mur. 50.

³⁹³ Sall. Cat. 27. 3-4.

³⁹⁴ Plut. Cic. 16; Sall. Cat. 28. 2.

³⁹⁵ Sall. Cat. 28. 1-3.

Слухи о встрече заговорщиков распространились по всему Риму. Обстановка в городе накалилась до предела.

На заседание сената 8 ноября прибыл и сам Катилина. Сенаторы старательно сторонились его. Цицерон прямо спросил у него, «участвовал ли он в ночном сбире, в доме у Марка Леки или не участвовал?»³⁹⁶ Катилина в ответ промолчал. Тогда консул произнес Первую речь против Катилины, которую начал знаменитыми: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? О, времена! О, нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно готовишь»³⁹⁷.

Оратор сообщил все, что известно ему о плане заговорщиков: «Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позавчерашней ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков – буду говорить напрямик – в дом Марка Леки; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. [...] Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты все же

³⁹⁶ Cic. Cat. II. 13.

³⁹⁷ Cic. Cat. I. 1-2.

еще не надолго задержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели. Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход – и притом именно в это время – я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам»³⁹⁸.

Сведения, излагаемые оратором, хотя и производили впечатление на слушателей, все же были голословными, так как никто не решился бы их подтвердить, поэтому консул не мог ничего предпринять против Катилины конкретного. В этой ситуации Цицерон придумал блестящий, с точки зрения ситуации, в которой он находился, ход. Он заявил: «Ты [Катилина] избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной»³⁹⁹. Главной идеей всего выступления стал призыв к Катилине... добровольно покинуть Рим и присоединиться к мятежникам в областях Италии: «...коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловредные подонки государства в лице твоих приверженцев. Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня – неужели изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить»⁴⁰⁰. Учитывая, что Катилина в любом случае планировал покинуть Рим, его отъезд теперь должен был выглядеть так, будто это Цицерон заставил его, словно преступника, удалиться в изгнание.

Упреждая вопросы, «Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере – зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим?»⁴⁰¹, Цицерон обосновывал свою позицию: «в случае, если бы я Катилину покарал, – назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь я полагаю, что

³⁹⁸ Cic. Cat. I. 8-10.

³⁹⁹ Cic. Cat. I. 10.

⁴⁰⁰ Cic. Cat. I. 12-13.

⁴⁰¹ Cic. Cat. I. 27.

если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто – столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол»⁴⁰².

После того, как Цицерон завершил свою речь, Катилина «начал, опустив глаза, жалобным голосом просить отцов сенаторов не верить опрометчиво ничему из того, что говорят о нем: он-де вышел из такой ветви рода, смолоду избрал для себя такой путь в жизни, что от него можно ожидать только добра; пусть они не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу, нужно губить государство, когда его спасает какой-то Марк Туллий, гражданин, не имеющий собственного дома в Риме»⁴⁰³. Речь Катилины вызвала возмущение среди сенаторов. Катон ему пригрозил привлечением к суду⁴⁰⁴. Взбешенный Катилина в ответ бросил: «Так как недруги, окружив, преследуют меня и хотят столкнуть в пропасть, то пожар, грозящий мне, я потушу под развалинами»⁴⁰⁵. После этого он бегом покинул курию.

Между тем сенатор Луций Сенний зачитал в сенате присланное ему из Фезул другое письмо, сообщавшее, что еще 27 октября в Этрурии поднят мятеж, который возглавил Гай Манлий⁴⁰⁶. Бывший претор Квинт Аррий подтвердил это известие, ссылаясь на собственные источники, добавив, что мятежники пока ничего не предпринимают, каждый миг ожидая новостей из Рима⁴⁰⁷. В городе распространялись слухи «об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов»⁴⁰⁸. По постановлению сената в Фезулы был послан консул 68 г. Квинт Марций Рекс, а в Апулию и прилегающие области – Квинт Метелл Критский, которые, вернувшись с войны с пиратами, до сих пор находились под Римом в ожидании триумфа. В Капую и Пиценскую область были отправлены преторы, соответственно, Квинт Помпей Руф и Квинт Цецилий Метелл Целер. Им было предоставлено право в зависимости от ситуации производить набор войск. Кроме этого сенат объявил о награде за донесение на

⁴⁰² Cic. Cat. I. 30.

⁴⁰³ Sall. Cat. 31. 7.

⁴⁰⁴ Cic. Mur. 51.

⁴⁰⁵ Cic. Mur. 51; Sall. Cat. 31. 8.

⁴⁰⁶ Sall. Cat. 30. 1.

⁴⁰⁷ Plut. Cic. 15.

⁴⁰⁸ Sall. Cat. 30. 2.

заговорщиков: рабу обещалась свобода и сто тысяч сестерциев, а свободному – безнаказанность и двести тысяч сестерциев⁴⁰⁹. Помня о восстании Спартака, было решено разместить отряды гладиаторов по различным городам⁴¹⁰.

Заговорщики, обсудив вечером события дня, решили, что руководство заговором в Риме должен принять претор Публий Корнелий Лентул, а Катилина все же покинет город. Согласно новому плану⁴¹¹, сигналом к началу активных действий заговорщиков в Риме должно было стать появление Катилины с войском в Фезульской области. После этого избранный народный трибун на созванном народном собрании должен был осудить деятельность Цицерона и обвинить его в развязывании гражданской войны. На следующий день отдельные группы заговорщиков должны были приступить к выполнению своих заданий: Статилий и Габиний с большим отрядом одновременно поджечь Рим в двенадцати местах, чтобы вызвать панику в городе и облегчить казни указанных людей; Цетег – осадить в доме Цицерона и убить консула; каждый убьет указанного ему человека. После выполнения задания группы заговорщиков должны были покинуть город и прибыть к Катилине.

Покинув ночью Рим, Катилина направился к некоему Гаю Фламинию в Арретинской области. Будучи в пути, он написал письма многим знатным римлянам, сообщая, что «он, хотя на него и возвели ложные обвинения, склоняется перед Фортуной, не будучи в силах дать отпор своре недругов, и удаляется в изгнание в Массилию – не потому, что признается в столь тяжком преступлении, но дабы в государстве наступило успокоение и его борьба не привела к мятежу»⁴¹².

В целом, как признает сам Цицерон в произнесенной 9 ноября перед народом Второй речи против Катилины: «до сего времени не случилось ничего, что не совпало бы с его [Катилины] желанием и замыслами, – кроме того, что он уехал из Рима, оставив меня живым»⁴¹³. Точно так же оратор вынужден был признать, что «[оставшиеся в Риме заговорщики] хотя и понимают, что я знаю их помыслы, все же ничуть этим не обеспокоены»⁴¹⁴. Действительно, пока у Цицерона нет неопровержимых доказательств заговора, для его участников не было оснований для беспокойства.

Пока же Цицерон во второй речи объявил: «Той цели, какую я себе поставил, я уже достиг; вы все видите, что заговор против государства уст-

⁴⁰⁹ Sall. Cat. 30. 6.

⁴¹⁰ Sall. Cat. 30. 7.

⁴¹¹ Sall. Cat. 43. 1-2.

⁴¹² Sall. Cat. 34. 2.

⁴¹³ Cic. Cat. II. 16.

⁴¹⁴ Cic. Cat. II. 5.

роен открыто»⁴¹⁵. Сообщников Катилины в Риме оратор предупредил, чтобы «пусть они либо удалятся из Рима, либо сидят смиренно, либо – если они останутся в Риме, но от своих намерений не откажутся – пусть ожидают того, чего заслуживают»⁴¹⁶.

Считая, что ему удастся одержать верх над заговорщиками, Цицерон уже представлял себя в роли спасителя отечества: «Если мое консульство, не будучи в состоянии их исправить, их уничтожит, оно укрепит государство не на какой-нибудь краткий срок, а на многие века. Ведь нет народа, которого бы мы боялись, нет царя, который бы мог объявить войну римскому народу; за рубежом, на суше и на море, все умиротворено мужеством, одного человека; остается междоусобная война, внутри государства строятся козни, изнутри нам грозит опасность, внутри находится враг. С развращенностью, с безрассудством, с преступностью должны мы вести борьбу, и полководцем в этой войне обязуюсь быть я, квинтиты! Вражду этих пропащих людей я принимаю на себя; что поддастся исправлению, буду лечить, чем только смогу; а что надо будет отсечь, того я не оставлю на погибель государству»⁴¹⁷.

Следует отметить, что хотя Цицерон и полагал, что заранее посланный им в Галльскую и Пиценскую области претор Квинт Метелл Целер «либо разобьет Катилину, либо воспрепятствует передвижению его сил и его действиям»⁴¹⁸, тот за все время противостояния каких-либо военных операций против заговорщиков, кроме блокирования пути в сторону Альп, не предпримет.

После выборов на первой же народной сходке, созванной в середине ноября 63 г., по характеристике Цицерона⁴¹⁹, «раздался угрожающий голос избранного народного трибуна» Метелла Непота, содержание речи которого не сохранилось. Полагаем, вечером того же дня Метелл Непот, «внезапно покинув должность народного трибуна, отплыл к Помпею в Сирию»⁴²⁰, очевидно, с докладом о новом плане действий заговорщиков и сложившейся ситуации в Риме.

На следующий день состоялись судебные слушания по делу избранного консула 62 г. Мурены, обвиненного Сульпицием в подкупе избирателей. Субскриптором выступал в процессе Катон, который, между прочим, доказывал, что римляне «в течение всей той памятной нам войны против Митридата [на которой Мурена был легатом Лукулла] сражались с бабенка-

⁴¹⁵ Cic. Cat. II. 6.

⁴¹⁶ Cic. Cat. II. 11.

⁴¹⁷ Cic. Cat. II. 11.

⁴¹⁸ Cic. Cat. II. 26.

⁴¹⁹ Cic. Mur. 81. Речь в защиту Луция Лициния Мурены [В суде, вторая половина ноября 63 г.]

⁴²⁰ Plut. Cic. 26.

ми»⁴²¹. Из числа защитников обвиняемого Цицерон выступал третьим, после Квинта Гортензия и Лициния Красса. Обратим внимание на мотивы участия консула в процессе, связанные с заговором Катилины: «мне внушает страх не столько войско Луция Катилины, сколько те, которые, как говорят, его войско покинули. Нет, они его вовсе не покинули; они были оставлены Катилиной на сторожевых башнях и в засадах, чтобы угрожать нам ударом в голову и в шею. Именно они и хотят, чтобы неподкупный консул и доблестный император, которого и его характер, и сама судьба предназначили для служения делу благополучия государства, был, вашим голосованием, от защиты Рима отстранен и лишен возможности охранять граждан. Их оружие, их натиск я отбил на поле, сломил на форуме, не раз одолевал даже в своем доме, судьи! Если вы выдадите им одного из консулов, то они, голосованием вашим, достигнут большего, чем своими мечами. Очень важно, судьи, чтобы – как я, несмотря на противодействие многих, этого и добился – в январские календы в государстве консулов было двое [...] напоминаю вам, судьи: мое консульство уже приходит к концу. Не отнимайте у меня человека, столь же бдительного, способного меня заменить, не устраняйте того, кому я желаю передать государство невредимым, дабы он защищал его от этих столь грозных опасностей. А чем усугубляются эти несчастья? Неужели вы этого не видите, судьи? К тебе, к тебе, Катон, обращаюсь я. Разве ты не видишь, какая буря угрожает нам в год твоего трибуната? Ведь уже на вчерашней сходке раздался угрожающий голос избранного народного трибуна, твоего коллеги [Метелла Непота], против которого меры предосторожности благоразумно приняты тобой и всеми честными гражданами, призвавшими тебя к соисканию трибуната. Замыслы, зародившиеся в течение последних трех лет, – с того времени, когда Луций Катилина и Гней Писон, как вы знаете, задумали убить сенаторов, – эти замыслы в эти дни, в эти месяцы, в это время готовы к осуществлению. [...] Они [заговорщики] не боятся, что будет решено доизбрать нового консула. Они понимают, что это будет во власти твоих коллег, и надеются, что Децим Силан, прославленный муж, оставшись без коллеги, ты, оставшись без консула, а государство, оставшись без защиты, попадут в их руки»⁴²².

До конца ноября заговорщики никаких открытых действий не предпринимали. Их словесный разоблачитель, к обвинениям которого уже относились недоверчиво, день и ночь наблюдал за ними, «чтобы выследить их и раскрыть их действия и замыслы и чтобы [...] захватить преступников с поличным»⁴²³.

⁴²¹ Cic. Mur. 31.

⁴²² Cic. Mur. 79-82.

⁴²³ Cic. Cat. III. 4.

Лентул, возглавивший заговорщиков в Риме, решил попробовать расширить поддержку с помощью аллоброгов, одного из галльских племен, послы которых 1 декабря прибыли в Рим с жалобой на откупщиков и желанием уладить вопросы с долгами их провинции⁴²⁴. К посредничеству в переговорах заговорщиков с послами был привлечен вольноотпущенник Публий Умбрен, который вел дела в Галлии и имел хорошие связи с галльскими вождями.

В тот же день в город пришло известие, что Катилина, проведя некоторое время в Арретинской области, самовольно принял на себя знаки консульской власти и появился в лагере Манлия⁴²⁵. Как только эти сообщения получили подтверждение, сенат сразу же: объявил Катилину и Манлия врагами отечества; другим участникам мятежа, за исключением осужденных за уголовные деяния, предлагалось в течение назначенного срока безнаказанно сложить оружие; консулам приказал произвести набор, часть которого Гай Антоний должен был срочно повести против Катилины, а с оставшейся Цицерон – защищать Город⁴²⁶. Однако «несмотря на два постановления сената, ни один из множества сообщников не выдал заговора, соблазнившись наградой, и ни один не покинул лагеря Катилины»⁴²⁷. Вместе с тем, среди заговорщиков в Риме начались разногласия. Цетег считал, что необходимо выступить сейчас же, не дожидаясь, пока Катилина появится в Фезульской области⁴²⁸, так как сенат уже санкционировал подавление мятежа. Однако Лентул и другие главари категорически отказались предпринимать несогласованные с Катилиной действия⁴²⁹.

Вечером 1 декабря Лентул встретился с послами в доме Децима Брута. Аллоброгам было предложено в обмен на списание долгов поддержать вооруженный мятеж. Чтобы убедить послов в серьезности намерений заговорщиков, на встречу был приглашен Габиний и названы имена других руководителей⁴³⁰. Дав предварительное согласие, послы покинули встречу, но, пребывая в сомнении по поводу услышанного (с одной стороны, были долги, их воинственность, большая награда в случае победы; с другой – превосходство в силах, отсутствие риска, вместо неверной надежды верное вознаграждение сената⁴³¹), затем направились посоветоваться к своему патрону Квинту Фабию Санге. Тот немедленно доложил о переговорах заговорщиков с послами аллоброгов Цицерону, бдения которого, наконец, на-

⁴²⁴ Plut. Cic. 18.

⁴²⁵ Sall. Cat. 36. 1.

⁴²⁶ Sall. Cat. 36. 2-3.

⁴²⁷ Sall. Cat. 36. 5.

⁴²⁸ Sall. Cat. 43. 3-4.

⁴²⁹ Cic. Cat. III. 10.

⁴³⁰ Sall. Cat. 40.

⁴³¹ Sall. Cat. 41. 2.

чали приносить результат. Консул поручил послам принять предложение Лентула, но попытаться получить от него запечатанные письма с клятвенными обязательствами для своих вождей, иначе-де трудно будет склонить их к столь важному делу⁴³².

На следующей встрече с послами аллоброгов, состоявшейся 2 декабря, из руководителей заговора участвовали Лентул, Габиний, Цетег, Статилий и Кассий. Ничего не подозревая, каждый из них по просьбе послов написал от своего имени письменные обращения к вождям аллоброгов, скрепив затем именной печатью. Титу Вольтурцию из Кротоны, который должен был сперва отвести послов в Этрурию в лагерь мятежников, Лентул поручил доставить письмо к Катилине следующего содержания: «Кто я, узнаешь от того, кого к тебе посылаю. Подумай, какая опасность нависла над тобой, и помни, что ты мужчина. Сообрази, чего требуют твои интересы; ищи помощи у всех, даже у людей самых ничтожных»⁴³³, а на словах добавить: «Раз сенат объявил Катилину врагом, то какие у него основания отвергать помощь рабов? В Городе все подготовлено, как он приказал; пусть не медлит с походом на Рим»⁴³⁴.

В ночь со 2 на 3 декабря послы собирались покинуть Рим. Предупрежденный Цицерон⁴³⁵ поручил преторам Луцию Валерию Флакку и Гаю Помпину устроить засаду на Мульвиевом мосту. Как только послы дошли до середины моста, они оказались заблокированы с обеих сторон. Только Вольтурций попытался оказать сопротивление, но, быстро поняв бесполезность этого, вынужденно сдался преторам⁴³⁶. Как только гонец сообщил, что задержание посольства прошло успешно, Цицерон приказал вызвать к нему Лентула, Цетегу, Статилия и Габиния. Утром 3 декабря все задержанные были доставлены в храм богини Согласия на чрезвычайное заседание сената.

Первым на допрос был вызван Вольтурций. Получив по решению сената гарантию личной неприкосновенности, он чистосердечно признался в том, что «получил от Публия Лентула письма и устное поручение к Катилине: Катилина должен прибегнуть к помощи рабов и возможно скорее двинуться с войском на Рим; последнее – с тем, чтобы, после того как они подожгут город со всех сторон, как это было заранее указано каждому, и перебьют бесчисленное множество граждан, он оказался на месте и мог перехватывать беглецов и соединиться с вожаками, оставшимися в городе»⁴³⁷.

⁴³² Sall. Cat. 41. 4; 44. 1.

⁴³³ Sall. Cat. 44. 5.

⁴³⁴ Sall. Cat. 44. 6.

⁴³⁵ Cic. Cat. III. 4.

⁴³⁶ Sall. Cat. 45.

⁴³⁷ Cic. Cat. III. 8.

Послы аллоброгов дали показания против Лентула, Цетега, Статилия и Кассия⁴³⁸.

Затем по очереди были вызваны задержанные главари заговора, которым предъявлялись скрепленные их именными печатями письма к вождям аллоброгов. После того, как тем не оставалось ничего иного, как признать собственные печати и подписи, письма вскрывались и содержание их оглашались. Текст всех писем, впрочем, был идентичным: авторы сообщали получателям, что сделают то, в чем они ранее заверили послов, а также просят, чтобы и вожди аллоброгов выполнили обязательства, данные авторам писем их послами⁴³⁹.

Заговор, таким образом, был полностью раскрыт. По решению сената Лентул был лишен звания претора и вместе с остальными задержанными отдан на поруки: Лентула передали эдилу Публию Лентулу Спинтеру, Цетега – Квинту Корнифицию, Статилия – Гаю Цезарю, Габиния – Марку Крассу, а Цепария, задержанного и доставленного в Рим, – сенатору Гнею Теренцию⁴⁴⁰. В самых лестных выражениях сенаторы выразили благодарность Цицерону за спасение отечества, констатируя, что тот своим мужеством и бдительностью раскрыл заговор преступников. Кроме того, сенат назначил от имени Цицерона благодарственное молебствие: впервые подобной чести удостоивался гражданский чиновник⁴⁴¹.

Вечером 3 декабря ликующий Цицерон держал речь перед народом. Рассказав об обстоятельствах раскрытия заговора и ходе заседания сената, Цицерон открыл кампанию безудержного самовосхваления, вплоть до того, что поставил себя вровень с... Помпеем: «За эти столь великие деяния, квириды, ни награды за мужество, ни знаков почета, ни памятника в честь моих заслуг не требую я от вас. Нет, пусть этот день будет для вас памятным навеки. Я хочу, чтобы в сердцах ваших были запечатлены и сохранились все мои триумфы, все мои почетные награды, памятники славы и знаки моих заслуг. Никакой немой, никакой безмолвный памятник не пораждает меня и ничто из того, чего могут добиться даже люди, менее достойные. В памяти вашей, квириды, будут жить мои деяния, в речах ваших расти, в памятниках слова приобретут долговечную славу. Я думаю, судьбой назначен один и тот же срок, который, надеюсь, продлится вечно, – и для благоденствия Рима и для памяти о моем консульстве, когда в нашем государстве одновременно оказалось двое граждан, один из которых провел границы нашей державы не по земле, а по небу, а другой спас оплот и средоточие этой державы»⁴⁴².

⁴³⁸ Cic. Cat. III. 9.

⁴³⁹ Cic. Cat. III. 10.

⁴⁴⁰ Sall. Cat. 47. 3-4.

⁴⁴¹ Cic. Cat. IV. 5.

⁴⁴² Cic. Cat. III. 26.

На следующий день сенат распорядился щедро наградить послов аллоброгов и Тита Вольтурция⁴⁴³. Квинт Катул и Гай Писон попытались склонить Цицерона к тому, чтобы через аллоброгов или другого доносчика выдвинуть обвинение в связях с заговорщиками против Гая Цезаря, но консул отказался от этого⁴⁴⁴. Зато... вниманию сенаторов был представлен некто Луций Тарквиний, который был арестован по пути к Катилине. Получив гарантии личной неприкосновенности, он согласился дать показания против заговорщиков. Вначале он подтвердил показания Вольтурция, а затем сообщил, что прошедшей ночью... Марк Красс послал его сообщить Катилине: «пусть арест Лентула, Цетега и других заговорщиков не страшит его и пусть он тем более поторопится с наступлением на Город, дабы поднять дух остальных заговорщиков и избавить задержанных от опасности»⁴⁴⁵. Как только было произнесено имя Красса, человека знатного, необычайно богатого и весьма могущественного, весь сенат от неожиданности услышанного пришел в смятение. Красс был в растерянности. Но тут его многочисленные сторонники среди сенаторов перебили свидетеля и стали кричать, что показания эти ложны, и потребовали, чтобы об этом было доложено сенату. За Красса вступился и сам Цицерон⁴⁴⁶. По его запросу сенат в полном составе объявил, что показания Тарквиния заведомо ложны, и что его самого надлежит держать в оковах и не позволять ему давать показания, если он не сообщит, по чьему наущению он так солгал в столь важном деле⁴⁴⁷.

В течение дня по городу распространились слухи, что вольноотпущенники и клиенты Лентула готовятся силой освободить задержанных заговорщиков⁴⁴⁸. Цицерон немедленно расставил по городу стражу и созвал на следующий день сенат для обсуждения единственного вопроса: «как следует поступить с теми, кто был отдан на поруки»⁴⁴⁹.

Открыв 5 декабря заседание сената, Цицерон согласно протоколу первым предоставил слово избранному консулу Дециму Юнию Силану, который однозначно высказался за применение высшей меры наказания (*extremum supplicium*) к задержанным, а также Луцию Кассию, Публию Фурию, Публию Умбрене и Квинту Аннию⁴⁵⁰. Последующие ораторы также высказывались в поддержку смертной казни, до тех пор, пока слово, в порядке очереди, не было предоставлено понтифику Цезарю, избранному также претором 62 г.

⁴⁴³ Cic. Cat. IV. 5.

⁴⁴⁴ Sall. Cat. 49. 1.

⁴⁴⁵ Sall. Cat. 48. 4.

⁴⁴⁶ Cic. Att. I. 14. 3. Рим, 13 февраля 61 г.; Cic. Phil. II. 12.

⁴⁴⁷ Sall. Cat. 48. 6.

⁴⁴⁸ Dio. XXXVI. 35. 3; Sall. Cat. 50. 1.

⁴⁴⁹ Sall. Cat. 50. 3.

⁴⁵⁰ Sall. Cat. 50. 4.

Свою убедительную речь Цезарь начал с примеров, когда предки римлян, одерживая победы над самыми жестокими и коварными врагами, никогда не поступали по отношению к ним с взаимностью: «они думали больше о том, что достойно их, чем о том, как они могут по справедливости покарать»⁴⁵¹. Поэтому «преступление Публия Лентула и других не должно в ваших [сенаторов] глазах значить больше, чем забота о вашем высоком авторитете, и вы не должны руководствоваться чувством гнева больше, чем заботой о своем добром имени. Итак, если можно найти кару, соответствующую их преступлениям, то я готов одобрить это беспримерное предложение; но если тяжесть преступления превосходит все, что только можно себе вообразить, я предлагаю подвергнуть их наказанию, предусмотренному законами»⁴⁵², допуская лишь изгнание осужденных⁴⁵³. «Но его [Силана] предложение, – говорил Цезарь, – мне кажется не столько жестоким (в самом деле, что можно считать жестокостью по отношению к таким людям?), сколько чуждым нашему государственному строю»⁴⁵⁴. Вместо смертной казни он предложил отправить подсудимых в изгнание на следующих условиях: «Так не отпустить ли их на волю, чтобы они примкнули к войску Катилины? Отнюдь нет! Итак, предлагаю: забрать в казну их имущество, их самих держать в оковах в муниципиях, наиболее обеспеченных охраной, и чтобы впоследствии никто не докладывал о них сенату и не выступал перед народом; всякого же, кто поступит иначе, сенат признает врагом государства и всеобщего благополучия»⁴⁵⁵. Кроме того, Цезарь ясно предупредил сторонников смертной казни, что они навлекут не себя народную ненависть⁴⁵⁶.

Предложение Цезаря изменило настрой сенаторов и последующие ораторы, в том числе брат Цицерона, стали высказываться в его поддержку. К этой позиции присоединились даже некоторые из ранее выступивших⁴⁵⁷. Децим Силан же, повторно взяв слово, заявил, что предложенная им мера была истолкована суровее, чем он имел в виду⁴⁵⁸, так как под крайней мерой наказания «он имел в виду не смерть, а лишь тюрьму: это, дескать, крайнее из наказаний, какому можно подвергнуть римского гражданина»⁴⁵⁹.

Сенат стал было колебаться, но тут слово было предоставлено избранному народному трибуну 62 г. Катону: «Во имя бессмертных богов! – при-

⁴⁵¹ Sall. Cat. 51. 6.

⁴⁵² Sall. Cat. 51. 7-8.

⁴⁵³ Sall. Cat. 51. 40.

⁴⁵⁴ Sall. Cat. 51. 17.

⁴⁵⁵ Sall. Cat. 51. 43.

⁴⁵⁶ Suet. Caes. 14.

⁴⁵⁷ Sall. Cat. 52.

⁴⁵⁸ Suet. Caes. 14.

⁴⁵⁹ Plut. Cato. min. 22.

зываю вас, которые всегда дома, свои усадьбы, статуи и картины ставили выше интересов государства: если вы хотите сохранить все, чем дорожите, каково бы оно ни было, если вы хотите наслаждаться на досуге, то пробудитесь наконец и принимайтесь за дела государства. Дело идет уже не о податях и не о несправедливостях по отношению к союзникам; свобода и само существование наше – под угрозой. ...Прекрасно и искусно построив свою речь, Гай Цезарь незадолго до меня рассуждал в этом собрании о жизни и смерти, надо думать, считая вымыслом то, что рассказывают о подземном царстве, – будто дурные люди пребывают там далеко от честных, в местах мрачных, диких, ужасных и вызывающих страх. И он предложил забрать в казну имущество заговорщиков, а их самих содержать под стражей в муниципиях, очевидно опасаясь, что, если они будут в Риме, их силой освободят участники заговора или подкупленная толпа; как будто дурные и преступные люди находятся только в Городе, а не во всей Италии, как будто наглость не сильнее там, где защита слабее. Следовательно, его соображения бесполезны, если он опасается их; если же при таком всеобщем страхе он один не боится, то тем больше у меня оснований бояться и за себя, и за вас. Поэтому, когда будете принимать решение насчет Публия Лентула и остальных, твердо помните, что вы одновременно выносите приговор войску Катилины и всем заговорщикам. Чем непреклоннее будете вы действовать, тем больше будут они падать духом; если они усмотрят малейшую вашу слабость, то все, кто преисполнен наглости, немедленно окажутся здесь»⁴⁶⁰. Обращаясь прямо к Цезарю, Катон заявил, что тот «сам должен бы трепетать, должен радоваться, если все окончится для него благополучно и он уйдет свободным от подозрения и наказания, после того как столь явно и дерзко пытается спасти общих врагов и, судя по его же словам, нисколько не жалеет о великом и прекрасном отечестве, стоящем на краю гибели, зато печалится и проливает горькие слезы о тех, кому лучше бы вообще не родиться на свет, – горюет, что они своею смертью избавят Рим от страшного кровопролития и грозных опасностей»⁴⁶¹.

В момент, когда внимание сенаторов было приковано к Катону и Цезарю, произошел курьезный эпизод. Цезарю подали маленькую записку. Заподозрив неладное, оратор обвинил его в тайных связях с заговорщиками и потребовал вслух зачитать содержание записки. Цезарь передал послание лично в руки Катону, чтобы тот прочитал его... Это было любовное письмо Сервилиии, сестры Катона, Цезарю. «Держи, пропойца!» – завопил Катон, резко отбросив письмо Цезарю, и вернулся к начатой речи⁴⁶², которую завершил предложением: «Так как вследствие нечестивого замысла преступ-

⁴⁶⁰ Sall. Cat. 52. 5-6, 13-18.

⁴⁶¹ Plut. Cato. min. 23.

⁴⁶² Plut. Cato. min. 24.

ных граждан государство оказалось в крайней опасности и так как они, избличенные показаниями Тита Вольтурция и послов аллоброгов, сознались в том, что подготовили против своих сограждан и отечества резню, поджоги и другие гнусные и жестокие злодеяния, то сознавшихся, как схваченных с поличным на месте преступления, надлежит казнить по обычаю предков»⁴⁶³. Речь Катона оказалась определяющей для сенаторов, так как он «жаром своего слова навлек подозрение в том, что выступающие за промедление являются соучастниками заговорщиков»⁴⁶⁴.

Высказался и Цицерон, не забыв напомнить о своей роли в раскрытии заговора: «таких высоких похвал, каких вы своими постановлениями удостоили меня при жизни, не достигал никто; ведь другим вы своим постановлением воздавали благодарность за подвиги, совершенные во славу государства, и только мне – за его спасение»⁴⁶⁵. По поводу же обсуждаемого приговора, в том числе и угрозы Цезаря о «народной ненависти», консул заявил: «Если вы последуете предложению Гая Цезаря, избравшего в своей государственной деятельности путь, считающийся защитой интересов народа, то мне, пожалуй, – при том, что это предложение вносит и защищает именно он, – в меньшей степени придется страшиться нападков сторонников народа. Если же вы последуете другому предложению, то у меня могут возникнуть значительно большие затруднения. Но все же пусть благо государства будет выше соображений о моей личной безопасности»⁴⁶⁶.

Опасаясь, как бы соучастники заговорщиков не предприняли каких-нибудь эксцессов, Цицерон и Катон убедили сенат «вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления»⁴⁶⁷. По итогам слушаний задержанные участники заговора постановлением сената были приговорены к смертной казни. Только Цезарь остался при своем мнении⁴⁶⁸. Когда же он покидал сенат, на него набросились охранники Цицерона, намереваясь убить за непомерное упорство. Сопровождавшему Цезаря Куриону пришлось даже прикрывать его своей тогой до тех пор, пока Цицерон знаком не удержал нападавших⁴⁶⁹.

В тот же вечер Цицерон отвел под усиленной охраной Лентула и других приговоренных в подземелье Мамертинской тюрьмы, где палачи, исполняя приказание, удавили петлей осужденных⁴⁷⁰. Уже ночью, возвращаясь с казни в сопровождении граждан, которые криками и рукоплескания-

⁴⁶³ Sall. Cat. 52. 36.

⁴⁶⁴ Vell. II. 35. 3.

⁴⁶⁵ Cic. Cat. IV. 20.

⁴⁶⁶ Cic. Cat. IV. 9.

⁴⁶⁷ App. II. 6.

⁴⁶⁸ Suet. Caes. 14.

⁴⁶⁹ Plut. Caes. 8.

⁴⁷⁰ Sall. Cat. 55.

ми выражали свою радость, называя консула спасителем и новым основателем Рима, Цицерон увидел на форуме многих приверженцев заговорщиков, которые пока не знали о том, что приговор сената приведен в исполнение, и полагали, что задержанных еще можно похитить, и громко крикнул им: «Они жили!» – так говорят римляне о мертвых, не желая произносить зловещих слов⁴⁷¹.

При отсутствии Помпея единственным человеком, чью позицию сенаторы однозначно восприняли бы как позицию самого могущественного Гнея Помпея Великого и кто своим выступлением на заседании сената 5 декабря 63 г. мог спасти обвиняемых от смертного приговора, был избранный народный трибун 62 г. Метелл Непот. Но в Рим он успел прибыть из Сирии от Помпея лишь к 10 декабря⁴⁷², т.е. слишком поздно.

Оценив ситуацию, Метелл вместе со своим коллегой Бестией и Цезарем стал готовить ответные меры против Цицерона⁴⁷³. Приступив к исполнению своих обязанностей, он сразу же стал открыто обвинять Цицерона в незаконной казни римских граждан и попытался привлечь консула за это к ответственности⁴⁷⁴. На народных сходках Метелл с яростью заявлял, что «сенаторы не имели никакого права без постановления народа осуждать на

⁴⁷¹ Plut. Cic. 22.

⁴⁷² Плутарх без привязки к конкретной дате пишет, что «Как-то он даже оставил должность народного трибуна и уплыл в Сирию к Помпею, а потом неожиданно вернулся оттуда – поступок уже и вовсе бессмысленный» (Plut. Cic. 26). Мы полагаем, что Непот выехал к Помпею доложить о ситуации в Риме и о принятых планах Катилины, будучи избранным народным трибуном в середине ноября 63 г. (Cic. Mur. 81. Речь в защиту Луция Лициния Мурены [В суде, вторая половина ноября 63 г.]), когда после провала Катилины на консульских выборах было принято решение прибегнуть к мятежу. В знаменитом заседании сената от 5 декабря 63 г. Метелл не участвовал, в противном случае ему, а в его лице Помпею, вряд ли отказали бы в возможности высказаться относительно приговора заговорщикам и оказать, быть может, определяющее влияние на решение сената. Если бы он застал раскрытие заговора в Риме, он вряд ли бы покинул город, а дождался бы кульминации событий и выступил на знаменитом заседании сената с поддержкой предложения Цезаря сохранить жизнь заговорщикам. Если бы он был в это время в Риме, то не мог бы пропустить заседание сената от 5 декабря, а участвуя в нем – не мог не выступить: во-первых, ему не могли не предоставить слова, так как решающую роль на решение сената оказало, напомним, выступление его коллеги – Катона, и, во-вторых, сам он вряд ли бы воздержался от возможности выступить, иначе чем объяснить, что уже спустя пять дней – 10 декабря – в первой же речи в качестве действующего народного трибуна он обрушивается на Цицерона с обвинениями в противозаконном убийстве римских граждан. Возможно, таким образом, отсутствие Метелла Непота в Риме и сыграло роковую роль в судьбе заговорщиков.

Возможности либурнской галеры (от названия пиратского племени либурнов в Иллирии – App. II. 39.), отличавшейся легкостью и быстроходностью (на больших отрезках пути средняя скорость достигала 10-12 узлов – Хлевов. А.А. Морские войны Рима. СПб. 2005. с. 472.), позволяли Метеллу Непоту в течение трех недель тайно посетить Помпея на востоке и вернуться обратно в Рим.

⁴⁷³ Plut. Cic. 23.

⁴⁷⁴ Dio. XXXVI. 42. 1.

смертную казнь какого бы то ни было римского гражданина»⁴⁷⁵. Цицерону он бросит упрек, что «выступая свидетелем, он погубил больше народу, чем спас в качестве защитника», на что бывший консул с гордостью возразил: «Готов признать, что честности во мне больше, чем красноречия»⁴⁷⁶. Цицерон, который раньше находился в неплохих отношениях с Метеллом, чуть позже с возмущением писал его брату: «Что за строгий человек и что за выдающийся гражданин! Он считал, что наказания, какому сенат, с согласия всех честных граждан, подверг тех, кто хотел сжечь Рим, убить должностных лиц и сенаторов и раздуть величайшую войну, так же достоин человек, избавивший курию от убийства, Рим от сожжения, Италию от войны»⁴⁷⁷. Он предпринял даже попытку договориться с Метеллом при посредничестве Клавдии, жены брата Метелла, и Муции, супруги Помпея и сводной сестры Метелла⁴⁷⁸, но безрезультатно.

Попытку организовать гонения на подавителей заговора специальным постановлением пресек сенат, объявив всем замешанным в судебном деле Катилины амнистию и предупредив, что всякий, кто осмелится в будущем требовать отчета от участников казни катилинарцев, будет объявлен врагом государства⁴⁷⁹. После этого Метелл вынужден был оставить попытки привлечь Цицерона к суду, однако запретил тому выступать перед народом.

Когда 29 декабря 63 г., в последний день своего консулата, Цицерон пожелал обратиться к народу, Метелл и Бестия забаррикадировали доступ к ораторской возвышенности и не позволили ему произносить речь. Так как прощальное обращение консулов было обязательным и народ требовал следовать традиции, то народные трибуны предложили ему ограничиться только произнесением клятвы с отречением от власти и тут же спуститься вниз. Согласившись, Цицерон взобрался, наконец, на трибуну и громким голосом произнес не протокольную, а собственную, совершенно новую клятву в том, что он спас отечество и сберег Риму господство над миром⁴⁸⁰. Собравшиеся горожане тут же громким голосом поклялись в том, что Цицерон поклялся правдиво⁴⁸¹.

Чтобы ослабить позиции своих противников среди народа, Катон инициировал принятие в сенате закона о ежегодных хлебных раздачах среди неимущих горожан на сумму 1250 талантов⁴⁸².

⁴⁷⁵ Dio. XXXVI. 42. 2.

⁴⁷⁶ Plut. Cic. 26.

⁴⁷⁷ Cic. Fam. V. 2. 8. Квинту Цецилию Метеллу Целеру, в провинцию Цисальпийскую Галлию. Рим, конец января – начало февраля 62 г.

⁴⁷⁸ Cic. Fam. V. 2. 6.

⁴⁷⁹ Dio. XXXVI. 42.3.

⁴⁸⁰ Plut. Cic. 23.

⁴⁸¹ Cic. Fam. V. 2. 7.

⁴⁸² Plut. Caes. 8; Cato min. 26.

Из судьбоносных для государства событий, произошедших в консульство Цицерона, следует упомянуть также рождение 23 сентября 63 г., незадолго до рассвета, в Риме в семье плебейского всадника Гая Антония Гибриды и Аттии, племянницы Юлия Цезаря, живших в скромном доме у спуска с Палатина, Гая Октавия Фурия⁴⁸³, которому спустя два десятка лет суждено будет стать консулом Рима, а затем и фактическим монархом Римской империи, известным как Император Цезарь Август Октавиан.

Хотя казнь схваченных заговорщиков и стала для главарей заговора неприятной неожиданностью, а беспорядки в Риме не удалось организовать, тем не менее, условия для достижения поставленной цели все еще сохранялись, так как в Этрурии Катилина уже располагал двумя легионами⁴⁸⁴. Поэтому в начале января Метелл, при активной поддержке Цезаря⁴⁸⁵, внес на рассмотрение законопроект, поручавший Помпею срочно прибыть с войском в Италию и подавить мятеж Катилины, но уже без планировавшихся изначально диктаторских полномочий. Однако было очевидно, что «это был лишь благовидный предлог, самая же суть закона и его цель состояла в том, чтобы передать верховную власть над Римом в руки Помпея»⁴⁸⁶. На слушаниях в сенате Катон произнес достаточно дружелюбную и мягкую речь с просьбой к Метеллу отозвать свой законопроект, а его автора – даже стал расхваливать за постоянную верность аристократии. Воспринимая просительный тон за признак слабости, Метелл в ответ произнес дерзкую речь, пригрозив игнорированием мнения сената. Тогда Катон, изменившись в лице, заговорил совсем иным тоном, громогласно заявил, что «покуда он жив, Помпею с оружием в городе не бывать»⁴⁸⁷.

В день голосования народного собрания Метелл и Цезарь привели на форум большое число граждан из италийских областей. Значительным было и число горожан, желавших поддержать призыв Помпея в Италию. Когда к форуму подошел Катон, он увидел, что храм Диоскуров окружен вооруженными людьми, а наверху сидят Метелл и Цезарь. Указывая на своего коллегу, Катон сказал сопровождавшим его друзьям: «Наглый трус! Вы только поглядите, какое войско он набрал против одного, и к тому же совершенно безоружного человека!»⁴⁸⁸ и направился к нему. Охранявшие лестницу гладиаторы позволили пройти только ему и Минуцию Терму, другому народному трибуну. Поднявшись, Катон сел прямо между Метеллом и Цезарем, которые оказались в замешательстве. Поддерживавшие Катона граждане подошли ближе и громкими криками призывали его мужать-

⁴⁸³ Sall. Aug. 5.

⁴⁸⁴ Sall. Cat. 56. 1-2. По Аппиану, в войске Катилины было более 20 тысяч человек. App. II. 7.

⁴⁸⁵ Suet. Caes. 16.

⁴⁸⁶ Plut. Cato min. 26.

⁴⁸⁷ Plut. Cato min. 26.

⁴⁸⁸ Plut. Cato min. 27.

ся, а друг друга – сплотиться, стоять крепко и не покидать в беде свободу и ее защитника. Глашатай взял текст законопроекта, чтобы зачитать его народу, но Катон, пользуясь равной с Метеллом властью и гораздо большим авторитетом среди граждан, в соответствии со своими полномочиями, запретил ему это делать⁴⁸⁹. Когда Метелл лично приступил было к чтению текста, Катон вырвал из его рук свиток, но так как автор знал его наизусть, он продолжал читать по памяти. Тогда Терм зажал ему рот рукой, не давая произнести ни слова. Недолгая потасовка на глазах у народа, настроение которого стало склоняться к Катону, прервалась вмешательством приведенных Метеллом вооруженных бойцов. Люди стали разбегаться с форума. В Катона, который продолжал стоять на месте, полетели камни и палки. Мурена, прикрывая своего бывшего обвинителя собственной тогой, после настоятельных увещаний увел Катона внутрь храма. Решив, что противники окончательно покинули форум, Метелл приказал бойцам удалиться и собрался открыть голосование. Но беглецы, оправившиеся от испуга, стали с криками врываться обратно на форум, образовав большую толпу, и тем самым наведя страх на сторонников Метелла. Теперь уже последние вместе со своими предводителями покинули форум бегством. После этого Катон спокойно вышел из храма Диоскуров обратно к народу со словами похвалы и одобрения.

В тот же день сенат объявил, что «поддерживает Катона и решительно против законопроекта, который несет Риму мятеж и междоусобную войну»⁴⁹⁰, а Метелла Непота и Юлия Цезаря отстраняет от занимаемых ими должностей⁴⁹¹.

Когда Цезарь появился в суде для отправления преторских полномочий, вооруженные люди окружили место проведения судебных заседаний, и ему пришлось распустить ликторов, снять преторскую тогу и тайком возвращаться домой⁴⁹². Однако уже на следующий день к дому Цезаря прибыли многочисленные сторонники, предлагая ему помощь в восстановлении в должности. Срочно созванный по этому поводу сенат отменил свое предыдущее решение, восстановив в должности также и Метелла Непота. За это решение высказались также Катон⁴⁹³ и Цицерон⁴⁹⁴.

⁴⁸⁹ Plut. Cato min. 28.

⁴⁹⁰ Plut. Cato min. 28.

⁴⁹¹ Suet. Caes. 16.

⁴⁹² Suet. Caes. 16.

⁴⁹³ «В том, что он [Катон] не растоптал своего врага [Метелла] и не надругался над повергнутым, народ видел признаки человеколюбия и воздержанности, а люди, мыслящие более глубоко, полагали, что он не хочет озлоблять Помпея, и находили это правильным и целесообразным». Plut. Cato min. 19.

⁴⁹⁴ Cic. Fam. V. 2. 9.

После провала законопроекта Метелла о призыве Помпея с войсками в Италию Катилине стало очевидно, что ситуация, когда против него никаких активных военных операций не предпринимается, не может больше оставаться статичной. Консул Гай Антоний, коллега Цицерона и один из участников заговора⁴⁹⁵, под предлогом нежелания кровопролития и опасения случайностей войны, действовал крайне медлительно, надеясь, что наступление зимних холодов позволит отложить военные действия против Катилины на неопределенный срок⁴⁹⁶. Однако легат Марк Петрей и квестор Публий Сестий настойчиво подбодряли, убеждали, осуждали и подгоняли Гая Антония к более активным действиям⁴⁹⁷. Часть поддержавших мятеж солдат стала покидать Катилину. С оставшимися четырьмя тысячами плохо вооруженных⁴⁹⁸ воинов Катилина большими переходами через малодоступные горы прибыл в Писторию, намереваясь оттуда незаметно уйти в Трансальпийскую Галлию⁴⁹⁹, чтобы попытаться сохранить для Помпея повод не распускать войска в Италии. Но Квинт Метелл Целер, находившийся с тремя легионами в Пиценской области, быстро перекрыл единственный проход, по которому Катилина собирался вырваться из Италии. Когда мятежники оказались отрезаны горами и вражескими войсками, Катилина решил вступить в бой с Гаем Антонием, полагая, возможно, что тот будет действовать как изменник⁵⁰⁰.

Финальное сражение произошло в начале 62 г.⁵⁰¹ В напутствии к войску Катилина заявил: «Мне хорошо известно, солдаты, что слова не прибавляют доблести и что от одной речи полководца войско не становится из слабого стойким, храбрым из трусливого. Какая отвага свойственна каждому из нас от природы или в силу воспитания, такой она проявляется и на войне. Кого не воодушевляют ни слава, ни опасности, того уговаривать бесполезно: страх закладывает ему уши. Но я созвал вас, чтобы дать несколько наставлений и вместе с тем объяснить причину своего решения. [...] Если мы победим, нам достанется все; продовольствия будет в изобилии, муниципии и колонии откроют перед нами ворота. [...] мы боремся за отечество, за свободу, за жизнь, для них же нет никакой надобности сражаться за власть немногих людей. Тем отважней нападайте, помня о своей прежней доблести. Вы были вольны с величайшим позором для себя владеть жизнью в изгнании; кое-кто из вас, лишившись своего достоинства в Риме, мог рассчитывать на постороннюю помощь. Поскольку такое положе-

⁴⁹⁵ Sall. Cat. 57. 2-5.

⁴⁹⁶ Cic. Sest. 12. Речь в защиту Публия Сестия. В суде, 11 марта 56 г.

⁴⁹⁷ Cic. Sest. 12. Речь в защиту Публия Сестия. В суде, 11 марта 56 г.

⁴⁹⁸ Sall. Cat. 56. 3.

⁴⁹⁹ Sall. Cat. 57. 1.

⁵⁰⁰ Dio. XXXVI. 39. 3.

⁵⁰¹ Dio. XXXVI. 39. 1.

ние вам казалось мерзким и нестерпимым для мужчины, вы решили разделить со мной эти опасности. Если хотите избавиться от них, вам нужна отвага: один лишь победитель достигает мира ценой войны. [...] Но если Фортуна не пощадит вашей доблести, не позволяйте врагам с легкостью перебить вас и, чтобы вас, взятых в плен, не перерезали, как скотину, сражайтесь, как подобает мужчинам, если же враги одержат над вами победу, пусть она будет кровавой и горестной»⁵⁰².

После этого прозвучал сигнал к бою и все войско в пешем порядке вступило на равнину. Правым крылом командовал Манлий, левым – некий фезуланец, а в центре, рядом с орлом, по преданию находившимся в войске Гая Мария во время войны с кимврами, встал сам Катилина⁵⁰³. Противников Катилины, состоявших в большинстве из опытных ветеранов, возглавил Марк Петрей, которому Гай Антоний, сославшись на боль в ногах, не позволяющую ему принять участие в сражении, поручил командование⁵⁰⁴.

По обоюдному сигналу противники с оглушительными криками и знаменами наперевес стали стремительно сходитьсь. Вначале в ход были пущены дротики и копья, а затем началась жестокая рукопашная схватка. Манлий и фезуланец пали, сражаясь в первых рядах. Против Катилины, яростно бившегося в центре, Петрею пришлось задействовать из резерва преторскую когорту. Ряды мятежников вскоре заметно поредели. Видя это, Катилина бросился в гущу врагов и в ожесточенной схватке был заколот⁵⁰⁵.

«Только тогда, когда битва завершилась, и можно было увидеть, как велики были отвага и мужество в войске Катилины. Ибо чуть ли не каждый, испустив дух, лежал на том же месте, какое он занял в начале сражения. Несколько человек в центре, которых рассеяла преторская когорта, лежали чуть в стороне, но все, однако, раненные в грудь. Самого Катилину нашли далеко от его солдат, среди вражеских тел. Он еще дышал, и его лицо сохраняло печать той же неукротимости духа, какой он отличался при жизни. Словом, из всего войска Катилины ни в сражении, ни во время бегства ни один полноправный гражданин не был взят в плен, так мало все они щадили жизнь – как свою, так и неприятеля. Однако победа, одержанная войском римского народа, не была ни радостной, ни бескровной, ибо все самые стойкие бойцы либо пали, либо покинули поле боя тяжело ранеными. Но многие солдаты, вышедшие из лагеря осмотреть поле битвы и пограбить, находили, переворачивая тела врагов, один – друга, другой – гостеприимца или родича; некоторые узнавали и своих недругов, с которыми

⁵⁰² Sall. Cat. 58.

⁵⁰³ Sall. Cat. 59. 3.

⁵⁰⁴ Dio. XXXVI. 39.3-4; Sall. Cat. 59. 4-5.

⁵⁰⁵ Sall. Cat. 60.

бились. Так все войско испытывало разные чувства: ликование и скорбь, горе и радость»⁵⁰⁶.

С подачи Джованьоли, автора художественного романа «Спартак», считаем уместным рассмотреть еще один аспект, связанный с заговором Катилины и восстанием рабов. А.В. Мишулин отмечает, что «Творческой фантазией автора можно объяснить то, что Джованьоли допускает версии о сношениях Катилины со Спартаксом. Даже Цезарь, будущий римский диктатор, оказывается, не только имеет дело со Спартаксом, но и предупреждает его о раскрытии заговора рабов. [...] Все это, конечно, не имеет никакого подтверждения в литературных источниках»⁵⁰⁷.

Между тем, Саллюстий говорит, что при реализации заговора в 63 г. Катилина «считал возможным поднять городских рабов»⁵⁰⁸. 9 ноября 63 г. в сенате Цицерон указывал, что «в школе гладиаторов не найдется ни одного человека с преступными стремлениями, который бы не объявил себя близким другом Катилины»⁵⁰⁹.

Когда в 63 г. заговорщики приступили к активным действиям, из Рима Лентул через некоего Тита Вольтурция из Кротоны передал Катилине письмо следующего содержания: «Кто я, узнаешь от того, кого к тебе посылаю. Подумай, какая опасность нависла над тобой, и помни, что ты мужчина. Сообрази, чего требуют твои интересы; ищи помощи у всех, **даже у людей самых ничтожных**». На словах посланник должен был добавить: «раз сенат объявил Катилину врагом, то **какие у него основания отвергать помощь рабов?** В Городе все подготовлено, как он приказал; пусть не медлит с походом на Рим»⁵¹⁰. Организация возмущения рабов в Апулии была поручена Цепарию из Террацины⁵¹¹. В октябре 63 г., одновременно с началом мятежа Манлия, в Рим пришли известия «о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов»⁵¹². По постановлению сената в эти города срочно были посланы, соответственно, претор Квинт Помпей Руф и Квинт Метелл Критский⁵¹³. Кроме того, постановили, чтобы отряды гладиаторов были размещены в Капуе и других муниципиях сообразно со средствами каждого из них⁵¹⁴. Когда Катилина принял командование двумя легионами, к нему стали толпами сбегаться рабы. Однако он отсылал их прочь, полагаясь на силы заговорщиков и одновременно считая невыгодным для себя впе-

⁵⁰⁶ Sall. Cat. 61.

⁵⁰⁷ Мишулин А.В. Спартак. М. 1950, с. 144.

⁵⁰⁸ Sall. Cat. 24 4. См. также: App. II. 2; Cic. Cat. 27; Suet. Aug. 3, 7.

⁵⁰⁹ Cic. Cat. II. 9.

⁵¹⁰ Sall. Cat. 44. 4-6.

⁵¹¹ Sall. Cat. 46. 3.

⁵¹² Sall. Cat. 30. 2.

⁵¹³ Sall. Cat. 30. 3-5.

⁵¹⁴ Sall. Cat. 30. 2.

чатление, будто он связал дело граждан с делом беглых рабов⁵¹⁵. Вместе с тем, со следующих слов Светония можно сделать однозначный вывод не только о привлечении Катилиной рабов к участию в своем заговоре, но и о его связях с остатками армии Спартака: «После претуры он [Гай Октавий, отец Августа] получил по жребию Македонию; по дороге туда, выполняя особое поручение сената, он уничтожил остатки захвативших Фурийский округ беглых рабов из отрядов Спартака и Катилины»⁵¹⁶.

Как видно, заговорщики не считали зазорным спровоцировать рабов к восстанию, хотя так и не решились открыто возглавить его. Почему бы в этом случае то, что считалось вполне допустимым в 63 г., не было бы использовано при организации восстания Спартака.

Однако главное, на наш взгляд, заключается в том, что заговор Катилины в 63 г. преследовал ту же цель, которая, как мы считаем, была возложена на восстание Спартака в конце 70-х гг.: спровоцировав войну в пределах Италии, сделать оправданным приход армии Помпея под стены Рима с целью получения власти.

В этой связи уместен вопрос, почему в 63 г. не был реализован сценарий восстания рабов, ранее принесший свои плоды? Цицерон во второй обвинительной речи против Катилины вопрошал: «Разве они не понимают, что, даже если они и достигнут того, чего желают, им все-таки неминуемо придется уступить все это какому-нибудь беглому рабу или гладиатору?»⁵¹⁷ Ответ на него вероятнее всего заключается в том, что при решении земельного вопроса для ветеранов из Азии Помпей и его сторонники изначально ориентировались на легальные методы достижения цели. Когда же они себя исчерпали, не принеся никаких результатов, время было уже упущено. Для придания Спартаку образа грозного врага Рима потребовалось более двух лет. В 63 г., когда Помпей завершил все завоевания в Азии, а его уставшая в длительных походах армия не желала участвовать в новых кампаниях, поражение на консульских выборах Катилины, по сути, оставило, в условиях цейтнота, только одну возможность для легального проникновения восточных римских легионов в Италию – развязывание внутренней междоусобицы, которую должно было бы уладить прибытие Великого Помпея.

Голову Катилины Гай Антоний отправил в Рим, чтобы горожане удостоверились в гибели руководителя заговора⁵¹⁸. Весть о подавлении мятежа Катилины в Риме встретили с большой радостью и облегчением. Цицерону, по инициативе Катона, который превозносил в народном собрании его зас-

⁵¹⁵ Sall. Cat. 56. 7.

⁵¹⁶ Suet. Aug. 3.

⁵¹⁷ Cic. Cat. II. 19.

⁵¹⁸ Dio. XXXVI. 40.2.

луги перед отечеством, были назначены невиданные прежде почести и, впервые среди римлян, присвоено звание «отца отечества»⁵¹⁹. За одержанную победу Гай Антоний был удостоен титула Император⁵²⁰. Таким образом, принятие законопроекта о поручении войны с Катилиной Помпею произошло окончательно. Метелл выступил на очередном народном собрании с длинной речью, полной ненависти к Катону, и завершил ее грозным заявлением, что «бежит от тирании Катона и от составленного против Помпея заговора и что Рим, оскорбляющий великого мужа, скоро об этом пожалеет»⁵²¹. В тот же вечер Метелл покинул Рим и отправился в Азию, чтобы доложить обо всем Помпею⁵²².

Все время с лета 63 г., пока в Риме шла борьба за власть, Помпей, формально завершивший войну, находился в Сирии в ожидании условий для возвращения с армией в Италию, приемлемость которых должен был обеспечить Катилина. Сведения о ходе противостояния, становившиеся со временем все более неприятными, Помпей получал регулярно. В течение этого времени к нему за помощью, посылая подарки, деньги и одеяние, обратился египетский царь Птолемей Авлет, подданные которого подняли восстание⁵²³, но бурные события в Риме не позволили Помпею отвлекаться на египетскую кампанию. В конце января 62 г. прибывший из столицы Метелл Непот доложил Помпею о плачевных результатах борьбы Катилины и полном провале попыток помпеянцев получить власть в Риме⁵²⁴.

Помпей роздал войску награды на общую сумму в 16 тысяч талантов (каждому воину досталось по 1500 аттических драхм и соответственно больше их начальникам)⁵²⁵ и, поручив Скавру с двумя легионами управление Сирией и Иудеей, в конце зимы 62 г. выступил с армией в направлении Киликии, чтобы возвращаться в Рим⁵²⁶. Путь домой Помпей решил максимально растянуть для того, чтобы подготовиться к новому решению аграрного вопроса своих ветеранов уже в 61 г. Получившему денежную награду войску такая неторопливость, скорее всего, объяснялась необходимостью дать жарким страстям в Риме, вызванным заговором Катилины, улечься.

Если детальную информацию о поражении Катилины Помпей получил от Метелла Непота, то скоро ему предстояло получить из противоположного лагеря подробный письменный отчет о том, как реализация планов заговорщиков была успешно провалена отправителем письма. В феврале

⁵¹⁹ Plut. Cic. 23.

⁵²⁰ Dio. XXXVI. 40.2.

⁵²¹ Plut. Cato min. 19.

⁵²² Plut. Cato min. 19.

⁵²³ App. Mithr. 114.

⁵²⁴ Plut. Cato min. 19.

⁵²⁵ App. Mithr. 116.

⁵²⁶ Fl. Ios. Antt. 14. 4. 5.

62 г. Помпею доставили письмо от Цицерона, в котором тот подробно писал о своей деятельности в качестве консула и о важнейших государственных делах⁵²⁷, в том числе о своей исключительной роли в раскрытии и подавлении заговора Катилины. Перед Помпеем возникла непростая проблема – написать ответ Цицерону, который, сам того не подозревая, своим консульством создал полководцу массу проблем, погубив его сторонников, за что, в глазах Помпея, несомненно заслуживал сурового наказания. Целый месяц Помпей тянул с ответом консуляру, пока, наконец, не решился отделаться формальным и бессодержательным официальным письмом, в котором весьма прохладно высказался о самом Цицероне.

Получив в апреле 62 г. это письмо, Цицерон был настолько разочарован его содержанием, что не преминул откровенно написать об этом в новом письме Помпею: «Что же касается письма, посланного тобой мне, то оно, хотя в нем слабо выражено расположение ко мне, все же было приятно мне, ибо обычно меня ничто так не радует, как сознание выполненных обязанностей, и если я за свои действия иногда и не получаю взаимно, то очень легко мирюсь с тем, что перевес заслуг на моей стороне»⁵²⁸. Упоминание Помпеем о консульской деятельности Цицерона и, в особенности, о его роли в раскрытии и подавлении заговора Катилины вообще отсутствовало, что побудило консуляра отбросить чувство такта и быть прямолинейным в своей настойчивости: «Чтобы ты не был в неведении того, что я хотел найти в твоём письме, напишу прямо, как этого требуют моя природа и наша дружба. Я совершил действия, за которые ждал некоторого поздравления в твоём письме ради наших дружеских отношений, так и ради государства»⁵²⁹. Он предположил, что Помпей отказался оценить «спасение отечества» Цицероном «из боязни обидеть кое-кого»⁵³⁰, намекая, очевидно, на Метелла Непота, находившегося в Сирии, рядом с римским полководцем. Далее Цицерон предложил Помпею свою дружбу и поддержку: «Но знай: то, что мы совершили для спасения отечества, оценено, одобрено суждением и свидетельством всего мира. По приезде ты узнаешь, сколько в моем поведении благоразумия и силы духа, так что ты, далеко превосходящий Африканского [Сципиона, победителя Ганнибала], легко согласишься объединиться со мной, немного уступающим Лелию, и в государственной деятельности и в дружбе»⁵³¹. «Не сомневаюсь в том, что если моя величайшая преданность тебе еще мало расположила тебя ко мне, то дела государственные сблизят и соединят нас»⁵³² – писал Помпею Цицерон.

⁵²⁷ Cic. Sull. 67.

⁵²⁸ Cic. Fam. V. 7. 2. Рим, апрель 62 г. Помпею.

⁵²⁹ Cic. Fam. V. 7. 3. Рим, апрель 62 г. Помпею.

⁵³⁰ Cic. Fam. V. 7. 3. Рим, апрель 62 г. Помпею.

⁵³¹ Cic. Fam. V. 7. 3. Рим, апрель 62 г. Помпею.

⁵³² Cic. Fam. V. 7. 2. Рим, апрель 62 г. Помпею.

Как ясно, в письме Помпей полностью проигнорировал деятельность консуляра, но... одного лишь факта письменного ответа Помпея Цицерону оказалось достаточно, чтобы в Риме помпеянцы были повержены в состояние шока: «твои [Помпей] старые враги*, новые друзья, страшно поражены твоим письмом и повержены, обманувшись в своих великих чаяниях»⁵³³.

Между тем, в Риме продолжалось расследование обстоятельств заговора Катилины и выявление лиц, причастных к нему. Луций Веттий, один из соучастников заговора, желая реабилитироваться, активно сотрудничал со следствием, которое на основании его показаний привлекло к суду многих катилинарцев⁵³⁴. В числе прочих Веттий заявил следователю Новию Нигру и о причастности к заговору Цезаря, в доказательство чего он готов был представить собственноручное письмо Цезаря Катилине⁵³⁵. В сенате аналогичные показания дал информатор Цицерона Квинт Курий, заявивший, что слышал об этом от Катилины. Чтобы отвести от себя убийственные обвинения, Цезарь обратился к Цицерону, который засвидетельствовал, что претор сам сообщил ему некоторые сведения о заговоре. В результате сенат решил лишить Курия награды за неоценимую помощь в раскрытии заговора, Веттий был наказан конфискацией имущества и приговорен к тюремному заключению вместе со следователем Новием, принявшим жалобу на старшего по должности.

Первыми возмездие за гибель катилинариев настигло аллоброгов, послы которых, напомним, предоставили Цицерону неопровержимые улики против главарей заговоров. Вместо обещанного сенатом послабления за содействие раскрытию заговора Катилины, аллоброги уже в 62 г. столкнулись с жесточайшим обращением наместника, побудившего их взбунтоваться и попытаться отложиться от Рима⁵³⁶. По злой иронии, против них был послан претор 63 г. Гай Помптин⁵³⁷, который в ночь на 3 декабря 63 г. по поручению Цицерона руководил задержанием послов аллоброгов на Мульвийском мосту и захватом писем сторонников Катилины⁵³⁸. В ходе нескольких беспощадных сражений пропретор завершил «внезапно вспыхнувшую войну с аллоброгами»⁵³⁹.

Из Киликии Помпей направился на север, в теперь уже бывшее Понтийское царство, к Амису, куда Фарнак прислал множество подарков для

* К которым, как считается, Цицерон причислял Красса и Цезаря.

⁵³³ Cic. Fam. V. 7. 1. Рим, апрель 62 г. Помпею.

⁵³⁴ Dio. XXXVI. 41; Oros. VI. 6. 7.

⁵³⁵ Suet. Caes. 17.

⁵³⁶ Liv. Per. CIII.

⁵³⁷ Cic. Prov. cons. 32.

⁵³⁸ Sall. Cat. 45. 1.

⁵³⁹ Cic. Prov. cons. 32.

римлян, заложников и многочисленные тела членов царской семьи, в том числе самого Митридата, труп которого сильно разложился⁵⁴⁰. По приказу Помпея, который считал Митридата «лучшим из царей своего времени», были организованы пышные похороны, и тело понтийского царя было погребено в царской усыпальнице в Синопе⁵⁴¹. Фарнак был объявлен другом и союзником римского народа и получил в управление Боспорское царство, за исключением Фанагорийской области, население получило свободу, так как «первыми именно они, когда Митридат стал крепнуть и заготовлял себе корабли и другое войско и держал в своих руках укрепленные пункты, решились восстать против него и тем подали пример другим отпасть от него и оказались, таким образом, виновниками гибели Митридата»⁵⁴². Больше месяца римские войска провели в Талаврах, откуда полностью вывезли хранившуюся там богатую сокровищницу драгоценной утвари Митридата⁵⁴³, а затем, спустившись к Эфесу, не спеша отплыли в Италию⁵⁴⁴. К этому времени Помпей уже наметил план действий в Риме. Так как он располагал более чем достаточной финансовой базой для выкупа земель своим ветеранам, он решил сразу по возвращении в начале 61 г. в Рим ошеломить сограждан во время триумфа блеском богатой военной добычи и параллельно протащить аграрный закон при непосредственном участии в голосовании вернувшихся с войны многочисленных солдат. Для этого необходимо было, чтобы консулами 61 г. стали ставленники Помпея. В Рим для участия в консульских выборах был отряжен Марк Пупий Писон, легат Помпея, участвовавший в пиратской войне⁵⁴⁵ 67 г. и руководивший в 63 г. осадой иерусалимского храма⁵⁴⁶. Чтобы максимально воспользоваться небольшим промежутком времени, пока его войска смогут находиться в Риме для участия в триумфе, Помпей послал вперед своего посланца просить сенат «оказать ему услугу и отложить выборы консулов, чтобы он мог своим присутствием содействовать избранию Писона»⁵⁴⁷, а сам тем временем с необычайной пышностью продолжал обратный путь: по прибытии в Митилену он посетил состязание поэтов, единственной темой которого было прославление его подвигов, а городской театр так ему понравился, что он велел снять его план, чтобы построить в Риме на его основе более роскошное здание; на Родосе он слушал выступления всех софистов и подарил каждому по таланту; в Афинах Помпей выказал подобную же щедрость по отношению к

⁵⁴⁰ Plut. Pomp.42.

⁵⁴¹ App. Mithr. 113.

⁵⁴² App. Mithr. 113.

⁵⁴³ App. Mithr. 115.

⁵⁴⁴ App. Mithr. 116.

⁵⁴⁵ App. Mithr. 95.

⁵⁴⁶ Fl. Ios. Antt. 14. 4. 2.

⁵⁴⁷ Plut. Cato. min. 30; Pomp. 44.

философам; на восстановление города он пожертвовал пятьдесят талантов⁵⁴⁸.

Большинство сенаторов готово было удовлетворить просьбу Помпея об отсрочке консульских выборов, но «Катон, не столько тревожась об отсрочке самой по себе, сколько желая разочаровать Помпея в первых же его надеждах, возражал и, склонив сенат на свою сторону, убедил его ответить отказом»⁵⁴⁹. Однако известия, что Помпей поддерживает кандидатуру Писона, оказалось достаточно, чтобы вместе с Марком Валерием Мессалой консулом 61 г. римляне, в отсутствие военачальника, избрали его креатуру.

К началу декабря армия Помпея уже подплывала к берегам Италии. В Риме в это время стали происходить странные события. 3 декабря отмечался религиозный праздник в честь Доброй богини, ритуальная часть которого проводилась в доме верховного понтифика с участием одних только женщин. Присутствие в тот день в доме мужчин, в том числе хозяина, считалось святотатством и было под строгим запретом: даже вещи мужчин выносились из дома. В 62 г. праздник отмечался в доме Цезаря и на нем случился грандиозный скандал... Во время празднования в доме случайно был обнаружен облаченный в женские одеяния квестор Публий Клодий, который, как считается, пришел в тот день на любовное свидание с Помпеей – женой Юлия Цезаря⁵⁵⁰.

Еще до прибытия Помпея в Риме распространились тревожные слухи и «поднялось сильное смятение, так как опасались, что он поведет тотчас свое войско на Рим и установит твердое единовластие»⁵⁵¹... Красс, забрав с собой семью и деньги, срочно уехал из Рима. Сам Помпей, накануне высадки в Италии, неожиданно направил жене письмо о разводе. Плутарх пишет, что «супруга Помпея – Муция – в его отсутствие нарушила супружескую верность. Пока Помпей находился далеко, он не обращал внимания на дошедшие до него слухи, но теперь, вблизи Италии, видимо, имея время более тщательно обдумать дело, он послал Муции разводное письмо. Ни тогда, ни впоследствии он не объяснил причины развода; причина эта названа Цицероном в его письмах»⁵⁵². Считается однако, что «в дошедших до нас письмах Цицерона этих сведений нет»⁵⁵³.

Вопреки всем страхам, высадившись в Италии, Помпей... как законопослушный военачальник, сразу распустил войско и направился к Риму в качестве частного лица⁵⁵⁴.

⁵⁴⁸ Plut. Pomp. 42.

⁵⁴⁹ Plut. Cato. min. 30.

⁵⁵⁰ App. Sic. 7; II. 14; Liv. Per. CIII; Plut. Caes. 9, 10; Suet. Caes. 74.

⁵⁵¹ Plut. Pomp. 43.

⁵⁵² Plut. Pomp. 42.

⁵⁵³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. 1994. Т. 2. с. 583. прим. 32.

⁵⁵⁴ Plut. Pomp. 43.

В начале 61 г. по специальному постановлению сената Клодий был привлечен к суду за святотатство и после длительного рассмотрения дела был оправдан в мае того же года. Как мы увидим чуть позже, по сравнению с выдвинутыми обвинениями, масштаб задействованных средств для подкупа судей и оправдания Клодия был несопоставимо велик. Пока же обратим внимание, что как только стало известно о привлечении Клодия к суду, Цезарь известил жену о разводе⁵⁵⁵.

Когда Цезарь был вызван в качестве свидетеля по делу Клодия, он заявил судьям, что «ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия»⁵⁵⁶. На естественный же вопрос обвинителя: «Но почему же тогда ты развелся со своей женой?», от Цезаря последовал знаменитый ответ: «Потому что на мою жену не должна падать даже тень подозрения»⁵⁵⁷. При общепризнанной эффектности, ответ Цезаря, если внимательно приглядеться, порождает значимые вопросы.

Во-первых, из слов Цезаря следует, что для развода с женой ему достаточно одного лишь подозрения на неверность. Однако Цезарь, судя по письму Цицерона, развелся с женой во второй половине января 61 г., т.е. не сразу же после события, бросившего «тень подозрения» на его жену Помпею, произошедшего 3 декабря 62 г., а спустя... полтора месяца, причем только после того, как в середине января 61 г. весталки и понтифики в ответ на запрос сената вынесли официальное заключение о целесообразности привлечения Клодия к суду. Можно предположить, что если бы Клодий не был привлечен к суду за святотатство, то и Цезарь, несмотря ни на какие «тени подозрений», не развелся бы с женой.

Во-вторых, учитывая то, что во время празднования хозяйка, «которая приняв дом [от мужа], производит священнодействия»⁵⁵⁸, непосредственно руководит отправлением церемониальных праздничных действий, то, каким бы пылким не был в тот день Клодий, он ни при каких условиях не смог бы увидеться с женой Цезаря Помпеей.

Следует также особо отметить, что после развода несколько не пострадали отношения Цезаря ни с Клодием, предполагаемым любовником его бывшей жены, ни с Помпеем, которому Помпея приходилась дальней родственницей.

Таким образом, мы полагаем, что утверждение о том, что 3 декабря 61 г. облаченный в женскую одежду Публий Клодий явился в дом Цезаря на религиозный праздник с целью провести свидание с женой Цезаря, несостоятельно. В связи с этим возникают три вопроса: С кем и зачем Публий

⁵⁵⁵ Cic. Att. I. 13. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

⁵⁵⁶ Plut. Caes. 10.

⁵⁵⁷ Plut. Pomp. 43.

⁵⁵⁸ Plut. Caes. 9.

Клодий в тот день должен был тайно встретиться в доме Цезаря? Зачем Цезарь развелся с женой?

Здесь стоит обратиться к написанному Цицероном 1 января 61 г. письму, где он впервые сообщает о том, что «Публия Клодия, сына Аппия, застали переодетым в женское платье в доме Гая Цезаря во время жертвоприношения за народ и что маленькая рабыня безопасно вывела его из дома»⁵⁵⁹. Кроме прочего автор также сообщает адресату о разводе, но только не между Цезарем и Помпеей (о Цезаре и его жене в этом письме, написанном спустя почти месяц после «святотатства» Клодия, нет и «тени» упоминания), а... между Помпеем и Муцией⁵⁶⁰.

Чуть выше мы привели слова Плутарха о том, что Муция в отсутствие Помпея нарушила супружескую верность. На первый взгляд, причина развода выглядит вполне правдоподобной, но странным выглядит оставшийся, пожалуй, беспрецедентным в истории разводов момент написания разводного письма первым лицом государства: решение о разводе Помпей принял... в пути домой, находясь уже «вблизи Италии»⁵⁶¹. Согласитесь, что если об изменах Муции было известно давно, то естественным было бы принять решение о разводе либо находясь в Азии, либо по прибытии в Рим, но никак не в пути к дому, с борта корабля, который вот-вот должен пристать к берегу Италии. Можно, конечно, предположить, что факт измены жены Помпея стал известен ему лишь накануне его прибытия в Италию. Но... если Муция удачно скрывала неверность супругу в течение длительного времени, то вряд ли она потеряла бы бдительность накануне его возвращения, точно так же, соблюдая ранее верность Помпею, вряд ли бы она пошла на измену перед его возвращением. Даже в случае, если факт измены все-таки стал известен накануне прибытия Помпея, то и в этом случае должна была бы произойти целая цепь маловероятных событий. Вряд ли кто-то срочно отправился бы из-за этого на поиски Помпея в Средиземном море, а тот, доверившись полученному сообщению, сразу же написал бы письмо о разводе жене, не дожидаясь даже прибытия в Рим. Таким образом, мы отвергаем утверждение Плутарха, что при разводе с женой руководящим мотивом Помпея стала неверность его супруги.

Плутарх, давая, кстати, повод усомниться в им же изложенной версии развода, пишет, что «ни тогда, ни впоследствии он [Помпей] не объяснил причины развода; причина эта названа Цицероном в его письмах»⁵⁶². Выше мы отметили, что считается, что «в дошедших до нас письмах Цицерона этих сведений нет»⁵⁶³. Однако... приведем полностью упомянутый отрывок

⁵⁵⁹ Cic. Att. I. 12. 3. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁶⁰ Cic. Att. I. 12. 3. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁶¹ Plut. Pomp. 42.

⁵⁶² Plut. Pomp. 42.

⁵⁶³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. 1994. Т. 2. с. 583. прим. 32.

письма Цицерона, где упоминается о разводе Помпея: «Помпей, несомненно, очень дружелюбно расположен ко мне. Все чрезвычайно одобряют его развод с Муцией. Ты, я думаю, слышал, что Публия Клодия, сына Аппия, застали переодетым в женское платье в доме Гая Цезаря во время жертвоприношения за народ и что маленькая рабыня безопасно вывела его из дома; дело это чрезвычайно позорное. Я уверен, что ты очень удручен им»⁵⁶⁴.

Если воспринять этот отрывок письма как изложение взаимосвязанных событий, т.е. «развод [Помпея] с Муцией [из-за того], что Публия Клодия, сына Аппия, застали переодетым в женское платье в доме», то мы приблизимся к пониманию того, что в действительности произошло 3 декабря 62 г. в доме Цезаря. Попытаемся доказать, что в тот день Публий Клодий должен был встретиться с женой Помпея Муцией.

Во-первых, хотя нигде нет прямого упоминания о том, что Муция присутствовала либо отсутствовала в тот день в доме Цезаря, фактический статус «первой леди» Рима делал присутствие Муции на религиозном празднике дня Доброй богини, в котором принимали участие многие знатные римские матроны, обязательным.

Во вторых, Муция была... сводной сестрой Клодия (Муция была двоюродной сестрой Клодия, кроме того ее брат Метелл Целер был женат на Клодии, родной сестре Публия Клодия⁵⁶⁵). Можно было бы утверждать, что этот факт в корне отрицает версию их неудавшегося свидания в доме Цезаря, если бы не... репутация самого Клодия. Для тех, кто считает причиной краха республики падение нравов в Древнем Риме, да и не только для них, Публий Клодий⁵⁶⁶ является образцовым развратником... его публично обвиняли в кровосмесительной связи с собственными сестрами⁵⁶⁷. В данном случае важно обратить внимание на момент, когда в глазах римлян репутация Клодия оказалась безвозвратно запятнанной. До своего «галантного» преступления он привлекает наше внимание участием в 73 г. в войне со Спартаксом и агитацией в 67 г. среди солдат Лукулла на Митридатовой войне. На гражданском поприще он запомнился инициированием в 65 г. *praevaticatio* против Катилины⁵⁶⁸, что позволило тому снять с себя судебное обвинение и выставить в 64 г. кандидатуру на консульских выборах. Во время борьбы Цицерона с Катилиной в 63 г. Клодий «оказывал консулу

⁵⁶⁴ Cic. Att. I. 12. 3. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁶⁵ Cic. Fam. V. 2. 6. Квинту Цецилию Метеллу Целеру, в провинцию Цисальпийскую Галлию. Рим, конец января – начало февраля 62 г.; Cic. P. red. in sen. 25. Речь в сенате по возвращении из изгнания. 5 сентября 57 г.; Cic. pro dom. 7. Речь о своем доме. В коллегии понтификов, 29 сентября 57 г.

⁵⁶⁶ Характеристику Клодия и его деятельности см. напр.: Машкин Н.А. Принципат Августа. М.-Л. 1949. с. 28-35.

⁵⁶⁷ Plut. Caes. 10; Cic. 29.

⁵⁶⁸ Cic. Att. I, 2, 1. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, после 17 июля 65 г.

[Цицерону] самую ревностную поддержку и зорко оберегал его от покушений»⁵⁶⁹, хотя впоследствии Цицерон называл Клодия «близким приятелем Катилины»⁵⁷⁰. Публичные же утверждения о кровосмесительных связях Клодия впервые прозвучали в начале 61 г., а именно на судебном процессе по святотатству в доме Цезаря: «Луций Лукулл, произведя допросы, клятвенно заявил, что, как он дознался, Клодий совершил нечестивое блудодеяние с родной сестрой»⁵⁷¹; «неблагоприятные для Клодия показания дали многие из лучших людей Рима, избличая его в ложных клятвах, мошенничестве, подкупе народа и совращении женщин. Лукулл даже представил суду рабынь, которые утверждали, что Клодий находился в связи с младшею из своих сестер, в пору, когда та была женою Лукулла [который развелся в 61 г., т.е. после скандала в доме Цезаря]. Впрочем, упорно говорили, будто он спал и с двумя другими сестрами – Терцией, супругою Марция Рекса, и Клодией, мужем которой был Метелл Целер [...]. Именно этой сестре Клодий во многом был обязан своею худой славой»⁵⁷²; «наиболее влиятельные сенаторы выступили [на процессе] против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла»⁵⁷³. Обратим внимание, что, говоря о связях Клодия с сестрами, ни разу не упоминается имя Муции, что, скорее всего, было обусловлено тем, что она была, пусть и бывшей, женой могущественного Помпея, триумфально вернувшегося с восточного похода. В письмах Цицерона, где упоминаются Клодия и Муция – сестры Клодия, в начале 62 г. он не без гордости писал Метеллу Целеру следующее: «я вступил в переговоры с твоей женой Клавдией [Клодией] и вашей сестрой Муцией, приязнь которой ко мне, ввиду моих дружеских отношений с Гнеем Помпеем, я давно усмотрел во многом»⁵⁷⁴, зато после написанного 1 января 61 г. письма Цицерон больше ни разу не рискнул назвать их по имени, ограничиваясь намеками «сестра», «волоокая» и «Бооптида», под которыми считается, что он имел в виду Клодию. Таким образом, репутацию кровосмесителя Публий Клодий приобрел именно после злополучного для себя посещения дома Цезаря.

Выше мы уже отметили, что дом Цезаря в тот день был не самым удачным местом для любовного свидания. Если забыть амурную оценку совершенного 3 декабря 62 г. «святотатства», то возникнет вопрос: Для чего Публий Клодий тайно прибыл в дом Цезаря на встречу со своей сводной сестрой Муцией, женой Помпея?

⁵⁶⁹ Plut. Cic. 29.

⁵⁷⁰ Cic. De har. r. 44.

⁵⁷¹ Cic. Pro Milo. 73. Речь в защиту Тита Анния Милона. Апрель 52 г.

⁵⁷² Plut. Cic. 29.

⁵⁷³ Plut. Caes. 10.

⁵⁷⁴ Cic. Fam. V. 2. 6. Квинту Цецилию Метеллу Целеру, в провинцию Цисальпийскую Галлию. Рим, конец января – начало февраля 62 г.

Для ответа на этот вопрос нужно принять во внимание время, когда произошло это событие, имея ввиду, конечно же, не сам праздник Доброй богини, а политическую обстановку: в Италии вот-вот должен высадиться Помпей. Тревога, связанная с его возвращением, охватывала не только противников, но и сторонников Помпея, который должен был находиться в интенсивной переписке со своими людьми в Риме, получая информацию о настроениях в городе и давая необходимые поручения. Мог ли Публий Клодий, встретившись с Муцией в доме Цезаря, забрать конфиденциальное письмо от Помпея? Вполне. Согласитесь, что если бы Клодий случайно не был схвачен, никто никогда бы не догадался, что в тот день он получил секретное письмо от Помпея. В таком случае возникает вопрос, что за секретное письмо мог написать Клодию Помпей, чтобы из-за провального срыва в процессе передачи этого письма на развод подали сначала сам римский военачальник, а затем и Юлий Цезарь?

Забегая несколько вперед, отметим, что Клодий, после того как был оправдан судом, с начала 60 г., будучи представителем древнего и знатного рода, предпринял несколько попыток перейти в плебеи, пока в 59 г. не добился своего и был избран в народные трибуны 58 г., и, вступив в эту должность, ... добился изгнания Цицерона за казнь катилинариев... Если мы утверждаем, что Катилина всегда действовал в интересах Помпея, то для последнего, как мы отметили выше, наказание Цицерона за расправу над Катилиной, да и не только за это, должно было стать одной из главных задач уже в 62 г. и этого наказания Помпеем Цицерона ждали, как мы увидим, все катилинарцы.

Наверняка наиболее справедливым, особенно для оставшихся в Риме сторонников Катилины, было бы убийство Цицерона, но Помпей не мог позволить этого исходя из следующих соображений: 1) убийство Цицерона дестабилизировало бы ситуацию в Риме и могло спровоцировать непредсказуемые последствия, что было нежелательно, особенно в условиях, когда цель, ради которой, собственно, была пролита кровь Катилины и его сторонников, не достигнута – вопрос о наделении ветеранов землей не решен; 2) кроме того, учитывая авторитет Цицерона в народе, после смерти он предстал бы в ореоле мученика, что в дальнейшем сделало бы невозможным реабилитацию Катилины и его сторонников; 3) и, наконец, любое убийство может оказаться неудавшимся или быть раскрытым (все предпринимавшиеся ранее катилинарцами попытки убить Цицерона были пресечены), что представляло непосредственный риск для самих заказчиков.

Поэтому было решено добиваться изгнания Цицерона, что позволяло объявить его преступником и в какой-то степени реабилитировать Катилину и его последователей. Напомним, что первая попытка добиться изгнания Цицерона, предпринятая в конце 63 г. Метеллом Непотом, народным трибуном и шурином Помпея, потерпела фиаско и закончилась, с одной сторо-

ны, решением сената объявить врагом государства всякого, кто впредь будет пытаться привлечь к суду участников казни катилинарцев⁵⁷⁵, с другой – провозглашением Цицерона отцом отечества⁵⁷⁶. Теперь требовалось, чтобы на должность народного трибуна был избран человек, который, не побоявшись сенатского запрета, согласился бы инициировать привлечение Цицерона к суду и сумел бы добиться его изгнания. Соискатель трибуната должен был быть незнатного рода, т.е. принадлежать к плебсу. В распоряжении Помпея, несомненно, имелись ряд доверенных людей, которые согласились бы взяться за его поручение, но проблема заключалась в том, что те из них, кто были при его армии, автоматически воспринимались бы как действующие по указке Помпея (что вызвало бы опасные подозрения, поскольку до сих пор его политические оппоненты не догадывались о его связях с Катилиной, и, максимум, воспринимали законопроект Метелла Непота о призыве Помпея для подавления Катилины как желание того извлечь выгоду для себя из складывающейся в Риме ситуации): иначе какое дело долго отсутствовавшему в Риме народному трибуну до заговора Катилины, подавленного в его отсутствие. Те же, к кому Помпей мог бы обратиться в Риме, и которые при этом не идентифицировались бы как помпеянцы, ничего не знали об истинной подоплеке претензий к Цицерону. Таким образом, для изгнания Цицерона требовалось особо доверенное лицо, которое знало бы истинную причину этого поручения, было бы уверенным в его справедливости, настойчивым до конца в приведении его в исполнение и не воспринималось бы в качестве помпеянца. Поскольку подходящих кандидатур из представителей плебса не оказалось, Помпей, «имея время более тщательно обдумать дело», решил поручить миссию судебной расправы над Цицероном своему дальнему родственнику, квестору 62 г. Публию Клодию, которому, как представителю знатного и древнего рода, чтобы получить право выдвинуть свою кандидатуру в народные трибуны, сначала необходимо было перейти в сословие плебеев.

Здесь следует несколько слов сказать о том, каким образом Помпей мог поддерживать связи со своими сторонниками в Риме и отдавать им поручения. Прямых данных о том, что Помпей, находясь на востоке, поддерживал отношения с кем-то, за исключением Метелла Непота, в Риме нет. Довольно распространенным является мнение, что, находясь далеко на Востоке на войне, Помпей никак не влиял на события в Риме, а проводником его интересов выступал... Цицерон. Однако отсутствие таких данных свидетельствует, на наш взгляд, не о том, что таких связей не было, а о том, что эти связи удавалось держать в тайне. Думается, при нежелательности личного посещения Помпея в Азии либо прямой переписки с нужными

⁵⁷⁵ Dio. XXXVI. 42.3.

⁵⁷⁶ Plut. Cic. 23; App. II. 7.

людьми в Риме, наиболее удобным и безопасным было доставлять секретные письма в составе личной корреспонденции Помпея, предназначенной для его жены Муции. Эти письма конечные адресаты могли забирать при посещении Муции в доме Помпея. Отсюда, кстати, вполне могло сложиться мнение о том, что Муция изменяла своему супругу⁵⁷⁷, в том числе и с Юлием Цезарем⁵⁷⁸.

Личная встреча с Клодием, после которой тот должен был начать преследование Цицерона, могла повредить решению стоящей задачи и навлечь подозрения на Помпея. Деликатность же задания, предполагавшего отказ Клодия от своего знатного родства, требовала, чтобы тот получил личную санкцию Помпея, который решил написать Клодию секретное письмо, в котором поставил перед ним задачу до прибытия Помпея в Рим начать процедуру перехода в плебеи, с тем, чтобы получить право баллотироваться в народные трибуны 60 г. и затем, став народным трибуном, добиться принятия в народном собрании закона об изгнании Цицерона за внесудебную расправу над катилинариями. Письмо это, соблюдая конспирацию, необходимо было передать Клодию, который после ознакомления должен был уничтожить его. Поскольку нежелательным было даже посещение Клодием дома Помпея в Риме, то письмо Муция должна была передать Клодию 3 декабря 62 г. в доме Цезаря, куда тот должен был проникнуть в женском одеянии во время празднования там дня Доброй богини⁵⁷⁹.

Таким образом, события в тот день развивались следующим образом. За несколько дней до дня Доброй богини квестору Публию Клодию сообщили, что в Рим для него от Помпея доставлено срочное письмо, которое, ввиду секретности, тот должен забрать на религиозном празднике в доме Цезаря лично из рук Муции, жены Помпея.

Ночью 3 декабря Клодий, переодевшись в арфистку, подошел к дому Юлия Цезаря. Найдя двери открытыми, он незамеченным был проведен в дом одной из служанок Цезаря, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Муцию. После долгого безрезультатного ожидания забеспокоившийся Клодий решил попробовать самостоятельно найти свою сестру. В момент, когда он пробирался по одному из темных

⁵⁷⁷ Plut. Pomp. 24. Римский поэт Катулл, влюбленный, как считается, в Клодию, сестру Клодия, в 55 г. писал о Муции: «В пору, мой Цинна, когда Помпей стал консулом, двое

Спали с Мециллой. Теперь консулом стал он опять.

Двое остались при ней, но выросла тысяча рядом

С каждым их них. Семена мечет обильно разврат».

⁵⁷⁸ Suet. Caes. 50.

⁵⁷⁹ Два года назад, 3 декабря 64 г., в Рим мог быть доставлен и утвержденный Помпеем окончательный текст законопроекта Рулла, вынесенный на обсуждение 12 декабря 64 г.: «Между тем они [авторы законопроекта Рулла] не переставали тайно собираться, приглашать кое-кого из частных лиц и устраивать тайные собрания под покровом ночи и в уединенных местах». Cic. De leg. agr. II. 12.

коридоров, с ним столкнулась служанка Аврелии, матери Цезаря, которая, приняв его за гостя, стала приглашать его принять участие в играх, интересуясь кто «она». Не желая идти за ней, Клодий сказал, что ожидает Аbru, служанку Помпеи, жены Цезаря, и своим голосом тут же выдал, что в доме мужчина. Служанка Аврелии побежала к залу с женщинами, крича, что в доме мужчина, из-за чего, собственно, и начался переполох. Мать Цезаря Аврелия приказала прекратить исполнение таинств, велела прикрыть святыни и запереть все двери. При обходе дома Клодий был обнаружен в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом. Обступившие его толпой женщины наперебой спрашивали, кто он и что он здесь делает. Видимо, растерявшийся Клодий решил, что не будет ничего предосудительного, если он признается, что пришел к Муции, собственной сестре. Естественный вопрос, зачем же он явился к собственной сестре в женской одежде, должно быть, поставил его в тупик. Скорее всего, в этот момент на помощь Клодию пришли некоторые женщины, которые своими криками подняли панику до тех пор, пока, по словам Цицерона, «рабыни из милости не выпустили его оттуда, куда ему нельзя было входить»⁵⁸⁰. Разойдясь по домам, женщины еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся⁵⁸¹.

Полагаем, той же ночью к Помпею, флот которого уже был недалеко от Италии, было отправлено срочное донесение. На следующий день, когда Помпей обдумывал подробности своих действий после триумфального появления в Риме, к его кораблю пристало судно с гонцом. Прочитав содержание донесения, он... должно быть, опешил. Его тайное письмо Клодию чуть не попало в чужие руки, а Клодий, обнаруженный в доме Цезаря в женской одежде, признался, что прибыл туда на встречу с Муцией... Возникла масса вопросов. Какой будет реакция на этот скандал в Риме, произошедший в присутствии стольких знатных женщин? К каким выводам они пришли, а главное, к каким выводам придут их мужья, когда их жены расскажут о случившемся? Рассудив, им не трудно будет догадаться о том, что Клодий должен был получить у своей сестры какое-то важное письмо от Помпея, который вот-вот должен прибыть в Италию со своей армией? Тогда возникнет вопрос, что заставило Помпея писать тайные письма своему родственнику, и какой же страшной должна быть тайна этого письма, что Клодий отправился за ним не в дом Помпея, а, нарядившись в женские одежды, тайно проник в дом Цезаря? Раз за разом обдумывая случившееся, Помпей понимал, что он на грани неминуемого разоблачения. Он уже начал задумываться над тем, что следует предпринять на случай самого неприятного оборота событий в Риме. Главное, что в этой ситуации он не был безоружным, с ним в Италию плыла его пятидесятитысячная армия. Но...

⁵⁸⁰ Cic. De har. r. 44.

⁵⁸¹ Plut. Caes. 10.

неужели гражданская война?.. Неужели нельзя избежать ее? Война из-за какой-то мизерной, непредвиденной случайности... из-за того, что Клодий оказался пойманным в женской одежде в доме Цезаря? Нет, даже не из-за этого, а из-за того, что Клодий назвал имя Муции, жены Помпея? Если бы он назвал имя любой другой женщины, все можно было бы представить как любовное похождение одержимого страстью Клодия? Но кому придет в голову предположить подобное по отношению к Муции – сестре Клодия?.. Впрочем... Тщательно обдумав, Помпей рекам крови предпочел ушаты грязи, которые, впрочем, лично его обойдут стороной... Он послал Муции разводное письмо⁵⁸². Его сторонникам в Риме был отправлен приказ усиленно распространять в городе слухи, что Клодий приходил в дом Цезаря на любовное свидание со своей сестрой Муцией, женой Помпея. Флоту был отдан приказ сбавить скорость, для того, чтобы Помпей имел возможность дожидаться реакции в Риме на принятые решения и уже после этого решить, распускать армию или нет.

За время, пока Помпею доставлялось известие о святотатстве и он принял ответные меры, по всему Риму всюду уже распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами⁵⁸³.

Для помпеянцев в Риме, не знавших пока о решениях Помпея, наиболее логичным было ожидать, что он будет очень скоро разоблачен и, как следствие, именно от них, полагаем, «в Риме шли о Помпее всевозможные слухи, и еще до его прибытия поднялось сильное смятение, так как опасались, что он поведет тотчас свое войско на Рим и установит твердое единовластие»⁵⁸⁴, т.е. война помпеянам казалась неизбежной. Именно поэтому Красс, забрав с собой семью и деньги, срочно уехал из Рима⁵⁸⁵. Пока противники Помпея были заняты добыванием и сопоставлением информации о случившемся «святотатстве» Клодия, и еще не представляли себе последствий этого события, в Рим Муции было доставлено разводное письмо Помпея, а по городу усиленно стали распространяться слухи о том, что Клодий приходил в дом Цезаря для любовного свидания с женой Помпея.

Убедившись, что тон сплетен задан в нужном направлении, так как «все чрезвычайно одобряют его развод с Муцией»⁵⁸⁶, Помпей высадился с армией в Брундизии. Сразу же собрав все войско, он обратился к воинам с подходящей к случаю речью, в которой поблагодарил их за верную службу отечеству и «приказал разойтись по домам, помня о том, что нужно будет

⁵⁸² Plut. Pomp. 42.

⁵⁸³ Plut. Caes. 10.

⁵⁸⁴ Plut. Pomp. 43.

⁵⁸⁵ Plut. Pomp. 43.

⁵⁸⁶ Cic. Att. I. 12. 3. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

вновь собраться для его триумфа»⁵⁸⁷. Войско послушно разошлось, как мы полагаем, по двум причинам: во-первых, еще в Сирии он заплатил каждому легионеру по тысяче пятьсот аттических драхм, и, во-вторых, так как доверяли Помпею, который в 70 г. обеспечил наделение своих испанских ветеранов землей. В сопровождении небольшой свиты Помпей не спеша направился к Риму. Жители попутных городов, видя, что Помпей Магн возвращается, как будто из обычного путешествия, из любви к нему толпами устремлялись навстречу ему и провожали его до Рима, так что «он шел во главе большей силы, чем та, которую он только что распустил»⁵⁸⁸.

Казалось, что, несмотря на продолжавшиеся пересуды в городе по поводу кощунства Клодия, Помпею удалось избежать неприятных последствий. Между тем, против Цицерона был задействован еще один план, так как его изгнание за казнь катилинариев планировалось осуществить в лучшем случае в 60 г., а от Помпея его сторонники ждали немедленной расправы над консуляром. Решено было привлечь его к судебной ответственности за разграбление Македонии. Напомним, что еще в начале своего консульства Цицерон, которому была назначена в управление Македония, отказался по завершении своих полномочий покидать Рим. Тогда же он поспособствовал, чтобы предназначенная ему провинция была передана его коллеге Гаю Антонию⁵⁸⁹, который, как мы уже знаем, был соучастником заговора Катилины и который, по поручению сената, вынужден был силой подавить армию мятежников и во время консульства никак не смог противодействовать расправе Цицерона над заговорщиками. В частных беседах он оправдывался, ссылаясь на то, что Цицерон «собрал сведения»⁵⁹⁰ о заговоре и он, как высшее должностное лицо, вынужден был обеспечить выполнение решений сената.

Суть плана сводилась к следующему: Гай Антоний должен был приступить к неприкрытому разграблению провинции и, будучи привлеченным к суду, заявить, что он действовал также в интересах Цицерона. Благо для того, чтобы оговорить последнего, на этом процессе имелись весомые косвенные улики. В конце 62 г. Цицерон влез в большие долги и купил у Красса за 3,5 миллиона сестерциев дом⁵⁹¹. В письме, отправленном 10 декабря 62 г. в Македонию проквестору Публию Сестию, Цицерон неосторожно жаловался: «у меня вследствие этого столько долгов, что я жажду участвовать в заговоре, если бы только кто-нибудь принял меня»⁵⁹². Кроме того, в начале декабря сенат хотел отозвать Гая Антония из Македонии, но

⁵⁸⁷ Plut. Pomp. 43.

⁵⁸⁸ Plut. Pomp. 43.

⁵⁸⁹ Plut. Cic. 12.

⁵⁹⁰ Cic. Fam. V. 5. 2. Гаю Антонию Гибриде, в провинцию Македония. Рим, январь 61 г.

⁵⁹¹ Cic. Fam. V. 6. 2. Публию Сестию, в провинцию Македонию. Рим, после 10 декабря 62 г.

⁵⁹² Cic. Fam. V. 6. 2. Публию Сестию, в провинцию Македонию. Рим, после 10 декабря 62 г.

Цицерон «защищал его в сенате со всей убедительностью и старанием и очень сильно повлиял на сенат своей речью и авторитетом»⁵⁹³. Таким образом, в суде можно было представить дело таким образом, что влезший в долги Цицерон был готов на любое преступление, вследствие чего он настоял на сохранении Македонии за Гаем Антонием, который грабил провинцию в его интересах. Свидетельствовать же против Цицерона должен был его же вольноотпущенник и, по совместительству, клиент Аттика – счетовод по имени Гилар, который находился в Македонии и слыл там своим человеком у Гая Антония. Последний часто говорил при свидетелях, что «по его сведениям, в собираемых деньгах есть доля для меня [Цицерона] и что я [Цицерон] послал вольноотпущенника для охраны общей добычи»⁵⁹⁴. В результате этих свидетельств, согласно плану, суд должен был приговорить обоих, Цицерона и Гая Антония, как в 70 г. Верреса, к изгнанию. Собственную вину за участие в подавлении мятежа Катилины Гай Антоний, таким образом, должен был искупить, добившись изгнания Цицерона и удалившись в изгнание сам.

Казалось, что все шло по плану, появившиеся в Риме посланцы Помпея заявили, что «он будет открыто настаивать на смещении Антония, и в то же время претор обратится к народу с предложением об этом [привлечении проконсула к суду за вымогательства]»⁵⁹⁵. Узнав об этом, Цицерон, которому его доброжелатели также сообщили, что на процессе против него даст показания его собственный вольноотпущенник Гилар⁵⁹⁶, обратился к Аттику в Афины с просьбой: «удали этого бездельника [Гилара] из тех мест [Македонии], если есть возможность»⁵⁹⁷. К самому Гаю Антонию консуляр направил своего близкого друга Тита Помпония Аттика (именно с ним в основном переписывался оратор), который должен был устно сообщить о том, что Цицерону известно о том, что против него затевается, и предостеречь наместника Македонии от реализации этих планов⁵⁹⁸. Таким образом, и эта попытка привлечь Цицерона к суду за вымогательства оказалась пресеченной.

В начале 61 г. Квинт Корнифиций внес на рассмотрение сената вопрос о привлечении Клодия к суду за оскорбление религии из-за прерванного им 3 декабря 62 г. священного жертвоприношения весталок в доме Цезаря⁵⁹⁹. Последовавшее заключение о случившемся весталок и понтификов, к которым сенат сделал соответствующий запрос, подтвердило факт кощунства.

⁵⁹³ Cic. Fam. V. 6. 3. Публию Сестию, в провинцию Македонию. Рим, после 10 декабря 62 г.

⁵⁹⁴ Cic. Att. I. 12. 2. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁹⁵ Cic. Att. I. 12. 1. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁹⁶ Cic. Att. I. 12. 2. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁹⁷ Cic. Att. I. 12. 2. Титу Помпонию Аттику, в Афины. Рим, 1 января 61 г.

⁵⁹⁸ Cic. Fam. V. 5. Гаю Антонию Гибриде, в провинцию Македонию. Рим, январь 61 г.

⁵⁹⁹ Cic. Att. I. 13. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

Дело нужно было передавать на рассмотрение суда. Сенат поручил консулам подготовить к рассмотрению соответствующий законопроект. Дело принимало для Помпея крайне нежелательный оборот, так как если на суде Клодий и будет всячески отрицать обвинения в том, что он в тот день был в доме Цезаря и, соответственно, искал любовного свидания с Муцией, то в этом случае повиснет неприкрытый вопрос, которого до этого удавалось удачно избегать: Если это не было любовным свиданием, то зачем же он в женском одеянии должен был встречаться с Муцией? При таких обстоятельствах Цезарь известил свою жену о разводе. Развод, скорее всего не без согласия Помпея, призван был создать иллюзию о банальной измене неверной жены и предполагал помочь Клодию избежать нелिцеприятных вопросов об истинной цели визита в дом Цезаря. Теперь Клодий будет отрицать даже свое присутствие в Риме в тот день. На суде же огласят, что пойманный в доме Цезаря мужчина, оказывается, приходил к Помпее, жене Цезаря, из-за чего тот и развелся с ней. Таким образом, даже те, кто не поверят в эту версию, вместо того, чтобы выяснять, зачем же Клодий приходил к жене Помпея, будут заняты вопросом: «К кому приходил Клодий?», и даже оставаясь уверенными, что Клодий искал Муцию, имя которой на процессе никто не осмелится произнести, больше не будут вдаваться в подробности «Почему он искал этой встречи?».

Между тем, страсти накалялись. Консул Марк Писон, ставленник Помпея, формально выполняя решения сената, прилагал усилия вывести Клодия из под удара⁶⁰⁰. Сам Клодий лично обходил многих влиятельных граждан с просьбой о поддержке либо нейтралитете. Катон же, напротив, настаивал на скорейшем начале судебного заседания⁶⁰¹.

Помпей все это время продолжал находиться вне городских стен Рима, в ожидании разрешения на триумф. Чтобы сгладить неловкую ситуацию, когда полководец еще в начале декабря 62 г. триумфально вернулся из долгого похода и в течение вот уже двух месяцев находится у города, Писон вынужден был организовать заседание сената за чертами города, чтобы Помпей смог выступить с речью. Так как присутствовали люди самых разных политических взглядов, от сторонников Катилины до Цицерона, которые считали, что Помпей поддерживает именно их партию, то ему трудно было произнести речь, угодную всем, поэтому она оказалась нейтральной, если не сказать бессодержательной: «не приятная для бедняков, пустая для злонамеренных, не угодная богатым, не убедительная для честных; словом, она была принята холодно»⁶⁰².

⁶⁰⁰ Cic. Att. I. 13. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

⁶⁰¹ Cic. Att. I. 13. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

⁶⁰² Cic. Att. I. 14. 1. Титу Помпонию Аттику. Рим, 13 февраля 61 г.

Спустя несколько дней после этого народный трибун Фуфий вывел Помпея к народу и спросил его, согласен ли он с тем, чтобы претор назначил судей, которые и составят совет претора по делу Клодия⁶⁰³. Принципиальность вопроса сводилась к тому, что при отлаженной практике назначения путем жеребьевки угодных обвиняемой стороне судей обвинить состав суда в ангажированности становилось трудным: против жребия не поспоришь. Помпей произнес длинную речь перед народом в весьма аристократическом духе. Ответ же Фуфию свелся к тому, что «авторитету сената он [Помпей] придает и всегда придавал величайшее значение во всех делах»⁶⁰⁴.

Помпей вернулся к сенаторам и консул Мессала спросил, что он вообще думает о кощунстве Клодия и об обнародованном предложении по этому делу. Помпей опять произнес перед сенаторами длинную речь, в которой «вообще одобрил все постановления этого сословия»⁶⁰⁵. Когда Помпей вернулся на свое место, его взгляд пересекся с полными недоумения и растерянности глазами Цицерона... за весь день Помпей ни словом не обмолвился о его консульстве – о спасении им отечества от катастрофы, которое готовил Катилина, о сохраненном Цицероном отечестве, в которое теперь спокойно вернулся Помпей после долгого похода. В глазах Цицерона читалось предчувствие ужаса... Цицерона, который давно вжил в роль отца и спасителя отечества и всюду мог говорить и слушать об этом неустанно: «Ни сенату, ни народу, ни судьям не удавалось собраться и разойтись, не выслушав [от Цицерона] еще раз старой песни про Катилину и Лентула»⁶⁰⁶, ...который до этого прямо писал Помпею: «Я совершил действия, за которые ждал некоторого поздравления в твоём письме ради наших дружеских отношений, так и ради государства»⁶⁰⁷. Теперь же вернувшийся из триумфального похода Помпей в своих первых официальных речах, в которых он отчитывался о своём походе и излагал собственное видение положения в государстве, счёл возможным ничего не сказать о Цицероне... словно не было заговора Катилины, словно Риму не угрожали резня и погромы, словно Цицерон не рисковал собственной жизнью ради спасения отечества, чтобы выйти из этой схватки победителем, словно не было и консульства Цицерона, словно не было самого Цицерона...

Раньше в частных беседах в присутствии посторонних, когда разговор заходил о Цицероне, Помпей, «не посмеяв порицать [за подавление заговора

⁶⁰³ Cic. Att. I. 14. 1. Титу Помпонию Аттику. Рим, 13 февраля 61 г. Сам Фуфий ратовал за назначение судей согласно жребию.

⁶⁰⁴ Cic. Att. I. 14. 2. Титу Помпонию Аттику. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶⁰⁵ Cic. Att. I. 14. 2. Титу Помпонию Аттику. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶⁰⁶ Plut. Cic. 24.

⁶⁰⁷ Cic. Fam. V. 7. 3. Рим, апрель 62 г. Помпею.

Катилины], нач[ин]ал хвалить» консуляра⁶⁰⁸, а при личной встрече с Цицероном открыто демонстрировал, что высоко ценит его, обнимает, хвалит и, вместе с тем, «втайне, но так, что это очевидно, относится недоброжелательно»⁶⁰⁹. Но теперь, в присутствии сенаторов, усевшись на место, Помпей лишь сказал Цицерону, сидевшему рядом, что «он, по его мнению, достаточно ответил «по поводу этих дел»⁶¹⁰. Это все, что Помпей счел нужным сказать в сенате о консульстве Цицерона. Возникла пауза... Было видно, что если Цицерон не услышит для себя чего-нибудь более обнадеживающего, то с ним случится истерика. Помпей молчал... Чтобы разрядить неловкую ситуацию и упредить провокационное требование Цицерона к Помпею конкретнее высказаться о его консульстве, в дело вынужденно вмешался нерастерявшийся Красс, который взял слово и заявил, что «тем, что он сенатор, что он свободный человек, что он вообще жив, он обязан мне [Цицерону]; всякий раз, как он видит жену, видит свой дом, видит отечество, он видит мое благодеяние»⁶¹¹.

Обратим внимание, что из приведенного фрагмента речи Красса, а Цицерон наверняка цитировал кульминационную ее часть, отнюдь не следует, что Красс признает за Цицероном «спасение отечества»: речь идет о частной благодарности за спасение собственной жизни. Действительно, именно Цицерон оградил Красса от подозрения в соучастии в заговоре Катилины. Поэтому произнесенная благодарность имела конкретный и частный характер: те, кто знал реальную подоплеку событий, должен был воспринять ее именно так, остальные же, в том числе и Цицерон, – как общее признание заслуг Цицерона перед отечеством.

Слов Красса хватило для того, чтобы Цицерон пришел в себя. В охватившем его экстазе от мысли, что его деятельность как консула одобряется, он произнес эмоциональную речь: «Этот день сблизил меня с Крассом; однако я охотно принял и все то, что более или менее скрыто дал мне тот, другой [Помпей]. А сам я, всеблажие боги, до чего я *разошелся* при новом слушателе в лице Помпея! Если я когда-либо был особенно богат *периодами*, богат *переходами*, богат *внезапными мыслями*, богат *доводами*, то именно в этот день. Что еще? Крики одобрения. Моя *основная мысль* была следующей: значение сословия сенаторов, согласие с всадниками, единодушие в Италии, затухание заговора, понижение цен, гражданский мир»⁶¹².

Во время выступления Красса Помпей плохо скрывал свое волнение, полагая, что его позиция будет превратно понята его сторонниками. Цицерон это волнение воспринял как озабоченность Помпея «не завоевывает ли

⁶⁰⁸ Cic. Att. I. 13. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

⁶⁰⁹ Cic. Att. I. 13. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 25 января 61 г.

⁶¹⁰ Cic. Att. I. 14. 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶¹¹ Cic. Att. I. 14. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶¹² Cic. Att. I. 14. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

Красс признательности, которую он сам упустил, или же моя деятельность настолько значительна, что сенат охотно слушает похвалы ей, особенно от человека, который тем менее обязан восхвалять меня, что все мои письма с восхвалением Помпея должны были задеть его»⁶¹³. Отметим, что консул Писон, инициатор встречи Помпея с народом и сенатом, «возненавидел Помпея после той речи перед народом, в которой тот воздал хвалу сенату»⁶¹⁴.

В феврале 62 г. должно было состояться голосование в народном собрании по законопроекту сената о назначении судей по делу Клодия. Приверженцы Катилины под предводительством Куриона активно агитировали против предложений сената. Консул Писон выступил против внесенного им же самим постановления. Народ уже склонялся отклонить предложение сената. Тогда Катон произнес речь, в которой обрушился на консула Писона и призвал народ поддержать сенат. С аналогичным призывом высказался Квинт Гортензий. За ними выступили другие влиятельные ораторы. Голосование было сорвано, а народное собрание распущено. После этого снова был созван сенат, где Писон призвал отозвать сенатский законопроект, а Клодий «бросался в ноги каждому сенатору по очереди». Народный трибун Фурий трижды пытался наложить интерцессию на постановление сената. Но сенат, четырьмястами голосами за, при пятнадцати воздержавшихся, принял постановление, поручавшее консулам обеспечить принятие законопроекта народным собранием, и до исполнения этого не рассматривать никаких других вопросов⁶¹⁵, т.е. рассмотрение законодательных инициатив Помпея автоматически откладывалось до завершения суда над Клодием. В ответ Клодий произнес речь, полную оскорблений Гортензия, консулов Писона и Мессалы, а Цицерона обвинил в том, что тот «собрал сведения» о заговоре Катилины.

Еще несколько недель судьба законопроекта о назначении судей оставалась предметом ожесточенных споров, пока, наконец, Гортензий не предложил пойти на уступки, убедив сенаторов, что «обвиняемый не сможет ни при каких судьях ускользнуть»⁶¹⁶. Таким образом, состав многочисленного суда в целом был сформирован из лояльных к обвиняемому судей и в мае начались слушания по делу Клодия.

На суде против Клодия показания дали многие знатные римляне, «изобличая его в ложных клятвах, мошенничестве, подкупе народа и совращении женщин»⁶¹⁷. Лукулл, который недавно развелся с младшей сестрой Клодия, представил вниманию суда рабынь, которые утверждали, что Кло-

⁶¹³ Cic. Att. I. 14. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶¹⁴ Cic. Att. I. 14. 6. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶¹⁵ Cic. Att. I. 14. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 13 февраля 61 г.

⁶¹⁶ Cic. Att. I. 16. 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶¹⁷ Plut. Cic. 29.

дий находился в связи с младшей из своих сестер, в пору, когда та была женой Лукулла. Что же касается существа обвинения в святотатстве, сам Клодий придерживался того, что «его тогда [3 декабря 61 г.] и в Риме-то не было и он находился в своих самых отдаленных поместьях»⁶¹⁸. Цицерон же в своих показаниях заявил, что как «раз накануне [святотатства] Клодий приходил к нему и о чем-то беседовал»⁶¹⁹.

Одними из главных стали свидетельские показания Аврелии, матери Цезаря. В ее изложении события, полагаем, были представлены следующим образом. Во время празднеств в дом проник облаченный в женскую одежду Клодий и попросил служанку Арбу привести к нему ее хозяйку Помпею, жену Цезаря. Не вытерпев томительного ожидания, Клодий вышел из комнаты служанки, чтобы самостоятельно найти Помпею, и своим голосом выдал себя служанке Аврелии, которая сразу закричала, что в доме находится мужчина. Когда бывшие в доме женщины после поисков обнаружили Клодия в одной из комнат и стали его расспрашивать, что он здесь делает, он сказал, что пришел к одной из своих сестер, после чего из-за возникшей суматохи ему удалось вырваться и бежать из дома. Однако, как потом выяснила Аврелия при допросе Арбы, служанки Помпеи, в действительности Клодий приходил на свидание с женой Цезаря, а имя своей сестры Клодий назвал женщинам только из-за того, что не хотел компрометировать жену Цезаря.

Сестра Цезаря подтвердила показания матери, а сам Цезарь заявил судьям, что «ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия»⁶²⁰. На вопрос обвинителя: «Но почему же тогда ты развелся со своей женой?», последовал ответ: «Потому что на мою жену не должна падать даже тень подозрения»⁶²¹.

Таким образом, показаниями матери и сестры Цезаря от внимания суда была успешно устранена Муция, жена Помпея. Вместе с тем, их свидетельства подтверждали, что Клодий, придя на любовное свидание с женой понтифика, да еще в день религиозного праздника, совершил святотатство, т.е. обвиняемый подлежал осуждению. На завершающей стадии процесса в дело вмешался Красс. В течение двух дней до вынесения вердикта суда он, при помощи одного раба и человека из школы гладиаторов, устроил все дело: «позвал, посулил, похлопотал, дал», т.е. к каждому судье персонально подходили и предлагали любую сумму денег. «Более того (всеблагие боги! какое падение!), даже ночи определенных женщин и доступ к знатным

⁶¹⁸ Plut. Cic. 29.

⁶¹⁹ Plut. Cic. 29.

⁶²⁰ Plut. Caes. 10.

⁶²¹ Plut. Pomp. 43.

юношам были в полной мере к услугам некоторых судей в виде прибавки к оплате»⁶²².

При вынесении приговора Клодию голоса судей распределились следующим образом: тридцать один – оправдать, двадцать пять – признать виновным, остальные судьи испортили бюллетени для голосования⁶²³. Катул, увидев возвращавшегося из суда одного из судей, голосовавшего за оправдательный приговор, с укором спросил его: «Почему вы требовали от нас охраны? Не из страха ли, что у вас отнимут деньги?»⁶²⁴. Вскоре Цицерон в присутствии удрученных исходом суда сенаторов выступил с речью: «отцы-сенаторы от одного удара не должны пасть духом, проявить слабость; рана эта такова, что ее, мне кажется, нельзя ни скрыть, ни слишком испугаться, чтобы нас не сочли великими глупцами, если мы не отдадим себе отчета в ней, и совершенно малодушными, если испугаемся ее; дважды был оправдан Лентул, дважды Катилина, это уже третий, кого судьи выпускают на государство»⁶²⁵. Обращаясь к оправданному, он продолжил: «Ты ошибаешься, Клодий, судьи сохранили тебя не для Рима, а для тюрьмы, и хотели не удержать тебя в государстве, а лишить возможности удалиться в изгнание. Поэтому воспряньте духом, отцы-сенаторы, поддержите свое достоинство; остается еще то славное согласие между честными гражданами; горе постигло честных граждан, но их доблесть не ослабела; никакого нового ущерба не нанесено, но обнаружен тот, который уже был; при суде над одним погибшим человеком найдено много подобных ему»⁶²⁶.

В связи с делом Публия Клодия задержалось назначение провинций преторам 62 г. Теперь Цезарь получил в управление Испанию и собирался немедленно выехать туда, однако кредиторы стали препятствовать его отъезду, требуя вернуть накопившиеся долги. Основная сумма долга Цезаря в 25 млн. динариев возникла в 65 г., во время его эдилитета, когда он, добываясь поддержки для помпеянцев, ввиду ожидаемого тогда внесения на обсуждение аграрного закона, тратил большие суммы на организацию дорогостоящих зрелищ, а также в 63 г., во время избрания в понтифики. Чтобы уладить долговые вопросы с кредиторами, он вынужден был обратиться за помощью. Помпей отказался помочь ему в этом вопросе, поскольку от потраченных Цезарем денег никакой пользы для решения ветеранского вопроса извлечено не было. Тогда Цезарь обратился к Крассу, который удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и дал поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов⁶²⁷. Удовлетво-

⁶²² Cic. Att. I. 16. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶²³ Cic. Att. I. 16. 5; Plut. Cic. 29.

⁶²⁴ Cic. Att. I. 16. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶²⁵ Cic. Att. I. 16. 9. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶²⁶ Cic. Att. I. 16. 9. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶²⁷ Plut. Caes. 11; Crass. 7; App. II. 8.

ренные в определенной степени кредиторы позволили Цезарю покинуть Рим, и он уехал в провинцию, «не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств»⁶²⁸.

Больше полугода Помпей находился на своей вилле в окрестностях Рима в ожидании триумфа, не предпринимая при этом видимых активных действий. Его авторитет заметно снизился. Молодежь, сочувствовавшая Катилине, полагая, что Помпей, ничего не предпринявший до сих пор против Цицерона, расположен к нему, в разговорах между собой презрительно называли его Гнеем Цицероном⁶²⁹.

Желая нейтрализовать одного из самых влиятельных политических противников – Катона, который «неизменно и с непоколебимым упорством противодействует его беззаконным начинаниям»⁶³⁰, Помпей, через его друга Мунатия, сообщил о своем желании породниться с ним, женившись на старшей его племяннице, а младшую взять в жены сыну⁶³¹. Несмотря на благосклонность своих родственниц к этому предложению, Катон сразу же отказал, ответив, с глубокой обидой: «Ступай, Мунатий, ступай и скажи Помпею, что Катона в сети гинекея не поймать! Но расположение его я ценю и, если он будет поступать справедливо, не откажу ему в дружбе, которая окажется прочнее всякого родства, однако заложников Помпеевой славе во вред отечеству не выдам!»⁶³². Потерпев неудачу в этом вопросе, Помпей, рассчитывая на отзывчивый характер Катона, стал подсылать к нему множество людей, которые просили его то сказать речь в защиту друга, то принять участие в третейском суде, то обнаруживалось еще что-нибудь неотложное, с тем, чтобы помешать ему присутствовать в сенате. Однако очень скоро, обнаружив злой умысел в этих просьбах, Катон стал отказывать всем, взявши за правило во время заседаний сената ничем иным не заниматься⁶³³.

Вскоре приближались очередные консульские выборы, между тем, из-за дела Клодия, Писону так и не представилась возможность даже внести на обсуждение аграрный закон для ветеранов. Помпей вынужден был переключить все силы на продвижение своего кандидата на должность консула 60 г. Ставка была сделана Луция Афрания, легата Помпея, принимавшего участие в большинстве его военных кампаний. Чтобы обеспечить его победу, Помпей прибегнул к подкупу: граждане приходили за деньгами в сады Помпея⁶³⁴. В Риме деньги от имени Помпея раздавал консул Писон, кото-

⁶²⁸ Suet. Caes. 18.

⁶²⁹ Cic. Att. I. 16. 11. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶³⁰ Plut. Cato min. 19.

⁶³¹ Plut. Cato min. 30; Pomp. 44.

⁶³² Plut. Cato min. 30.

⁶³³ Plut. Cato min. 19.

⁶³⁴ Plut. Pomp. 44.

рый держал дома специальных раздатчиков⁶³⁵. Хотя многие упрекали Помпея за то, что он поддерживал своих кандидатов не своим влиянием и дружескими отношениями, а золотом⁶³⁶, и за то, что высшую должность, которой сам добился своими великими деяниями, сделал продажной для тех, кто не мог завоевать ее доблестью⁶³⁷, по итогам состоявшихся 27 июля 61 г. выборов консулами 60 г. были объявлены Луций Афраний и Квинт Цецилий Метелл Целер, муж Клодии, сестры Публия Клодия.

Спустя два месяца, наконец, было дано разрешение на триумф, отправление которого Помпей приурочил к своему дню рождения в конце сентября 61 г. Два дня весь Рим наблюдал за невиданной по великолепию процессией⁶³⁸. Сначала были пронесены таблицы со списком стран и народов, над которым справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. Отдельно указывалось, что было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, восемьсот кораблей было захвачено у пиратов, тридцать девять опустошенных городов были заселены вновь. Особая таблица сообщала, что за счет завоеванных земель ежегодные доходы Рима возрастут с пятидесяти миллионов драхм до восьмидесяти пяти миллионов. Нескончаемым потоком шли колесницы и мулы, нагруженные военными трофеями, золотом, сокровищами, художественными изделиями, драгоценной утварью, произведениями искусства.

На следующий день в триумфальной процессии появился облаченный в одеяния Александра Македонского сам Помпей, который ехал на колеснице, украшенной драгоценными камнями. Создавалось впечатление, будто Помпей покорил весь обитаемый мир: так, первый триумф он получил за победу над Африкой, второй – над Европой, а этот, последний, – над Азией. Народ единогласно приветствовал его именем Великого⁶³⁹. Впереди его колесницы в триумфальной процессии вели знатных пленников – сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Аристовула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жен, заложников, взятых у албанов, иберов и царя Коммагены. В государственную казну Помпей внес 20 тысяч талантов, каждый солдат – участник войны – получил по шесть тысяч сестерциев, а своим легатам и квесторам он раздал в общей сложности более чем 3,5 тысячи талантов⁶⁴⁰.

⁶³⁵ Cic. Att. I. 16. 12. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶³⁶ Cic. Att. I. 16. 12. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, конец июня или июль 61 г.

⁶³⁷ Plut. Pomp. 44.

⁶³⁸ App. Mithr. 116-117; Plin. n. h. 37. 2, 6, 12; Plut. Pomp. 45; Liv. Per. CIII; Vell. II. 40.

⁶³⁹ Liv. Per. CIII.

⁶⁴⁰ Plut. Pomp. 45.

После столь эффектного триумфа Помпей неожиданно столкнулся с неприятной финансовой ситуацией. Накануне возвращения в Италию Помпей, будучи уверенным, что уже в 61 г. ему удастся добиться принятия аграрного закона о наделении своих ветеранов землями, подлежащими выкупу за счет доходов с новых провинций, задействовал свои связи среди всадников для стимулирования их к активному и щедрому участию в конкурсах по откупам доходов с этих провинций, с таким расчетом, чтобы заявленных денег хватило на реализацию аграрного закона. Заявленные всадниками откупные суммы намного превышали действительные возможности новых азиатских провинций. Очевидно, Помпей планировал эту разницу возместить за счет оставленной у себя военной добычи. Однако в условиях, когда аграрный закон в 61 г. так и не был принят, а откупщики не смогли собрать заявленных на аукционе средств, возникла ситуация, когда, несмотря на неудачу в аграрном вопросе, эти деньги должны были быть внесены в казну и, следовательно, израсходованы на другие цели. Таким образом, вместо решения одной крупной проблемы Помпей получил еще и вторую, дополнительно усложняющую первую. В этой ситуации в конце октября – начале ноября 61 г.⁶⁴¹ по предложению Красса в сенат от имени всадников, взявших на откуп азиатские провинции, поступила жалоба, которая требовала отмены соглашения об откупе, так как жалобщики, «увлеченные алчностью, взяли откуп по слишком высокой цене»⁶⁴². Катон воспрепятствовал рассмотрению жалобы в сенате. Неожиданно проявив солидарность с членами своего сословия, на стороне жалобщиков выступил Цицерон, который характеризовал ситуацию как «ненавистное дело, постыдное требование и признание в необдуманности»⁶⁴³. Он добился, чтобы для разбирательства 1 и 2 декабря 61 г. сенат собирался в полном составе и был настроен благоприятно. Против удовлетворения жалобы выступил избранный консул 60 г. Метелл, а также Катон⁶⁴⁴. Вопрос об откупе стоял настолько жестко, что парализовал деятельность сената.

В условиях неуступчивости сената, затягивавшего под влиянием Катона удовлетворение жалобы откупщиков, было принято решение сосредоточить все усилия на других неотложных вопросах.

В начале 60 г. Помпей предложил сенату суммарно утвердить все сделанные им ранее распоряжения на востоке. Против этого сразу же выступил Лукулл, предложив обсуждать их в отдельности, по пунктам. Его поддержали Квинт Метелл Критский, Катон и... Красс⁶⁴⁵. В отличие от других выступивших, последний, как мы полагаем, был не согласен именно с про-

⁶⁴¹ Cic. Att. I. 18. 7. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 20 января 60 г.

⁶⁴² Cic. Att. I. 17. 9. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.

⁶⁴³ Cic. Att. I. 17. 9. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.

⁶⁴⁴ Cic. Att. I. 17. 9. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.

⁶⁴⁵ Dio XXXVI. 49.

цедурой утверждения решений Помпея, считая, возможно, что в случае утверждения одним голосованием большого комплекса важных решений все они станут уязвимыми при оспаривании законности какого-либо одного из них. По итогам сенатских слушаний предложение было отклонено. Тогда Помпей, «желая приобрести поддержку народа, стал призывать солдат к разделу земли»⁶⁴⁶.

Народный трибун Флавий обнародовал в январе 60 г. исходивший от Помпея⁶⁴⁷ законопроект, согласно которому предполагалось утвердить права собственности за сулланскими ветеранами, между неимущими должны были быть распределены государственные земли, а также земли, скупаемые на 5-процентные отчисления от налогов, установленных Помпеем на Востоке⁶⁴⁸.

В сенате против законопроекта выступил Лукулл. Он принялся настойчиво защищать свои собственные распоряжения в Азии, которые Помпей отменил⁶⁴⁹. Под влиянием непримиримого Катона сенат проголосовал против аграрного закона. Несмотря на то, что Помпей прилагал все усилия к тому, чтобы создать благоприятное отношение для проведения закона, сенаторы воспротивились его принятию в целом, подозревая, «что Помпей ищет какой-то новой власти»⁶⁵⁰. Борьба за законопроект была перенесена в народное собрание.

Клодий, который был одним из активных агитаторов за законопроект, «заставлял Помпея, вопреки его достоинству, бегать за собой по форуму и пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы»⁶⁵¹. Однако выступивший в народном собрании Цицерон, с которым Помпей наладил дружественные отношения⁶⁵², раскритиковал все положения законопроекта Флавия, за исключением одного, а именно: «чтобы земля покупалась на те неожиданно полученные деньги, которые составятся за пятилетие от новых налогоплательщиков [из восточных провинций]»⁶⁵³. Оратор полагал, что на выкупленные за эти деньги земли «можно будет вычерпать городские подонки и заселить безлюдные области Италии»⁶⁵⁴. Споры о земельном законе приняли ожесточенный и затяжной

⁶⁴⁶ Plut. Cato min. 31.

⁶⁴⁷ Cic. Att. I. 18. 6. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 20 января 60 г.

⁶⁴⁸ Cic. Att. I. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁶⁴⁹ Plut. Pomp. 46.

⁶⁵⁰ Cic. Att. I. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁶⁵¹ Plut. Pomp. 46.

⁶⁵² Cic. Att. I. 17. 10. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.; Cic. Att. I. 18. 6.

Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 20 января 60 г.; Cic. Att. I. 19. 7. Титу Помпонию

Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁶⁵³ Cic. Att. I. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁶⁵⁴ Cic. Att. I. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

характер. На улицах Рима периодически возникали потасовки. В пылу борьбы за законопроект консул Метелл, также выступавший против земельного закона, был заключен в тюрьму⁶⁵⁵. Несмотря на это, закон так и не удалось вынести на голосование в народном собрании⁶⁵⁶. Скоро должна была начаться очередная предвыборная кампания.

К этому времени отношения между Помпеем и Крассом начали портиться⁶⁵⁷. Полагаем, Красс обвинял Помпея в неумении решить ветеранский вопрос, располагая достаточными для этого средствами: Зачем Помпею нужно было по возвращении сразу пытаться инициировать преследование подавителей заговора Катилины прежде, чем решить, наконец, дело, за которое они положили свои жизни? Зачем нужно было призывать всадников не скупиться на откуп доходов, и выбросить, таким образом, деньги на ветер, до того как будет принят земельный закон для его, Помпея, ветеранов? На решение проблем, возникших в связи с этими непродуманными и не имеющими прямого отношения к принятию аграрного закона шагами, консулам 61 и 60 г. пришлось бесполезно потратить половину своего срока. Если бы Помпей сразу в первую очередь поставил перед сенатом аграрный закон, то после его принятия никто не мог бы ему помешать отомстить за смерть Катилины и других казненных. К чему сейчас прибегать к таким незаконным методам, как заключение в тюрьму действующего консула, ставя под сомнение легитимность принимаемого земельного закона? Если Помпей не останавливается перед нарушением закона, то ему следовало бы пойти на это в декабре 62 г. и не распускать армию, а идти с ней на Рим и диктовать свою волю.

Помпей, должно быть, возражал ему, что если бы он, Красс, удержал бы Катилину от неумелого заговора, то по возвращении в Рим ему, Помпею, не пришлось бы ввязываться в поиски путей возмездия, тем более, когда все сторонники Катилины от него только этого и ожидали. И вообще, пока он в Азии с успехом изыскивал средства для земельного закона, Красс, потратив в Риме огромные средства, ни на шаг не смог приблизиться к его принятию. На это Красс отвечал, что его деятельность в 66-62 гг. при решении аграрного вопроса была не менее результативна, чем деятельность самого Помпея по возвращении его из Азии: теперь Помпей мог на себе почувствовать всю тяжесть принятия аграрного закона.

Несколько поостыв, они решили все-таки совместно искать пути решения аграрного вопроса. Было очевидно, что если сосредоточить все усилия исключительно на ветеранском вопросе, то принятию аграрного закона никто не сможет помешать при условии созыва в город в день голосования

⁶⁵⁵ Cic. Att. II. 1. 8. Титу Помпонию Аттику, в Грецию. Рим, середина июня 60 г.

⁶⁵⁶ Cic. Att. II. 1. 6. Титу Помпонию Аттику, в Грецию. Рим, середина июня 60 г.

⁶⁵⁷ Plut. Crass 14; Pomp. 47.

всех ветеранов для участия в нем. Поскольку большая их часть жила в областях Италии, то главная задача в Риме, таким образом, сводится к тому, чтобы иметь достаточную поддержку среди горожан, чтобы обеспечить утверждение даты голосования, к которой ветераны могли бы прибыть в город. В данном аспекте, одной из главных ошибок Помпея была ставка на собственных военных трибунов, Писона и Афрания, консулов, соответственно, 61 и 60 гг. По замечанию Цицерона, «консульство [Афрания] – это не консульство, а пощечина нашему Великому [Помпею]»⁶⁵⁸. Будучи военными людьми, они в глазах горожан не могли обладать должным авторитетом в аграрных вопросах, которые не относились к военным, и, как следствие, не могли оказывать нужное влияние на граждан при обсуждении аграрного закона. Поэтому решено было попытаться добиться принятия аграрного закона при помощи консула, который был бы достаточно популярным среди жителей Рима. На тот момент самой подходящей кандидатурой, по мнению Красса, был... Гай Юлий Цезарь, пропретор Испании 61 г.

По сравнению с проверенными на войне легатами и иными своими сторонниками в Риме Помпей знал его несколько хуже. Отсутствие же результатов в аграрном вопросе ко времени возвращения Помпея в Италию вообще обуславливало критическое, если не негативное, отношение полководца ко всем членам своей партии в Риме. «Святотатство» же, произошедшее в доме Цезаря, который был, таким образом, ответственным за безопасность передачи секретного письма Клодию, могло способствовать полному разочарованию Помпея в Цезаре. Хотя развод последнего с женой и показания его матери и сестры на суде по делу Клодия позволили Помпею избежать разоблачения, он все же был недоволен Цезарем. Поэтому Помпей отказался погасить его долги и Цезарь с трудом (благодаря поручительству Красса) смог вырваться из рук многочисленных кредиторов и покинуть Рим. Прибыв же в Испанию, «он, как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов»⁶⁵⁹.

Теперь, когда шел уже второй год после возвращения в Италию, а аграрный вопрос все еще не находил своего решения, Помпей мог более беспристрастно оценить деятельность Цезаря, которая, по сравнению с другими помпейцами, безусловно выделялась в лучшую сторону. Цезарь был достаточно хорошим оратором, умел быть популярным в народе, хотя и за счет больших трат на организацию зрелищ, защищать свои взгляды, совпадавшие с интересами Помпея, даже при неблагоприятных обстоятельствах (во время сенатского суда над катилинарцами он первым, причем убедительно, высказался против казни заговорщиков и не переменял своей позиции, даже под угрозой расправы над ним). В устранении последствий «свя-

⁶⁵⁸ Cic. Att. I. 20. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, середина мая 60 г.

⁶⁵⁹ Suet. Caes. 54.

тотатства» Клодия он также продемонстрировал себя на должном уровне. В качестве наместника Испании Цезарь проявил себя способным администратором: например, он добился от сената сложения налогов, наложенных на эту провинцию Метеллом еще во время войны с Серториумом⁶⁶⁰; урегулировал в провинции долговые вопросы, предписав должникам две трети из ежегодных доходов выплачивать заимодавцам до тех пор, пока долг не будет выплачен⁶⁶¹.

О намерении Цезаря участвовать в выборах консулов 59 г. в Риме было известно еще в декабре 61 г.⁶⁶². Тогда он должен был исходить из того, что Афраний добьется принятия аграрного закона и в 59 г., в случае победы на выборах, ему останется лишь обеспечить на должном уровне его выполнение. Таким образом, после провала законопроекта Флавия Цезарь становился очередным и, наверное, последним, кандидатом на мирное решение ветеранского вопроса. Его возвращение следовало обставить на самом высоком уровне.

Цезарь набрал в Испании дополнительно к двадцати когортам еще десять и выступил против иберов, каллаиков и лузитанцев⁶⁶³. У последних Цезарь «разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота»⁶⁶⁴. Солдаты, которым Цезарь дал возможность обогатиться во время походов, провозгласили его императором⁶⁶⁵. В Рим были отправлены отчет об одержанных победах, позволивших Цезарю объявить всю Испанию подчиненной римлянам, а также много денег для внесения в казну⁶⁶⁶.

Плутарх пишет, что «Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам»⁶⁶⁷. Однако Испания, по некоторым оценкам, платила 5-8 млн. денариев⁶⁶⁸ или от 700 до 1150 талантов. Возвращение Цезаря из Испании богатым человеком предполагает, что долговой вопрос, возникший перед отбытием в провинцию, для него был исчерпан. Сумма его долгов (25 млн. сестерциев или около 900 талантов)⁶⁶⁹ достигала десятой части доходов Рима от податей с провинций⁶⁷⁰ (без учета доходов от присоединенных Помпеем новых про-

⁶⁶⁰ Caes. Hisp. 42. 2.

⁶⁶¹ Plut. Caes. 12.

⁶⁶² Cic. Att. I. 17. 11. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.

⁶⁶³ App. II. 8; Plut. Caes. 12.

⁶⁶⁴ Suet. Caes. 54.

⁶⁶⁵ Plut. Caes. 12.

⁶⁶⁶ App. II. 8.

⁶⁶⁷ Plut. Caes. 12.

⁶⁶⁸ An economic survey of Ancient Rome. Ed. by Tenney Frank, in collaboration with T.R.S.

Broughton /a.o./ vol. I – Baltimore, The John Hopkins Press, 1933, p. 324.

⁶⁶⁹ App. II. 8.

⁶⁷⁰ Plut. Pomp. 45.

винций) и наверняка была сопоставима, учитывая, что Испания была не единственным и далеко не самым богатым для Рима источником, с годовым доходом с провинции. Испания была одной из десяти провинций Рима, опять же, без учета созданных Помпеем. Судя по тому, что никто в Риме не привлек его к ответственности в качестве «расхитителя казны»⁶⁷¹, финансовые обязательства провинции перед Римом были соблюдены на должном уровне. Получается, что долг должен был быть погашен за счет суммы, собранной сверх той суммы, которая полагалась для отправки в казну. В этом случае сумма долга Цезаря существенно превосходит размер злоупотреблений Верреса в более богатой Сицилии. Последний за три года преторства (73-71 гг.) «противозаконно стяжал в Сицилии 40 миллионов сестерциев»⁶⁷². Однако из Испании в Рим не была направлена делегация с жалобой на лихоимство и вымогательство Цезаря, как в свое время жаловалось притесненное население Сицилии и Африки, соответственно, на Верреса (70 г.) и Катилину (66 г.). Если бы были основания для обвинения Цезаря в злоупотреблениях во время управления Испанией, то политические противники не преминули бы воспользоваться столь удобным поводом в 60 г. для исключения его из предвыборных списков, как в свое время был исключен Катилина. Все это подводит нас к утверждению, что Испания была местом, но не источником, получения Цезарем средств для погашения накопившихся долгов. Напомним, что Светоний, ссылаясь на воспоминания современников, пишет, что в Испании Цезарь «как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов»⁶⁷³. Очевидно под «союзниками» следует подразумевать не союзников римского народа, к которым относилось население провинции, за исключением римских граждан, а политических союзников самого Цезаря. Долг, образовавшийся в результате бурной и дорогостоящей политической деятельности Цезаря в интересах Помпея, и был предъявлен сторонникам последнего к оплате. Из свидетельства Светония можно сделать вывод, что необходимую сумму Цезарю пришлось выбивать в довольно унижительной форме. Как мы предположили выше, Помпей не спешил погашать предъявленный счет ввиду того, что не было конкретного результата от столь крупных расходов. Кроме того, предпринятая в начале 60 г. очередная попытка решить проблему наделения ветеранов Помпея землей (аграрный законопроект Флавия) предполагала, в случае успеха, большие финансовые расходы и, вполне возможно, Цезарь мог бы вообще остаться один на один со своими кредиторами. Однако законопроект Флавия, как известно, был провален.

⁶⁷¹ Cic. Verr. 4. 2.

⁶⁷² Cic. Verr. 4. 56.

⁶⁷³ Suet. Caes. 54.

Ставка на Цезаря в вопросе решения аграрного вопроса для ветеранов, таким образом, предполагала разрешение его долговых проблем.

За одержанные победы в Испании сенат разрешил Цезарю отпраздновать триумф⁶⁷⁴. Его спешное, не дожидаясь преемника, возвращение из провинции в июне 60 г. совпало с завершающей стадией кампании выборов в Риме консулов 59 г.⁶⁷⁵ По закону лицо, домогавшееся триумфа, должно было находиться вне стен Рима, тогда как соискатель консульства – присутствовать в городе. Поэтому Цезарь, занимаясь в предместьях Рима подготовкой пышного триумфа, обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской должности заочно, через доверенных лиц. Рассмотрение этого вопроса состоялось в сенате в последний день предвыборной борьбы. Катон сразу же выступил резко против внесенного предложения. Однако видя, что сенаторов не удастся привлечь на свою сторону, и они настроены удовлетворить просьбу Цезаря, уже перед самым голосованием Катон повторно взял слово и начал выступать с речью, которую намеренно растянул до глубокой ночи⁶⁷⁶. Тогда Цезарь, добившийся, что за последние дни в городе только о нем и говорили, решил отказаться от триумфа и, срочно прибыв в Рим, выставил свою кандидатуру на консульских выборах. В день выборов Помпей и Красс открыто призвали сограждан отдать свои голоса за Цезаря. По итогам голосования консулами 59 г. были объявлены Гай Юлий Цезарь и Марк Кальпурний Бибул (в 65 г. коллега Цезаря по эдилитету) которого поддерживали оптиматы, в том числе и прямым подкупом избирателей, который, по заверению самого Катона, совершался «в интересах государства»⁶⁷⁷. После благополучного избрания Цезарь обручил с Помпеем свою дочь Юлию⁶⁷⁸.

До вступления Цезаря в должность консула оставалось почти полгода, поэтому пока основные силы были сосредоточены на подготовке условий для продвижения, а затем и реализации, аграрного закона. Метелл Непот, бывший в 60 г. претором, по инициативе Цезаря добился принятия закона об отмене пошлин в Италии⁶⁷⁹, что должно было повысить популярность последнего.

Наряду с азиатскими ветеранами, земельные наделы решено было выделить также и многодетным неимущим гражданам. Под заселение малоимущих граждан предполагалось выделить плодородные земли кампанской области вокруг Капуи. Подобная мера позволяла добиться широкой под-

⁶⁷⁴ App. II. 8; Plut. Caes. 12.

⁶⁷⁵ Suet. Caes. 18.

⁶⁷⁶ Plut. Caes. 12.

⁶⁷⁷ Suet. Caes. 19.

⁶⁷⁸ Plut. Cato min. 31.

⁶⁷⁹ Dio. XXXVII. 51; Cic. ad Att. II. 16. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Фармийская усадьба, начало мая 59 г.; ad Qu. fr. I. 1. 33. Квинту Туллию Цицерону, в Азию. Рим, начало 59 г.

держки аграрных законопроектов. Закон о наделении землей этой категории граждан предполагалось принимать отдельно и только после принятия аграрного закона для ветеранов. Следует отметить, что еще в 64 г. при составлении аграрного законопроекта Сервилия Рулла после многочисленных и долгих обсуждений было принято решение под заселение использовать также и эти земли, особенностью которых было то, что они находились в собственности государства, объявлены предками неприкосновенными⁶⁸⁰ и служили своего рода стратегическим резервом в качестве источника доходов и продуктов⁶⁸¹. Выделение в отдельный закон вопросов заселения кампанских земель было призвано создать мощный защитный рубеж для аграрных законов. Пока влиятельные противники заселения этих плодородных земель будут тратить свои усилия на отмену этого закона, можно будет завершить выведение ветеранских колоний в остальных областях Италии и дать ветеранам время в спокойной обстановке обжиться на полученных землях.

Параллельно велись переговоры с принципиальными противниками аграрных законов. Цицерон в декабре 60 г. писал Аттику: «Дело это, без сомнения, требует большого размышления, так как либо надо мужественно противиться земельному закону, а с этим сопряжена некоторая борьба, хотя и полная славы, либо бездействовать, что равносильно удалению в Солоний или Акций, либо способствовать принятию этого закона, чего Цезарь, как говорят, так от меня ждет, что даже не сомневается в этом. Ведь у меня побывал Корнелий; я говорю о Бальбе, друге Цезаря. Он утверждал, что Цезарь намерен во всем следовать советам моим и Помпея и приложит старания к тому, чтобы Красс сблизился с Помпеем. Вот суть дела: мой тесный союз с Помпеем, а если захочу, то и с Цезарем, восстановление хоро-

⁶⁸⁰ Suet. Caes. 20.

⁶⁸¹ Cic. de leg. agr. II. 80-81. Тогда Цицерон, возмущаясь намерением передать кампанские земли в частную собственность, говорил: «Или вы забыли, какие многочисленные войска вы во время Италийской войны, после утраты других источников доходов, кормили урожаем, собранным в Кампании? Или вы не знаете, что другие доходы римского народа, как ни велики они, часто зависят от малейших превратностей судьбы, от неблагоприятных обстоятельств? Помогут ли нам сколько-нибудь гавани в Азии, пастбищные сборы, все доходы, получаемые нами из-за моря, при малейшей угрозе появления морских разбойников или врагов? Напротив, эти доходы с земель Кампании особенные: они собираются у нас и защищены гарнизонами всех городов и им, кроме того, не угрожают ни войны, ни неурожай, ни бедствия, связанные с погодой и местностью; поэтому наши предки не только не отказались от части земель, отнятых ими у жителей Кампании, но даже скупили земли, находившиеся в руках у людей, у которых их нельзя было отнять без нарушения закона. По этой причине ни оба Гракха, проявившие такую большую заботу о благе римского плебса, ни Луций Сулла, без каких-либо зазрений совести раздававший все, кому хотел, не осмелились и прикоснуться к землям в Кампании. Нашелся один только Рулл, готовый лишить государство тех владений, из которых его не изгнали ни щедрость Гракхов, ни владычество Суллы. Земли, которые вы, проезжая мимо, называете своими и о которых путешествующим чужестранцам говорят, что они принадлежат вам, после раздела... [лакуна] не будут называться вашими».

ших отношений с врагами, мир с толпой, спокойная старость»⁶⁸². Катон же говорил: «не столько я боюсь раздела земель, сколько награды, которой потребуют за него эти совратители и потатчики народа»⁶⁸³. В целом же противники Помпея склонялись к тому, что им не удастся воспрепятствовать принятию законов. Удручающую злобу от собственного бессилия, сложившуюся в их среде, наглядно демонстрирует написанное в то время Лицинием Кальвом, поэтом, сочувствующим партии Катона, пошлое четверостишие:

Страх наводящий Помпей головку пальчиком чешет.
В чем сомненье его, кто ему надобен? Муж.
... и все остальное,
Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок⁶⁸⁴.

Некий Октавий, человек слабоумный и потому невоздержанный на язык, при всем народе именовал Помпея царем, а Цезаря величал царицей⁶⁸⁵.

1 января 59 г. Цезарь, вместе со своим коллегой Бибулом, вступил в должность консула. В своей программной речи в сенате он призвал всех к единению и заявил, что отныне ежедневно будут составляться и обнародоваться отчеты о собраниях сената и народа. За время своего консульства, говорил Цезарь, он собирается внести на рассмотрение сената ряд законов, в частности, закон в пользу бедных, предусматривающий земельную раздачу для них, причем лучшую землю вокруг Капуи предлагается предоставить под заселение 20 тысячам граждан, имеющих трех и более детей. Абсолютное большинство сенаторов сразу же выступило против столь откровенно популистского законопроекта. Тогда Цезарь громогласно заявил, что «черствость и высокомерие сенаторов вынуждают его против его воли обратиться к народу для совместных действий»⁶⁸⁶, после чего объявил, что распускает сенат и вообще запрещает созывать сенат во время своего консульства⁶⁸⁷, и покинул курию: согласно формальной процедуре заседания сената открывали оба консула, следовательно, без согласия Цезаря сенат не имел права собираться на заседания и принимать какие-либо решения⁶⁸⁸. Таким образом, Цезарь фактически превращал свое консульство в своего рода трибунат⁶⁸⁹. Консул Бибул и Катон хотели было остановить Цезаря, но

⁶⁸² Cic. Att. II. 3. 3-4. Титу Помпонию Аттику, возвращающемуся в Рим. Рим, декабрь 60 г.

⁶⁸³ Plut. Cato min. 31.

⁶⁸⁴ Катулл. Книга стихотворений. М. 1986. с. 142. В Риме широко было известно, что еще в юности Цезарь был растлен вифинским царем Никомедом – Suet. Caes. 2.

⁶⁸⁵ Suet. Caes. 49.

⁶⁸⁶ Plut. Caes. 14.

⁶⁸⁷ App. II. 10.

⁶⁸⁸ App. II. 11.

⁶⁸⁹ Plut. Pomp. 47.

тот, выйдя к собравшемуся на форуме народу, обратился к ставшим по обе стороны от него Помпею и Крассу: «Одобрят ли они предложенные законы?». Те ответили утвердительно. Помпей заявил: «Римляне, я не единственный, кто одобряет этот закон: сенат полностью одобрил его, когда утвердил распределение земель [в 70 г., по закону Плотия] не только для моих товарищей по оружию, но также и для солдат, воевавших под началом Метелла. Тогда распределение земель было вполне обоснованно отложено по той причине, что казна была скудна; но сегодня, благодаря мне, казна наполнена. Таким образом, я полагаю справедливым, что мы выполним данное им обещание»⁶⁹⁰. После этих слов Помпей высказался о каждой статье предложенного аграрного закона и поддержал все его пункты. Цезарь спросил Помпея и Красса, готовы ли они помочь ему «против тех, кто грозитя противодействовать этим законопроектам с мечом в руке», на что последовал утвердительный ответ. Помпей грозно добавил, что «против поднявших мечи он выйдет не только с мечом, но и со щитом»⁶⁹¹.

Со всей Италии в Рим стали прибывать, прихватив с собой оружие, многочисленные ветераны Помпея⁶⁹². Первый аграрный закон Цезаря, внесенный в народное собрание, предусматривал раздел среди ветеранов государственных, за исключением кампанских, земель, а также земель, приобретенных за счет средств от податей с новых провинций и военной добычи Помпея у лиц, согласных продать их по цене, установленной при составлении цензовых списков. Распределением земель должна была заниматься специально создаваемая уполномоченная комиссия в составе 20 человек. Получаемые по закону земельные наделы запрещалось отчуждать в течение 20 лет.

В день куриатских комиций поощряемый сенаторами нерешительный Бибул намеревался, ссылаясь на дурные знаменья⁶⁹³, наложить запрет на голосование по внесенному Цезарем аграрному закону. Когда он в сопровождении Лукулла и Катона⁶⁹⁴ появился на форуме, Цезарь уже держал речь перед народом. Появление на форуме его коллеги обернулось потасовкой и свалкой. У ликторов Бибула отобрали и изломали розги, символы консульской власти, в него и его сторонников полетели камни и дротики. Появились раненные, в числе которых были и двое народных трибунов. Находясь в центре этой свалки, Бибул обнажил шею и криками стал призывать приспешников Цезаря приняться за дело: «Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и

⁶⁹⁰ Dio. XXXVIII. 5.

⁶⁹¹ App. II. 10; Plut. Caes. 14.

⁶⁹² Plut. Pomp. 48.

⁶⁹³ Suet. Caes. 19.

⁶⁹⁴ Plut. Pomp. 48.

преступление»⁶⁹⁵. Однако вместо этого ему на голову вывернули корзину навоза, а затем, подняв на руки, насильно унесли в храм Юпитера Сотера. В это время Катон бросился в гущу толпы и попытался произнести речь, но сторонники Цезаря схватили его и вынесли с форума. Среди тех, кто яростно выступал против аграрного закона, был и Лициний Лукулл. Цезарь набросился на него с такими обвинениями (ведь закон давал земли его же, Лукулла, бывшим солдатам), что «тот сам бросился к его ногам»⁶⁹⁶. Катон, тем временем, быстро обежав, появился на форуме с другого входа и, взобравшись на трибуну, снова попытался обратиться к народу, но цезарианцы опять стащили его, подняли на руки и уже выбросили за пределы форума. Противники аграрного закона стали спешно разбегаться с форума. Одним из последних, медленно прихрамывая, удалялся от форума Катон, то и дело оборачиваясь и призывая сограждан в свидетели.

В условиях фактического изгнания противников с форума закон, утверждавший распределение комиссией из двадцати человек⁶⁹⁷ земли среди ветеранов, был, наконец, принят⁶⁹⁸. На следующий день после случившего Бибул обратился за поддержкой к собравшимся у него дома сенаторам, однако из боязни те не решились что-либо предпринять⁶⁹⁹. Бибул пришел в такое отчаяние, что «больше он не выходил из дому до конца своего консульства, и лишь в эдиктах выражал свой протест»⁷⁰⁰, обзывая Цезаря «вифинской царицей» и заявляя, что «раньше он [Цезарь] хотел царя, а теперь царства»⁷⁰¹.

В дальнейшем городские остряки придумали следующий стих, характеризующий консульство Цезаря:

В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего⁷⁰².

Достигнув, наконец, принятия аграрного закона для ветеранов Помпея, можно было приступить к реализации защитных мер, призванных обеспечить как выполнение закона, так и предотвратить возможность его отмены, а также наказания лиц, виновных в неудаче предыдущих попыток решения ветеранского вопроса.

Первым делом Цезарь добился, чтобы все граждане принесли клятву, что «эти законы будут признавать на вечные времена»⁷⁰³. Дополнительным

⁶⁹⁵ App. II. 11.

⁶⁹⁶ Suet. Caes. 20.

⁶⁹⁷ Cic. ad Att. II. 6. 2; 7. 3; IX. 2a. 1; Vell. II. 45. 2; Suet. Aug. 4.

⁶⁹⁸ Plut. Pomp. 48.

⁶⁹⁹ Suet. Caes. 20.

⁷⁰⁰ Suet. Caes. 20; Vell. II. 44. 4.

⁷⁰¹ Suet. Caes. 49.

⁷⁰² Suet. Caes. 20.

⁷⁰³ App. II. 12.

постановлением народного собрания было установлено, «чтобы весь сенат поклялся признать [аграрный] закон действительным и защищать его от любого противника, причем отказавшемуся произнести клятву грозило жестокое наказание»⁷⁰⁴. Сенаторы вынуждены были принести требуемую присягу. Один лишь Катон упорно отказывался присягать. Тогда Цезарь провел через народное собрание предложение, согласно которому «тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни»⁷⁰⁵. Многие влиятельные сенаторы уговаривали Катона не упрямиться и уступить требованию закона. Обращался к нему и Цицерон, говоря, что «считая своим долгом в полном одиночестве противиться общему решению, он, возможно, нарушает и законы справедливости, но, во всяком случае, глупость и безумие не щадить своей жизни из-за сделанного и завершенного дела, в котором ничего уже не изменишь, и наихудшим злом будет, если он бросит государство на произвол злоумышленников, то самое государство, ради которого терпит все труды и муки, и словно бы с облегчением, с удовольствием перестанет за него бороться. Если Катон не нуждается в Риме, то Рим в Катоне нуждается, нуждаются в нем и все его друзья, и первый – он сам, Цицерон: ведь ему готовит гибель Клодий, который так и рвется в бой и уже почти вооружился трибунскою властью»⁷⁰⁶. Долгие уговоры наконец-то дали результат – Катон принес публичную клятву.

Вскоре Марк Целий Руф вместе с Квинтом Фабием Максимом и Гаем Корнелием Галлом привлек к суду по обвинению в вымогательстве вернувшегося из провинции проконсула Гая Атония⁷⁰⁷, который, как было указано выше, будучи соучастником заговора Катилины, был вынужден руководить войсковой операцией по подавлению мятежа заговорщиков. В марте 59 г. состоялся суд. Защищать своего бывшего коллегу по консулату вызвался Цицерон⁷⁰⁸. Как потом вспоминал оратор: «на его [Гая Антония] беду, память о славном благодеянии [победе над войском Катилины], оказанном им государству, нисколько не помогла, а слухи, что он будто бы замышлял злодеяние [участием в заговоре Катилины], повредили»⁷⁰⁹. Обвиняемый был приговорен к денежному штрафу и изгнанию⁷¹⁰. Следует отметить, что Цицерон в защитной речи сделал несколько оскорбительных выпадов в адрес Цезаря⁷¹¹. Последний, однако, внешне никак не прокомментировал ос-

⁷⁰⁴ Plut. Cato min. 31. Подобное требование применялось и в 100 г. при принятии аграрного закона Сатурнина, наделявшего землями ветеранов Мария. Тогда только Метелл Нумидийский отказался принести присягу и вынужден был удалиться в изгнание.

⁷⁰⁵ App. II. 12.

⁷⁰⁶ Plut. Cato min. 32.

⁷⁰⁷ Cic. pro Cael. 15, 74; Val. Max. IV. 2. 6.

⁷⁰⁸ Cic. pro dom. 41; Suet. Caes. 20.

⁷⁰⁹ Cic. pro Cael. 74.

⁷¹⁰ Cic. pro Flacc. 5, 95; pro Cael. 74; Phil. II. 56, 98, 99.

⁷¹¹ Dio. XXXVIII. 10.

корблениа Цицерона⁷¹². Оратор впоследствии говорил об этом: «Приблизительно в шестом часу дня, защищая своего коллегу Гая Антония, я посетовал в суде на некоторые события в государстве, которые, как мне показалось, имели отношение к делу этого несчастного человека. Бесчестные люди передали мои слова кое-кому из влиятельных мужей совершенно иначе, чем они мной были сказаны»⁷¹³. В девять часов того же вечера Цезарь, в качестве великого понтифика, совершил обряд перевода Публия Клодия из патрициев в плебеи путем усыновления того неким плебеем по имени Фонтей⁷¹⁴. Авгуром, наблюдавшим за небесными знаменами, в ходе этой процедуры был Помпей⁷¹⁵... преграда, стоявшая перед Клодием на пути к трибунату, была устранена.

В апреле 59 г., по истечении двухмесячной паузы после принятия первого аграрного закона, Цезарь приступил к продвижению второй очереди законов. Теперь при голосовании он стал первым спрашивать мнение у Помпея⁷¹⁶, задавая тем самым нужный тон дискуссиям. В народное собрание был внесен закон о разделе почти всей Кампании между 20 тысячами неимущих и нуждающихся многодетных граждан⁷¹⁷. Единственным, кто осмелился выступить против нового закона, был Катон. По приказу Цезаря его стащили с ораторского возвышения, чтобы отвести в тюрьму. Катон продолжал призывать римлян опомниться и обуздать тех, кто вершит дела государства подобным образом. Многие видные сенаторы и рядовые граждане последовали в унынии за своим лидером. Цезарь надеялся разрядить ситуацию, когда Катон обратится к народным трибунам, но, видя, что тот ничего не предпринимает, подослал одного из трибунов, который отобрал арестованного у стражей⁷¹⁸. После этого был утвержден и второй аграрный закон Цезаря. Отметим, что при распределении кампанских земель часть наделов досталась и ветеранам Помпея⁷¹⁹, которые к тому времени уже успели стать многодетными.

⁷¹² Dio. XXXVIII. 11.

⁷¹³ Cic. pro dom. 41.

⁷¹⁴ Cic. Att. II. 7. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Анций, первая половина апреля 59 г.; Cic. pro dom. 41; Suet. Caes. 20. Отметим, что до этого Клодий долго и тщетно добивался перехода в плебеи: в начале 60 г. при помощи народного трибуна Гая Геренния он начал предпринимать попытки инициировать процедуру перехода в плебеи путем проведения специального голосования в народном собрании. Однако, несмотря на формальную поддержку консула Метелла Целера, на инициативу Гая Геренния неоднократно накладывалась интерцессия другими народными трибунами. Cic. Att. I. 18. 4, 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 20 января 60 г.; 19. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁷¹⁵ Cic. Att. II. 7. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Анций, первая половина апреля 59 г.; Cic. Att. II. 12. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Три Харчевни, 19 апреля 59 г.

⁷¹⁶ Suet. Caes. 21.

⁷¹⁷ Plut. Cato min. 33.

⁷¹⁸ Plut. Cato min. 33.

⁷¹⁹ Cic. Phil. II. 101.

Полностью контролируя народное собрание, Цезарь добился утверждения отдельными постановлениями всех решений Помпея в Азии, а также списания с азиатских откупщиков трети откупной суммы⁷²⁰, и таким образом, полностью завершил формирование законодательной и финансовой основы для решения земельного вопроса азиатских ветеранов.

Вскоре по обвинению в вымогательствах в Азиатской провинции состоялся суд над Л. Валерием Флакком, бывшим в консульство Цицерона претором и руководившим тогда операцией по задержанию послов аллоброгов с письмами, разоблачившими заговор Катилины. Однако на этот раз, благодаря защите Цицерона и Гортензия, он был оправдан судом⁷²¹.

Открытым оставался только один важный вопрос – наказания Цицерона за его расправу над катилинарцами.

Как мы отметили выше, по возвращении в конце 62 г. в Италию одной из первых задач для Помпея было добиться судебного наказания Цицерона. Обе предпринятые им попытки потерпели неудачу (Клодий, пойманный в доме Цезаря, завяз в судебных разбирательствах; сам Цицерон предпринял меры, упреждающие попытку привлечь его в начале 61 г. к суду в качестве соучастника Гая Антония в разграблении Македонии). После этого Помпей решил взять паузу в этом вопросе и сосредоточиться на обустройстве своих ветеранов⁷²². В течение этого времени он демонстрировал вполне ровное и уважительное отношение к Цицерону⁷²³, хотя доброжелатели предупреждали последнего, что Помпей крайне недоволен им⁷²⁴.

На перевод Клодия в плебеи Цицерон реагировал нервно: «Если же приглашения, заключенные по поводу меня, не соблюдаются, то я – прямо на небесах. Пусть знает этот наш Иерусалимарий [Помпей, завоевавший Иерусалим], переводящий в плебеи [Клодия], как хорошо отблагодарил он

⁷²⁰ App. II. 13.

⁷²¹ Cic. Att. II. 25. 1.

⁷²² «Что касается вызванной против меня ненависти со стороны развращенной и изнеженной молодежи, то ее настолько успокоила свойственная мне обходительность, что все они меня только и почитают» Cic. Att. I. 19. 7. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁷²³ «я сначала так настроил Помпея, слишком долго молчавшего о моих действиях, что он и не однажды, а много раз и в длинных речах в сенате признал, что я спас государство и весь мир. Для меня это было не так важно, как для государства (ведь памятные события и не так неясны, чтобы требовалось засвидетельствовать их, и не так сомнительны, чтобы они нуждались в похвале), ибо некоторые нечестные полагали, что у меня будет какой-то разлад с Помпеем из-за разногласий по поводу тех событий. Но с Помпеем я завязал такую тесную дружбу, что каждый из нас благодаря этому союзу может быть более уверен в своем поведении и сильнее как государственный деятель» Cic. Att. I. 19. 7. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

⁷²⁴ «С Помпеем я в очень дружеских отношениях. Предвижу, что ты скажешь. Остерегусь, чего следует остерегаться, а в другом письме напишу тебе о своих планах государственной деятельности подробнее» Cic. Att. I. 17. 10. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 5 декабря 61 г.; «мой друг Помпей (ведь это так, я хочу, чтобы ты знал это)» Cic. Att. I. 18. 6. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 20 января 60 г.;

меня за мои тщательно отделанные речи. Жди появления их божественной палинодии. И в самом деле, насколько можно предсказать на основании догадок, если тот негодник [Клодий] будет в согласии с этими властелинами, то он не сможет чваниться победой не только над циником-консуляром, но и над этими тритонами рыбного садка. Ведь никакая ненависть не сможет отнять у меня поддержку и могущество в сенате. Если же он будет в разладе с ними, то будет нелепо нападать на нас. Однако пусть нападет! Этот поворот в государственных делах произведен, поверь мне, искусно и с меньшим шумом, чем я полагал, – во всяком случае быстрее, чем можно было»⁷²⁵. «Мегабокх [Помпей] и эта кровожадная молодежь настроены крайне враждебно. Присоединилась бы только эта распря из-за авгурата!»⁷²⁶.

Тем не менее, сразу после перевода в плебеи Клодий срочно уехал в Армению, с царем которой – Тиграном II – ему предстояло провести важные переговоры⁷²⁷. По возвращении в Рим Клодий в середине лета выставил свою кандидатуру на соискание должности народного трибуна 58 г. Цицерон, прекрасно осознававший цели Клодия, писал Аттику: «Угрозы Клодия и предстоящая борьба мало волнует меня. И в самом деле, я могу, мне кажется, либо вступить в борьбу с полным достоинством, либо – без всяких неприятностей – уклониться от нее»⁷²⁸. Тем не менее, он обратился к Цезарю с просьбой взять его с собой легатом в Галлию⁷²⁹ и таким образом избежать нападков Клодия. Цезарь согласился было удовлетворить эту просьбу⁷³⁰, однако Клодий, чтобы не дать оратору уйти из под судебного преследования, решил на время прекратить нападки на него и стал высказываться о нем исключительно доброжелательно⁷³¹. Помпей также стал отговаривать Цицерона от отъезда из Рима, утверждая, что это будет похоже на бегство⁷³², да и Клодий, возможно, не станет против него что-либо предпринимать⁷³³. Он предлагал ему остаться в городе и свободно бороться за себя и сенат, препятствуя Клодию в достижении своих целей, которых тот быстро добился бы при отсутствии Цицерона в Риме⁷³⁴. Послушавшись со-

⁷²⁵ Cic. Att. II. 9. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Лидии, 17 или 18 апреля 59.

⁷²⁶ Cic. Att. II. 7. 3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Анций, первая половина апреля 59 г.

⁷²⁷ Cic. Att. II. 4. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Анций, первая половина апреля 59 г.; 7. 2-3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Анций, первая половина апреля 59 г.

⁷²⁸ Att. II. 19. 1. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, середина июля 59 г.

⁷²⁹ Plut. Cic. XXX.

⁷³⁰ Att. II. 18. 3. Титу Помпонию Аттику, уехавшему в Эпир. Рим, июнь или начало июля 59 г.

Цицерон утверждает, что это Цезарь предложил ему отправиться вместе с ним в Галлию в качестве легата. По Диону Кассию же, Цицерон обратился к Помпею и Цезарю за советом, что ему предпринять, чтобы избежать нападков Клодия, и Цезарь предложил ему должность легата. Dio. XXXVIII. 15.

⁷³¹ Plut. Cic. XXX.

⁷³² Dio. XXXVIII. 15.

⁷³³ Att. II. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, середина июля 59 г.

⁷³⁴ Dio. XXXVIII. 15.

вета Помпея, Цицерон отказался от должности легата у Цезаря, предпочитая биться с Клодием⁷³⁵. Отказ оратора, в свою очередь, дал Цезарю повод для еще большего гнева на него⁷³⁶.

В период заметного нарастания угрозы со стороны Клодия меняется оценка Цицероном отношения Помпея к собственной [оратора] персоне с доброжелательного на нейтральное: «Помпей любит меня и расположен ко мне. „Ты веришь?“ – скажешь ты. Верю: он совершенно убеждает меня в этом, но именно потому, что я этого хочу. Опытные люди при помощи всевозможных рассказов, наставлений и, наконец, стихов велят остерегаться и запрещают верить: первое я выполняю – остерегаюсь; второго – не верить – выполнить не могу. Клодий до сих пор угрожает мне бедой. Помпей утверждает, что нет опасности, клянется в этом; он даже добавляет, что тот раньше убьет его, чем посягнет на меня. Ведутся переговоры»⁷³⁷; «Клодий враг мне. Помпей уверяет, что он ничего не предпримет против меня. Считаю опасным верить, готовлюсь оказать сопротивление. Надеюсь на сильнейшую поддержку со стороны всех сословий. Не только недостает тебя, но и положение вещей требует твоего прибытия к тому времени. Если я вовремя увижу тебя, у меня прибавится много благоразумия, твердости духа и, наконец, силы. Варрон делает для меня достаточно. Помпей говорит божественно. Я надеюсь выйти из положения либо с громкой славой, либо, во всяком случае, без неприятностей»⁷³⁸.

Помпей, между тем, сообщил Цицерону о результатах своих долгих переговоров с Клодием. Он заверил, что относительно него «он [Клодий] ничего не предпримет против его [Помпея] желания»⁷³⁹. Правда, о том, в чем заключалось желание самого Помпея, он Цицерону так и не сказал. Клодий не прекратил резких нападков и открытых угроз на оратора⁷⁴⁰. Плутарх сообщает, что «Помпей и Цезарь заверили его [Клодия], что не будут препятствовать изгнанию Цицерона, и в благодарность он готов был во всем подчиниться их воле»⁷⁴¹. На людях в присутствии Помпея Клодий подчеркнул ничего не говорил о Цицероне⁷⁴², но на всех народных сходках он вопил, что все, что он делает во вред Цицерону, исходит от Гнея

⁷³⁵ Att. II. 19. 5. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, середина июля 59 г. Триумвиры не желали, чтобы сложилось впечатление, будто это они выдвинули Клодия против оратора. Поэтому они прибегли к такой увертке (Цезарь согласился на легатство Цицерона, а Помпей отговорил его от этого), которая не компрометировала бы их. Dio. XXXVIII. 15.

⁷³⁶ Plut. Cic. XXX.

⁷³⁷ Att. II. 20. 1, 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, июль 59 г.

⁷³⁸ Att. II. 21. 6. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, после 25 июля 59 г.

⁷³⁹ Att. II. 22. 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, после 25 июля 59 г.

⁷⁴⁰ Att. II. 22. 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, после 25 июля 59 г.

⁷⁴¹ Plut. Cato Min. XXXIII. Веллей Патеркул утверждает, что «Цезарь и Помпей не избежали подозрения в причастности к изгнанию Цицерона». Vell. II. 45.c

⁷⁴² Att. II. 23. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, между августом и 18 октября 59 г.

Помпея⁷⁴³. Цицерона многие неоднократно предупреждали, что Помпей относится к нему недружелюбно⁷⁴⁴. Сам Помпей, понимая, что в поисках защиты от Клодия Цицерон обязательно обратится к нему и он столкнется с необходимостью публично мотивировать свой отказ, старался под различными предложениями часто покидать Рим⁷⁴⁵.

18 октября 59 г. консулами на следующий год были избраны Авл Габиний, легат Помпея, и Луций Писон – тесть Цезаря⁷⁴⁶, а народным трибуном 58 г. – Публий Клодий⁷⁴⁷.

Предположительно в октябре же Курион сообщил своему отцу, что Веттий, доносчик на катилинарцев, готовит покушение на Помпея⁷⁴⁸. Курион старший поставил об этом в известность Помпея и дело было передано в сенат, куда был доставлен Веттий. В момент задержания при нем был кинжал. Веттий сначала вообще отрицал, что беседовал с Курионом младшим, однако после недолгих отпирательств за признательные показания потребовал для себя, как лица, раскрывшего заговор Катилины, безнаказанности. Сенаторы отказали ему в этой просьбе. Тогда Веттий дал показания о том, что: покушение на Помпея готовил сам Курион и возглавляемая им шайка молодых людей, в состав которой входят Луций Эмилий Павел, Марк Юний Брут, Корнелий Лентул младший; напасть на Помпея было решено на форуме вместе с гладиаторами консула Габиния; непосредственно руководить покушением должен был Павел; кинжал же Веттий получил от Гая Саптимия, писца Бибула. Последнее утверждение вызвало смех среди сенаторов: точно у Веттия не было бы кинжала, если бы консул не дал ему его? Кроме того, выяснилось, что Бибул двумя днями ранее предупредил Помпея о готовящемся на него покушении, а Павел, который, по Веттию, должен был руководить покушением, вообще, находился в Македонии. Выступивший в сенате Курион-сын полностью отрицал показания Веттия. По итогам слушания сенаторы постановили о наложении оков на Веттия, так как он признался в том, что при нем было оружие. Цицерон пишет, что общее впечатление о случившемся было следующим: «считают, что дело повели так, чтобы Веттий, вооруженный кинжалом, а также его рабы с оружием в руках, были схвачены на форуме, а затем чтобы он заявил о своей готовности дать показания»⁷⁴⁹. На следующий день Цезарь вывел Веттия на ростры. В отличие от предыдущего дня, обвиняемый выгородил Брута, а в числе заказчиков готовившегося на Помпея покушения назвал Луция Лу-

⁷⁴³ Cic. Sest. 39. Речь в защиту Публия Сестия. В суде, 11 марта 56 г.; Cic. De har. resp. 47.

⁷⁴⁴ Cic. pro dom. 28. Речь о своем доме. В коллегии понтификов, 29 сентября 57 г.

⁷⁴⁵ Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁴⁶ App. II. 14; Cic. ad Att. II. 15. 2; 20. 6.

⁷⁴⁷ App. II. 14; Plut. Caes. XIV; Cato Min. XXXIII; Cic. XXX; Vell. II. 45.

⁷⁴⁸ Att. II. 24. 1. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, до 18 октября 59 г.

⁷⁴⁹ Att. II. 24. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, до 18 октября 59 г.

кулла, Луция Домиция Агенобарба и намекнул на причастность Цицерона, сказав, будто «красноречивый консуляр, сосед консула, сказал ему, что нужно найти какого-нибудь Агалу Сервилия или Брута»⁷⁵⁰.

Цезарь попытался воспользоваться новыми свидетельствами Веттия для того, чтобы спровоцировать гнев толпы⁷⁵¹. Однако столь резкая перемена в показаниях вызвала подозрения в оговоре обвиняемым политических противников Помпея⁷⁵². По этому поводу Цицерон напишет: «стало ясно, что в промежутке была ночь и ночная просьба о помиловании»⁷⁵³. Среди собравшихся стали раздаваться возмущенные возгласы. Допрос пришлось отложить. Спустя же несколько дней из тюрьмы был выброшен труп Веттия. Хотя утверждали о том, что Веттий умер собственной смертью, следы удушения и побоев свидетельствовали об обратном⁷⁵⁴. Тогда Цезарь заявил, что «Веттия убили те, кто боялся его показаний»⁷⁵⁵.

Тем не менее, тревога Цицерона по поводу все более открыто звучащих угроз Клодия нарастала. «Положение государства самое безнадежное; виновники этого вызывают величайшую ненависть к себе. Меня же, как я полагаю, надеюсь и догадываюсь, ограждает непоколебимое благоволение людей. Итак, лети сюда; либо ты избавишь меня от всех неприятностей, либо разделишь их»⁷⁵⁶. «Что касается нашего дела, то в сторонниках, по-видимому, недостатка не будет; достойно удивления, как они высказываются, предлагают свои услуги, обещают. Право, я полон надежд и еще больше воодушевления: надежд до такой степени, что уверен в победе; воодушевления – до такой, что при этом политическом положении не боюсь никакой случайности. Но положение дел следующее: если он [Клодий] назначит мне срок явки в суд, сбежится вся Италия, так что я выйду из борьбы, приумножив славу; если же он попытается применить силу, то с помощью не только друзей, но и посторонних, я надеюсь оказать сопротивление силой. Все обещают предоставить в мое распоряжение и себя и своих друзей, клиентов, вольноотпущенников, рабов и, наконец, деньги. Наш старый отряд честных людей горит преданностью и любовью ко мне. Если кто-нибудь держался ранее несколько отчужденно или нерешительно, то теперь из ненависти к этим царям [триумвирам] он присоединяется к честным людям. Помпей обещает все, как и Цезарь; я верю им настолько, что нисколько не уменьшаю своих приготовлений. Новоизбранные народные трибуны – мои друзья [кроме Клодия]; консулы [Габиний и Писон] проявляют себя с наи-

⁷⁵⁰ Att. II. 24. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, до 18 октября 59 г.

⁷⁵¹ App. II. 12.

⁷⁵² Plut. Luc. XLII; Suet. Caes. 20.

⁷⁵³ Att. II. 24. 3. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, до 18 октября 59 г.

⁷⁵⁴ Plut. Luc. XLII.

⁷⁵⁵ App. II. 12.

⁷⁵⁶ Att. II. 25. 2. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, до 18 октября 59 г.

лучшей стороны: преторы очень дружелюбны мне и очень смелые граждане – Домиций, Нигидий, Меммий и Лентул. Другие тоже честные, но эти особенные. Итак, сохраняй полное присутствие духа и добрую надежду. Об отдельных событиях, происходящих ежедневно, я буду извещать тебя часто»⁷⁵⁷.

После вступления 10 декабря 59 г. в должность народного трибуна Клодий инициировал принятие ряда законов, предусматривавших: восстановление бесплатных раздач хлеба среди неимущих слоев населения; запрет на наблюдение небесных знамений в дни комиций (голосования); восстановление квартальных коллегий; ограничение прав цензоров при составлении списков сенаторов на вычеркивание кого-либо из этих списков во внесудебном порядке⁷⁵⁸. Инициативы Клодия были призваны, с одной стороны, значительно увеличить его популярность среди народа перед тем, как приступить к законодательному преследованию Цицерона⁷⁵⁹, а также лишить возможности защитников оратора оспорить закон об изгнании, ссылаясь на неблагоприятные небесные знамения, одной из традиционных форм блокирования принятия законов. Народный трибун Нинний Квадрат, сторонник Цицерона, попытался было наложить интерцессию на внесенные законопроекты. Однако после того, как Клодий пообещал, что если не будет оказано сопротивления принятию четырех названных выше законопроектов, он не станет выступать с какими-либо предложениями, направленными против Цицерона, сам оратор уговорил своего сторонника отказаться от своих намерений⁷⁶⁰ и законы Клодия были приняты.

Оставалась последняя преграда для расправы над Цицероном – Катон, который своим авторитетом и упорством мог расстроить планы триумвиров. Клодий пригласил его к себе и заявил, что видит в нем честнейшего и достойнейшего из римлян и в доказательство своей искренности предложил ему должность наместника Кипра, которую очень многие хотят получить. Трибун сказал, что лишь одного Катона он считает достойным этой должности и охотно оказывает ему услугу. «Какая же это услуга – это ловушка и надругательство!» – возразил в ярости Катон. Клодий же высокомерно ответил: «Что ж, если ты такой неблагодарный и не признаешь моих услуг, поедешь вопреки собственной воле». По поручению Помпея⁷⁶¹, Клодий добился принятия народным собранием закона о назначении Катона наместником Кипра, а также поручения ему вернуть на родину византийских изгнанников, что должно было максимально отсрочить возвращение

⁷⁵⁷ Q. f. I. 2. 16. Квинту Туллию Цицерону, в Азию. Рим, между 25 октября и 10 декабря 59 г.

⁷⁵⁸ Dio. XXXVIII. 13.

⁷⁵⁹ Dio. XXXVIII. 13.

⁷⁶⁰ Dio. XXXVIII. 14.

⁷⁶¹ App. II. 23.

того в Рим⁷⁶². Отметим, что для выполнения миссии Клодий не дал Катону ни единого корабля, предоставив в его распоряжение лишь двух писцов, из которых «один был вор и отъявленный негодяй, а другой – клиент Клодия»⁷⁶³. Вынужденный смириться с необходимостью покинуть Рим, Катон, видя, что над Цицероном сгущаются тучи, перед тем как покинуть город, посоветовал ему «не поднимать мятежа, не ввергать государство в кровопролитную войну, но подчиниться обстоятельствам, тем самым спасая родину еще раз»⁷⁶⁴.

Клодий внес законопроект под названием «Кто казнит римского гражданина без суда и следствия, да будет лишен огня и воды»⁷⁶⁵. Хотя имя Цицерона в нем не упоминалось, всем было ясно, что законопроект направлен именно против него⁷⁶⁶. Принятие этого закона открывало дорогу к привлечению Цицерона к суду за казнь катилинариев. Понимая, что судебная расправа над ним неизбежна, Цицерон облачился в траур, перестал стричься и бриться⁷⁶⁷. В таком виде он явился к Помпею и бросился ему в ноги, умоляя о защите и заступничестве, однако тот, даже не попытавшись поднять распростертого на земле оратора, заявил, что он против воли Цезаря ничего не может сделать⁷⁶⁸. Чтобы избежать подобных сцен на людях, Помпей, сославшись на неотложные дела, срочно покинул Рим и уехал в свое альбанское поместье дожидаться завершения расправы над Цицероном⁷⁶⁹. Сам оратор, грязный и облаченный в скудную одежду, ходил по улицам Рима, приставая даже к случайным прохожим, ища у них поддержки и сочувствия⁷⁷⁰. Некоторые сенаторы и сторонники из всаднического сословия, также облачившись в траур, следовали за ним⁷⁷¹. Однако вскоре Клодий, в сопровождении своих сторонников, стал преследовать и третировать Цицерона на улицах города. Клодианцы с хохотом потешались над его жалким видом, нередко забрасывая его грязью и камнями и не давая просить о помощи⁷⁷².

Для защиты Цицерона всадническое сословие составило представительную делегацию в сенат. Однако консул Габиний запретил им появляться в сенате, а наиболее рьяного из них, Элия Ламию, вообще выслал из Ри-

⁷⁶² Plut. Cato Min. XXXIV.

⁷⁶³ Plut. Cato Min. XXXIV.

⁷⁶⁴ Plut. Cato Min. XXXV.

⁷⁶⁵ Vell. II. 45.

⁷⁶⁶ Vell. II. 45.

⁷⁶⁷ Plut. Cic. XXX.

⁷⁶⁸ Cic. Att. X. 4. 3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Фессалоника, 17 августа 58 г.

⁷⁶⁹ Dio. XXXVIII. 17; Plut. Cic. XXXI.

⁷⁷⁰ App. II. 15; Plut. Cic. XXX.

⁷⁷¹ Plut. Cic. XXXI. Плутарх говорит о 20 тысячах сопровождавших Цицерона.

⁷⁷² App. II. 15; Plut. Cic. XXX.

ма⁷⁷³. Клодий не позволил своему коллеге Ниннию Квадрату вести среди народа агитацию за Цицерона⁷⁷⁴. Депутация всадников подверглась нападению сторонников Клодия, которых он заблаговременно расставил вокруг курии⁷⁷⁵. Сенаторы (часть из них в знак солидарности с Цицероном явилась на заседание, на котором должен был обсуждаться законопроект Клодия, облаченными в траур) попытались вынести на рассмотрение постановление, предписывающее всему народу одеться в траурное платье⁷⁷⁶. Консулы заблокировали внесение этого вопроса и предписали сенаторам немедленно снять траур⁷⁷⁷. Тогда сенаторы стали выбегать наружу и с криками рвать на себе платье⁷⁷⁸.

В марте 58 г. Клодий созвал народное собрание за стенами Рима в цирке Фламиния с тем, чтобы Цезарь, уже облаченный военным империем и готовившийся к отправке с армией в Галлию, высказал свою позицию⁷⁷⁹, а еще больше – устрасил Цицерона и его защитников своими грозными легионами⁷⁸⁰. Перед народом Клодий спросил у консулов об их мнении о предложенном законе. Писон ответил, что он всегда был сострадателем⁷⁸¹: «Ни один жестокий акт и ни одно бесчеловечное деяние [казнь катилинариев без суда] не может быть мною одобрено»⁷⁸². Зять Цицерона, Гай Писон, приходившийся Писону родственником, бросился ему в ноги, прося защитить оратора, однако консул оттолкнул его надменными и жестокими словами⁷⁸³. Габиний в своей речи пошел еще дальше, высказавшись за то, чтобы, наряду с Цицероном, к ответственности были привлечены сенаторы и всадники, допустившие казнь римских граждан без суда⁷⁸⁴. Взывший слово Цезарь заявил, что «казнить без суда таких людей, как Лентул и Цетег, было и недостойно и противозаконно»⁷⁸⁵.

Когда стало ясно, что привлечение к суду за внесудебную казнь катилинарцев неотвратимо, Цицерон срочно отправил к Помпею на дачу своего зятя Писона. Не дождавшись от триумвира какой-либо реакции, он сам явился в альбанское поместье. Узнав о приезде Цицерона, Помпей приказал закрыть двери перед всеми, кто приходил к нему, а сам покинул поместье

⁷⁷³ Cic. P. red. in sen. 12. Речь в сенате после изгнания. 5 сентября 57 г.; Dio. XXXVIII. 16.

⁷⁷⁴ Dio. XXXVIII. 16.

⁷⁷⁵ Dio. XXXVIII. 16; Plut. Cic. XXXI.

⁷⁷⁶ Plut. Cic. XXXI.

⁷⁷⁷ Dio. XXXVIII. 16.

⁷⁷⁸ Plut. Cic. XXXI.

⁷⁷⁹ Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁸⁰ Cic. Sest. 40. Речь в защиту Публия Сестия. В суде, 11 марта 56 г.

⁷⁸¹ Cic. P. red. in sen. 17. Речь в сенате по возвращении из изгнания. 5 сентября 57 г.

⁷⁸² Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁸³ Cic. P. red. in sen. 17. Речь в сенате по возвращении из изгнания. 5 сентября 57 г.

⁷⁸⁴ Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁸⁵ Plut. Cic. XXX.

через другие двери, избегнув неприятной для себя встречи⁷⁸⁶. Не получив обещанной поддержки, Цицерон стал публично оскорблять Помпея⁷⁸⁷. Он попытался еще раз найти поддержку у консулов, но Габиний принял его весьма грубо и сурово, а Писон, как и чуть ранее, перед отъездом, Катон, посоветовал «уступить бешеному напору Клодия, примириться с переменною обстоятельством и, тем самым, еще раз стать спасителем отечества, ввергнутого из-за него в злую смуту»⁷⁸⁸. Друзья также советовали Цицерону удалиться в добровольное изгнание. Один лишь Лукулл убеждал его остаться, «ибо, в конце концов, победа будет на его стороне»⁷⁸⁹.

В сложившейся ситуации Цицерон решил удалиться в изгнание. Позже, после возвращения в Рим, Цицерон будет утверждать: «Прежние силы заговорщиков и рассеянный и побежденный отряд негодяев Катилины снова собраны при Публии Клодии»⁷⁹⁰; «ко мне он [Клодий] отнесся так же, как отнесся бы и его близкий приятель Катилина, если бы победил»⁷⁹¹; «Вы стремились наказать меня, чтобы успокоить души мертвых заговорщиков. [...] И если я на некоторое время не уступил бы их безумию, то я должен был быть убит на могиле Катилины [...] какие еще нужны доказательства того, что между вами [Клодием и его сторонниками] и Катилиной нет никакого различия, если вы пробудили обезглавленную мною банду Катилины, вооружили заговорщиков?»⁷⁹².

20 марта 58 г., перед тем как покинуть Рим и тайно отбыть на Сицилию, Цицерон поднялся на Капитолий, где оставил маленькое изображение, посвященное Минерве-Покровительнице⁷⁹³. Сразу после отъезда Цицерона Цезарь отправился из Рима в Галлию⁷⁹⁴. «Консулы пировали и принимали поздравления от заговорщиков, причем один из консулов говорил, что был услугой Катилины, другой – что он родственник Цетега»⁷⁹⁵. Катилинарцы называли Авла Габиния «удачливым Катилиной»⁷⁹⁶. Не останавливаясь на достигнутом, Клодий провел закон о конфискации имущества Цицерона. Дом оратора был разрушен до основания⁷⁹⁷. До возведения на этом месте храма Свободы, о чем было принято специальное постановление⁷⁹⁸, в ка-

⁷⁸⁶ Plut. Cic. XXXI; Pomp. XLVI.

⁷⁸⁷ Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁸⁸ Plut. Cic. XXXI.

⁷⁸⁹ Plut. Cic. XXXI.

⁷⁹⁰ Cic. Sest. 42. Речь в защиту Публия Сестия. В суде, 11 марта 56 г.

⁷⁹¹ Cic. De har. resp. 5. Речь об ответах гаруспиков. В сенате, май (?) 56 г.

⁷⁹² Cic. Pis. 16.

⁷⁹³ Dio. XXXVIII. 17.

⁷⁹⁴ Plut. Caes. XIV.

⁷⁹⁵ Cic. pro dom. 62. Речь о своем доме. В коллегии понтификов, 29 сентября 57 г.

⁷⁹⁶ Cic. pro dom. 72. Речь о своем доме. В коллегии понтификов, 29 сентября 57 г.

⁷⁹⁷ Plut. Cic. 33.

⁷⁹⁸ Dio. XXXVIII. 17.

честве символа свободы там установили мраморную статую, принесенную с могилы какой-то распутницы⁷⁹⁹. Кроме этого, был принят персональный закон: под страхом смертной казни запрещалось предоставлять убежище изгнаннику в том случае, если он окажется на расстоянии менее 500 миль от Рима, и запрещалось когда-либо в будущем ставить вопрос о пересмотре или отмене закона⁸⁰⁰. Проконсул Сицилии отказался принимать Цицерона и тот вынужен был отправиться в Брундизий, чтобы отплыть на восток⁸⁰¹.

⁷⁹⁹ Cic. pro dom. 111; De har. resp. 33.

⁸⁰⁰ Cic. Att. III. Аттику, в Рим. Между Вибоном и Фуриями, 13 апреля 58 г.; Dio. XXXVIII. 17.

⁸⁰¹ Cic. Att. III.